

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024. Т. 15. № 1

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2024. Vol. 15. No. 1

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

М.В. Батиев

Феномен Любека в представлении
русских путешественников первой половины XIX в. 11

А.М. Новоторцева

Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда)
как пример источника личного происхождения
в изучении истории внешних связей
Русской православной церкви 28

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Э.Р. Полатханова

Граф А.А. Аракчеев и его участие
в решении крестьянского вопроса
в царствование Александра I 40

С.А. Пискунов

Имперский и советский опыт политики
аграрного переселения на Дальний Восток России:
сходства и различия 55

В.Н. Горлов, С.Н. Артёмов

Города-спутники СССР:
тенденции развития и размещения 69

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И.В. Васин

Особенности федеративного опыта Акарнанского союза
(V–II вв. до н.э.) 86

А.М. Родригес-Фернандес

Хиджаб в истории и ритуале ислама. 102

Ю.С. Русова

Текстильные изделия из погребальных комплексов
знатных женщин России и Речи Посполитой
в XVI–XVII вв.: сравнительный анализ 115

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- В.В. Бруз, С.Ф. Вититнев, А.В. Шмелёва*
Феномен фашизма в трактовках
современных зарубежных авторов 133

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- Д.Л. Фролов*
Рецензия на книгу:
Ковалев М.А. У истоков консерватизма в Англии.
Общественно-политические взгляды ранних тори.
1714–1760 гг. СПб., 2024 146

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

M.V. Batshev

The Lubeck phenomenon
in the minds of Russian travelers
of the first half of the XIX century 11

A.M. Novotortseva

Metropolitan Ioann's (Wendland's) daily
as an example of a source
of personal origin in the study
of the history of the external relations
of the Russian Orthodox Church 28

RUSSIAN HISTORY

E.R. Polatkhanova

Count Alexei Arakcheev and his involvement
into peasant affairs under Alexander I 40

S.A. Piskunov

Imperial and Soviet experience of the policy
of agrarian resettlement in the Russian Far East:
Similarities and differences 55

V.N. Gorlov, S.N. Artyomov

Satellite cities of the USSR:
Trends in development and placement 69

GENERAL HISTORY

I.V. Vasin

Features of the federal experience of the Akarnanian League
(V–II centuries BC) 86

A.M. Rodrigues-Fernandes

Hijab in the history and rituals of Islam 102

Yu.S. Rusova

The textiles from the burial complexes
of the noble women of Russia and Poland
in the XVI–XVII centuries: A comparative analysis 115

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

V.V. Bruz, S.F. Vititnev, A.V. Shmeleva
The phenomenon of fascism in the interpretations
of modern foreign authors 133

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

D.L. Frolov
Book review:
M.A. Kovalyov
At the origins of conservatism in England.
Socio-political views of the early Tories. 1714–1760.
St. Petersburg, 2024. 146

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27

УДК 392+94

М.В. Батшев

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва,
129366 г. Москва, Российская Федерация

Феномен Любека в представлении русских путешественников первой половины XIX в.

В эпоху потрясений первой половины XIX в. население Российской империи, прежде всего, представители образованного сословия, продолжало вести привычный и размеренный образ жизни. Одним из этих привычных аспектов было посещение европейских стран вне контекста военных действий. Восприятие представителями российского общества «чужих» территорий, инкорпорация их в привычные туристические, образовательные и прочие маршруты является важнейшим аспектом формирования образа мышления подданного Российской империи XIX в., воспринимавшего свою страну как часть Европы. В связи с этим, основная задача – показать, насколько привычный для русских немецкий город Любек становится важной частью для свободного передвижения русских путешественников, местом их адаптации в Европе. Этот процесс хорошо виден в документах личного происхождения первой половины XIX в.: некоторые опасения, новизна восприятия, ощущение себя изначально на чужой территории, а затем и привыкание. Анализ этих источников как единого блока позволяет говорить о том, что, несмотря на степень образованности, опыта путешествий и принадлежность к различным социальным слоям, Любек предстает в этих документах как место, воспринимающееся приезжающими в него как Европа в целом.

© Батшев М.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Любек, история Ганзейского Союза, путевые записки русских путешественников, источники личного происхождения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Батшев М.В. Феномен Любека в представлении русских путешественников первой половины XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 11–27. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27

M.V. Batshev

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, 129366, Russian Federation

The Lubeck phenomenon in the minds of Russian travelers of the first half of the XIX century

In the era of upheavals in the first half of the XIX century, the population of the Russian Empire, primarily representatives of the educated class, continued to lead their usual and measured way of life. One of these familiar aspects was visiting European countries outside the context of hostilities. The perception of “foreign” territories by representatives of the Russian society, their incorporation into the usual tourist, educational, etc. routes is the most important aspect of the formation of the way of thinking of a subject of the Russian Empire of the 19th century, who perceived their country as part of Europe. In this regard, the main task is to show how familiar to Russians the town of Lubeck was becoming an important part for the free movement of Russian travelers, a place for their adaptation in Europe. This process is clearly visible in personal documents of the first half of the 19th century – some fears, novelty of perception, the feeling of initially being in someone else’s territory, and then getting used to it. Analysis of these sources as a single block allows us to say that despite varying degrees of education, travel experience and belonging to different social strata, Lubeck appears in these documents as a place perceived by those who come to it as Europe as a whole.

Key words: Lubeck, history of the Hanseatic League, travel notes of Russian travelers, sources of personal origin

FOR CITATION: Batshev M.V. The Lubeck phenomenon in the minds of Russian travelers of the first half of the XIX century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 11–27. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27

Значение Любека как одного из ведущих торговых партнеров русского государства, имевшее место в эпоху средних веков, уменьшается в XVIII в. В первой половине XIX в. этот процесс продолжался. Любек, наряду с Гамбургом и Бременом, являлся одним из постоянных торговых партнеров России на Балтийском море. Одновременно с этим Любек был первым зарубежным городом, с которым устанавливается регулярное пассажирское сообщение с помощью паровых судов «Санкт-Петербургского и Любекского пароходного общества» [1; 2; 9].

Торговые связи, сильно затрудненные в эпоху Континентальной блокады, с 1815 г. начинают восстанавливаться. Одновременно с этим в Любек, как в старейший и наиболее известный город, связанный постоянным морским сообщением с Санкт-Петербургом, направляется поток путешественников, ехавших в Европу с самыми разными целями [4–7]. Для большинства путешественников данного периода Любек был транзитным пунктом, в котором они отдыхали после переезда по морю и одновременно старались составить впечатление о первом европейском заграничном городе. Впечатления от такого знакомства находили отражение в их травелогах.

Данные источники можно разделить на две части: источники, описывающие текущие события, и ретроспективные. Одновременно с этим их можно разделить на предполагавшиеся к публикации и те, которые создавались, собственно говоря, для самого автора.

К опубликованным источникам относятся дневник Екатерины Александровны Свербеевой¹, письма Петра Петровича Семёнова-Тянь-Шанского²; к неопубликованным: дневник Д.А. Милютина³, письма московского купца Федосия Степановича Купчинского⁴. Первоначально все

¹ Свербеева Е.А. Дневник // Памятники Культуры. Новые Открытия. 1997. М., 1998. С. 7–36.

² Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Юношеские письма 1844–1861. М., 2021.

³ Милютин Д.А. Дневник // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169 (Милютины). К. 1. Д. 14.

⁴ Дударева В.А. Ф.С. Купчинский и дневник его заграничного путешествия // Архив Российской академии наук. Ф. 611 (Н.И. Новосадский). Оп. 2. Д. 32а.

эти эго-документы создавались для собственной надобности и не предполагались для публикации.

Дневник Свербеевой впервые был опубликован С.Р. Долговой в 1997 г. Во вступительной статье к публикации она пишет, что перед нами не оригинал дневника, а копия, сделанная для А.И. Тургенева (но на основании чего сделан такой вывод, не поясняется). Сам дневник охватывает период с 17 мая по 12 сентября 1833 г. Записи разного объема делались в дневнике практически каждый день. Единственное исключение составляет период пребывания в Любеке. Дневник содержит запись за 8 июня – день приезда в Любек, а следующая запись датирована уже 21 июня – днем отъезда из Любека.

Недавно опубликованные письма из путешествия по Европе в 1853–1855 гг. Семёнова-Тян-Шанского более подробно рассказывают о его поездке, чем написанные позже мемуары.

Письма Купчинского, ставшего непосредственным свидетелем пожара и гибели парохода «Николай» недалеко от Травемюнде в 1838 г. [3], с одной стороны, проникнуты впечатлениями от пережитой автором трагедии, а с другой – содержат насыщенное подробностями описание событий, бывших на корабле с момента его отправления из Кронштадта и до пожара. Последующее пребывание в Любеке московского купца не было продолжительным, потому что его впечатления от увиденного там были крайне фрагментарны.

Перейдем теперь к тем источникам, которые изначально создавались с целью публикации. Литератор, филолог и издатель Николай Иванович Греч посещал Германию несколько раз и свои поездки описал в путевых записках. Самые значительные «путевые записки» Греча относятся к 1830-м гг. Пребывание в Любеке подробно описано в издании «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию»⁵. События этих «записок» относятся к 1835 г. В этом травелогe находится место не только описанию увиденного в городе, включая его достопримечательности, но также упоминается о встрече с русским консулом в Любеке Карлом фон Шлёцером, младшим сыном известного историка Августа Людвиг фон Шлёцера и отцом дипломата и историка Курда фон Шлёцера.

Письма из Любека Николая Васильевича Гоголя показывают нам город глазами молодого человека, который, вырвавшись из-под родительской опеки, совершает первое самостоятельное путешествие по большому миру, полное интереснейших впечатлений и неизбежных разочарований.

⁵ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. СПб., 1837.

К путевым запискам, написанным с целью показать их друзьям, относятся «Дневник русского путешественника по Европе»⁶, «Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839»⁷ и «Записки русского путешественника» князя Андрея Мещерского⁸. Все они изначально создавались для оперативной публикации.

В отдельную группу можно объединить путевые тексты ученых, проезжавших через Любек во время своих научных командировок и оставивших описание города в своих записках о путешествии.

История отношений России и ганзеатических городов была темой исследований М.П. Лесникова в 1960–1970-х гг. [10; 11], но после него, насколько известно, это направление (на материале XIX в.) не получило развития в отечественной историографии. Упоминания отдельных сюжетов, связанных с проблемами регулярного пароходного сообщения между Петербургом и Любеком (см., например [8, с. 21–22]), не позволяют представить читателям эту тему во всем ее своеобразии. В XIX в. в печати появилась единственная статья русского генерального консула в Любеке К. фон Шлёцера⁹. Автор говорит о большом значении Любека как города-посредника в торговле между Западом и Севером Европы до 1806 г., когда город был занят войсками Наполеона. В дальнейшем он намекает на своеобразную роль города в контрабандной торговле во время Континентальной блокады: «Французы дали торговле новый оборот, о котором прежде и не догадывались»¹⁰. Описывая то, что происходило с торговлей его родного города после падения Наполеона, Шлёцер рисует противоречивую картину, где, с одной стороны, с 1814 г. Любек перестал быть центром транзитной торговли, с другой – «в продолжении истекшего с того времени двадцатипятилетия, взамен приобретенного древнею Русскою торговлю богатства, в Любеке явилась опять зажиточность, хотя жители обязаны ею без сомнения и теперь преимущественно своей торговлей с Россией и другими северными державами»¹¹. Понимая важность для города торговых отношений с Россией, Шлёцер заканчивает свою статью так: «Что было бы с Любеком без С. Петербургского пароходства и без торговли с Финляндией!»¹².

⁶ Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. М., 1843.

⁷ Корсаков Н.А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции в 1839. М., 1844.

⁸ Записки русского путешественника князя Андрея Мещерского. М., 1842.

⁹ Шлёцер К., фон. О торговых сношениях Новгорода с Любеком, в средние веки // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1839. Ч. 22. Отд. 2. С. 1–16.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Целью данной статьи будет воссоздание эмоциональной картины восприятия Любека русскими путешественниками в первой половине XIX в.

Для путешественников переход на корабле между Кронштадтом и Травемюнде, как правило, был первым в жизни морским путешествием. Потому испытанные переживания находили обязательное место в их записках. Частью феномена первого заграничного города был образ порта Травемюнде, который в сознании некоторых путешественников затмевал непосредственно сам Любек.

Д.А. Милютин писал в дневнике о своем восторге от увиденного: «Мы увидели вдруг во всем, от большого до малого, от общего до мельчайших подробностей – никогда не виданное прежде – ни с чем... не могу я сравнить удовольствие ощущений; при первых впечатлениях нового края, в который только что вступаешь»¹³. В «Воспоминаниях», обработав через несколько десятилетий дневниковые записи, он писал: «едва дождался остановки парохода у причала и поспешил осматривать Травемюнде – первый немецкий городок, который увидел»¹⁴. «Быстро обошел я немногие его пустынные улицы, еще погруженные в глубокий сон. Несмотря на то, скромный этот городок, оживающий только во время съезда на морские купания, произвел на меня приятное впечатление и показался мне очень “gemütlich” (милым. – М.Б.)»¹⁵. У Милютина вызывает восторг дорога между Травемюнде и Любеком, и в дневнике он даже вынужден себя останавливать: «Я никогда не кончил бы, если бы захотел здесь все написать, что видел я сего дня»¹⁶.

Дальше, что большая редкость для путешественников, он подробно объясняет причину своего восторга: «Да и могло ли быть иначе? В отечестве своем оставил я глубокую осень, дождь, перемежавшийся со снегом и морозом, слякоть, оголенные деревья; здесь нашел густую листву на окаймляющих набережную липах и каштанах, везде чистоту и опрятность»¹⁷.

До 1830 г. путешественники отправлялись в Любек на купеческих кораблях. Примером такого путешествия может служить поездка Д.Н. Свербеева и его друга А.С. Норова. Еще находясь в Санкт-Петербурге, он договорился с капитаном любекского корабля «Анна

¹³ Милютин Д.А. Дневник // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169 (Милютины). К. 1. Д. 14. Л. 10 об.

¹⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 325.

¹⁶ Милютин Д.А. Дневник // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169 (Милютины). К. 1. Д. 14. Л. 15.

¹⁷ Там же.

Гертруда», что тот возьмет его вместе с Норовым и камердинером Иваном на борт и доставит из Кронштадта до Травемюнде. За проезд на корабле капитан взял по 10 червонцев с каждого из господ и 5 червонцев с камердинера. За эти деньги он не только обещал доставить их в порт назначения, но и обеспечить на борту трехразовое питание. Как пишет Свербеев, незадолго до намеченной даты отъезда «присланный от Норова не то наш общий камердинер Ваня, не то какой-то человек с корабля взял мои вещи, уложенные в большой чемодан, да совсем некстати захватил и тот небольшой, в котором положено было все необходимое на самый путь до Любека»¹⁸. Непосредственно в день отъезда его товарища задержали неоконченные дела, и они едва не опоздали на пароход, который должен был доставить их в Кронштадт, где их ожидала «Анна Гертруда». В Кронштадте приключения продолжались. Купеческое судно в соответствии с договоренностью ждало их с утра, но не дождалось: «Капитан захотел воспользоваться попутным ветром, снялся с якоря и пустился [в путь]»¹⁹. Но из-за изменившегося ветра «Анна Гертруда» вернулась в порт и на следующий день забрала опоздавших путешественников.

Корабль был очень маленький, и на нем была только одна каюта на шесть мест для пассажиров. Она была очень тесной, плохо убранной, а двухэтажные койки казались похожими на гробы, как писал Свербеев. Описывая каюту, он добавляет, что там было душно, воняло кухней, съестным и другими запахами. В отличие от своих товарищей по путешествию, он переносил плавание по морю без особых проблем: «Я один вполне наслаждался, особенно при восходе и закате солнца»²⁰. После шторма Свербеев с Норовым попали в шторм и решили покинуть корабль в Ревеле (Таллине), проделав остаток пути до Травемюнде по суше. Это решение оказалось очень удачным. Покинутое ими судно сполна испытало на себе все превратности Балтийского моря, попав в сильные шторма, и смогло добраться до Любека только через 27 дней. Путь путешественников в Травемюнде по суше прошел через Ригу, Кенигсберг, Берлин. Впечатления от увиденного в Травемюнде нашли свое отражение в его записках: «Травемюнде и его морские ванны со своими посетителями, любекскими торгашами и голштейнскими фермерами не представляют широкого поля моим запискам»²¹. Похожие впечатления от увиденного в Травемюнде были у посетившего его через

¹⁸ Свербеев Д.Н. Мои Записки. М., 2014. С. 183.

¹⁹ Там же. С. 184.

²⁰ Там же. С. 186.

²¹ Там же. С. 189.

два десятилетия профессора казанского университета Ивана Симонова: «В Травемюнде можно взглянуть только на маяк и морские ванны, куда в каждое лето приезжают пользоваться несколько семейств»²².

В 1831 г. ситуация меняется с началом регулярных рейсов кораблей «Санкт-Петербургского и Любекского пароходного общества» – первого регулярного международного пассажирского пароходства в России. Они начали пассажирские перевозки с 4 мая, когда пароход «Николай» под управлением шкипера Дж. Блака пришел из Любека после 82 часов плавания по Балтийскому морю. С этого момента, вместо нерегулярных рейсов, устанавливается регулярное расписание прихода и отправления судов, которое объявлялось заблаговременно и действовало на протяжении всей навигации.

Спрос на поездки увеличивался в мае, в начале сезона навигации и путешественникам приходилось иногда по две недели ждать, чтобы получить свободное место в каюте. На первых порах цена билета в каюту первого класса составляла 24 голландских червонца с человека, второго класса – 18 червонцев с человека. Дети до 10 лет ехали за половину цены взрослого. Лакеи, сопровождавшие своих господ, платили по 10 червонцев. Питание на пароходе пассажиры оплачивали отдельно. Пассажирам разрешалось провозить без оплаты багаж весом до 100 фунтов. Всего на линии работали три парохода: «Николай», «Александра» и «Наследник».

Подробно внутреннее устройство пароходов описывал в своем травелогe Н.И. Греч, апеллируя при этом к провинциальным читателям: «Что нам кажется все дневным (так в тексте. – М.Б.), обыкновенным, даже ничтожным, то может быть весьма любопытно и занимательно для иногороднего. Итак, для почтенных моих читателей, в Торжке, в Сингелее, в Семипалатинске и в Зашиверске, намерен я заняться описанием прекрасного парохода “Александра”, на котором скоро, счастливо и чрезвычайно приятно перенесся я в Германию»²³. Определив, для кого он пишет свои записки, Греч отмечает: «Палуба, ровная, чистая, просторная, служит гульбищем для пассажиров. В задней части, (в корме) парохода, находится каюта для пассажиров – продолговатая, просторная светлая комната, в которой завтракают, обедают и ужинают»²⁴. Греч в феномен пассажирского парохода включает и разнообразие кают: «Еще далее находятся вторые места, в которых жить

²² [Симонов И.М.] Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году профессора Симонова. Казань, 1844. С. 5.

²³ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. СПб., 1837. С. 8.

²⁴ Там же. С. 11.

теснее и неприятнее, нежели в первых. За то они значительно дешевле: этими местами пользуются люди небогатые, ремесленники и т.п., которые, бывало, на купеческих кораблях помещались еще хуже»²⁵. Спальные места он описывает отдельно: «Кровати устроены одна над другою; если товарищ ваш не расположен к морской болезни, то лучше спать на нижней»²⁶.

Описав места для пассажиров, Греч пишет про их занятия во время плавания из Кронштадта до Травемюнде. Основным развлечением и времяпрепровождением пассажиров на пароходе был прием пищи. На пароходе посреди палубы располагалась кухня, на которой с помощью пара готовились различные блюда. Пассажиры имели возможность получать горячую пищу, в т.ч. свежесдобитый хлеб четыре раза в день. «В девять часов вечера ужин такой, что после этого должно часа два погулять по палубе»²⁷. О питании на корабле подробно пишет в письме к супруге купец Ф.С. Купчинский: «Зовут пить чай и вместе (т.е. одновременно. – М.Б.) завтракать; каждому всмятку яйцо, масло, колбаса, ветчина и котлеты из печенок; потом чай сколько угодно»²⁸. Некоторые путешественники и вовсе считали пароходы «Санкт-Петербургского и Любекского пароходства» лучшими из курсировавших тогда по Балтийскому морю»²⁹.

Несмотря на пароходный комфорт, путешественникам во время перехода от Кронштадта до Травемюнде часто хотелось морских приключений в виде штормов и бурь. В частности, такое желание высказывал Я.И. Неверов: «Мне страх как хотелось, чтобы оно (море. – М.Б.) хоть немного разыгралось – но в четыре дня нашего вояжа была такая тишь, что мы не разу не подняли парусов»³⁰. Путешественники, которые во время поездки по этому маршруту попадали в шторм, мечтаний Неверова совершенно не разделяли: «Мне в первый раз довелось испытать то отвратительное состояние, которое называется морскою болезнью; я давал себе зарок никогда впредь не предпринимать морских путешествий, зарок, который забывается с первым шагом на твердую землю»³¹.

²⁵ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. СПб., 1837. С. 12.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Там же. С. 13–14.

²⁸ Дударева В.А. Ф.С. Купчинский и дневник его заграничного путешествия // Архив Российской академии наук. Ф. 611 (Н.И. Новосадский). Оп. 2. Д. 32а. Л. 130.

²⁹ Греч Н.И. Парижские письма с заметками Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847. С. 18.

³⁰ Письмо Я.М. Неверова к В.В. Григорьеву от 17 июня 1837 года // Щукинский Сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 401.

³¹ Милотин Д.А. Воспоминания 1816–1843. М., 1997. С. 325.

Князь А.П. Мещерский, также испытывавший все «прелести» Балтийского моря, описывает отношения между пассажирами на корабле в этой ситуации: «Во время тихого плавания есть еще возможность пользоваться приятностью общества, но вместе с переменою погоды исчезает и любезность в разговоре: все расходятся по углам, спрашивают, жалуются, ропщут и немилосердно накидываются на первого услужливого, имевшего неосторожность вызваться с утешениями»³².

Путешественники, много читавшие о Любеке, представляли себе его как очень большой город с богатыми предместьями. Реальность оказывалась совершенно иной: «Немногие, весьма обыкновенные здания возвышались невдалеке от заставы; после уже узнал я, что городские владения не простираются далее вала. Город не велик, не огромен в сравнении с другими большими городами Европы»³³. Про маленькие размеры города пишет в своем дневнике А.М. Зилов: «Город не обширен; улицы так узки, что два экипажа едва разъезжаются, но между тем никого не давят, ничего не ломается»³⁴. Знаменитый историк Т.Н. Грановский, проезжавший через Любек в Берлин слушать лекции, писал в письме к сестре, что Любек заслуживает того, чтобы его посетить, но в своем письме ограничился только упоминанием об узких улицах, застроенных чрезмерно высокими домами.

Для многих путешественников Любек был не просто первым заграничным городом в очередном путешествии, а первым увиденным ими нероссийским городом вообще. Потому эмоциональные ожидания от города были очень большие: «Любек есть первый встречный город и вместе первая приманка его раздраженному и на все готовому любопытству»³⁵.

Уникальность для развития личности первого впечатления от знакомства с «другим», хорошо понимал Н.В. Гоголь, много об этом размышлявший: «Каковы-то будут первые впечатления при взгляде на совершенно новое, совершенно бывшее чуждым доселе для меня, на другие нравы, других людей; как любопытство мое будет разгораться постепенно»³⁶. Вероятно, он не имел в виду конкретный город, Любек стал таковым случайно и был воспринят не как феномен. Он не увидел

³² Записки русского путешественника князя Андрея Мещерского. М., 1842. С. 1.

³³ Раевский А. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 1822. Ч. 2. С. 21.

³⁴ Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. М., 1843. Ч. 1. С. 17.

³⁵ Шевырѳев С.П. Сутки в Любеке (Из дорожных записок 1838 года) // Литературные прибавления к журналу Министерства Народного Просвещения. 1839. № 1. С. 5.

³⁶ Гоголь Н.В. Письмо М.И. Гоголь от 13 августа 1829 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1940. С. 154.

ничего особенного: «Я въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто»³⁷.

В отличие от Гоголя, Семёнов-Тянь-Шанский пишет, что Любек его поразил своим оригинальным и живописным видом. Он передает в письме картину города, которая произвела на него впечатление: «Вообразите непрерывную линию из высоких и узких домов, большею частью от четырех до восьми этажей, с двусторонними фасадами и с крутыми крышами со скатами на обе стороны боковых фасадов. Эти дома такие узкие, что иногда у них в ширину всего два или даже одно окно, в то время как в высоту они никогда не ниже четырех этажей. Набережная узкая, она неплохо вымощена и всего на несколько вершков выше Траве, от речной воды она не отделена никакими укреплениями или решеткой»³⁸.

Еще более восторженно, чем Семёнов-Тянь-Шанский, увиденное в Любеке воспринимает Я.И. Неверов. Ему кажется, что он попал в волшебный мир: «Дома, улицы, люди, экипажи, все это так ново для меня, так странно»³⁹. На него, как и на Семёнова-Тянь-Шанского, производят впечатление впервые увиденные высокие дома, он признается своему адресату, что не мог себе представить, чтобы в этих тесных домах могли жить люди, но одновременно с этим был удивлен роскошными тополями, которые росли почти перед каждым домом и большому количеству цветов на окнах домов.

О том, что их поражал Любек, писали многие путешественники. Д.А. Милютин в своем дневнике ищет место впечатлениям от Любека среди впечатлений от увиденного им в других местах: «Въезд в Любек особенно поразил меня: нельзя себе вообразить, как этот город оригинален и необыкновенен после наших русских городов. Может быть в других городах, которые еще увижу я в Европе, есть даже и более необыкновенного, замечательного – но не думаю, чтобы который-нибудь уже снова произвел на меня такое впечатление новостью картины, как Любек; ибо до него я не видел ничего в подобном роде. Мне показался он столь же необыкновенным, как первое азиатское селение, которое удалось мне увидеть»⁴⁰. Московский славянофил Д.А. Валуев,

³⁷ Гоголь Н.В. Письмо М.И. Гоголь от 13 августа 1829 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1940. С. 154.

³⁸ Любек // Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Юношеские письма 1844–1861. М., 2021. С. 425.

³⁹ Письмо Я.М. Неверова к В.В. Григорьеву от 17 июня 1837 года // Щукинский Сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 402.

⁴⁰ Милютин Д.А. Дневник // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169 (Милютины). К. 1. Д. 14. Л. 16.

отправлявшийся в 1844 г. на лечение в Англию, проезжая через Любек, оставил самое неожиданное его описание. «Меня поразил Любек, не видавши, не поймешь немецкого города, а между тем, как только увидел, убедился, что [это] Славянский Любоч, без шуток, форма всех домов [есть] каменная изба и мне тотчас живо напомнило село Лысково возле Нижнего; серьезно, улицы сплошных изб и ряды крыш совершенно напоминают. Особливо я помню одну, где, видно по какому-то инстинкту, тамошние мужики выстроились (т.е. построили свои дома. – М.Б.) такими же каменными избами, только не достает черепиц»⁴¹. Любек нравился и другому славянофилу – А.С. Хомякову. «Правду сказать, город Любек так мил, что им нельзя не любоваться. Он милее Гамбурга»⁴².

В «Дневнике» Зилова встречаем редкий образ, которого нет в текстах других путешественников. Это некий опытный турист, задача которого оттенять восторги автора, совершающего свое первое заграничное путешествие: «Он несколько раз бывал за границу: стало быть, мог смотреть на восторги новичка с иронической улыбкою»⁴³.

Важной частью феномена Любека для русских являлись люди, в первую очередь, женщины. Учитывая, что большинство текстов о путешествиях, анализируемых нами, написаны молодыми неженатыми мужчинами, интерес их к местным женщинам представляется вполне естественным. Путешественники единодушно восхищаются красотой местных жительниц, преимущественно служанок, спешащих по своим делам, которых они часто видят на улицах Любека: «И какие служаночки, опрятненькие, беленькие! Жаль, что не берут отсюда на наши театры статисток для немых ролей. Да то беда: тогда перестали бы смотреть на актрис»⁴⁴. Обращали внимание на женщин и в других обстоятельствах. Н.А. Корсаков, посетивший театральное представление, писал: «Впереди лавочек, на которых сидят зрители, пред каждым поставлен небольшой столик, а пред мужскими местами стоят кружки с пивом и зажигательные спички для закуривания трубок. Женщины почти все кушают разные сласти, некоторые так же запивают и вяжут чулки. Все это производят они не только в антрактах (между действий), но и во время самого представления»⁴⁵.

⁴¹ Европа глазами славянофила. Письма Д.А. Валуева из Европы // Архив Наследия. Вып. 15. М., 2016. С. 17.

⁴² Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. VIII. С. 8.

⁴³ Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. М., 1843. Ч. 1. С. 17.

⁴⁴ Греч Н.И. Действительная поездка в Германию в 1835 году // Сочинения Николая Греча. 1855. Т. III. С. 16.

⁴⁵ Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839. М., 1844. С. 15.

Еще одной частью феномена путешествия являлось то, в какое время года и при какой погоде русские туристы видели Травемюнде, а потом и Любек. Так, в дневнике Е.А. Свербеевой восторгом от теплой летней погоды полны все записи. П.А. Вяземский в письме к сыну, написанном в августе 1834 г., сообщает, что во время плавания была все время жара, а свежесть измученные пассажиры ощутили только в Любеке.

В отличие от них, В.А. Жуковский, который, как и Свербеева, приехал весной, писал, что в Любеке было так же холодно, как и на берегах Финского залива⁴⁶.

Частью любекского колорита была городская кухня, не совсем привычная для русского путешественника. Свербеева записывала в дневнике: «В первый раз ела крабов, прекрасный вкус, ела тюрбо, превосходную рыбу»⁴⁷. От немецких групповых ужинов в трактирах Любека, заканчивающихся общим пением, в восторге был Гоголь.

Важным элементом впечатлений от Любека и Травемюнде были яркие краски, с которыми пассажиры пароходов, приходящих из Санкт-Петербурга, сталкивались еще на подходе к порту. Эта яркость выступала сильным контрастом по сравнению с однообразием, которое они наблюдали во время морского путешествия и к которому привыкли в столице России: «Видны красивые дома, аллеи деревьев, много народа в красивой одежде, женщины в цветных немецких юбках с высокой талией (так в тексте. – М.Б.), два рукава, маленький фартучек, свекольные лица»⁴⁸. Еще одним цветом, на который обращали внимание путешественники, был зеленый: «Почернелые здания, у которых целые стены обвиты зеленым свежим плющом и обставлены цветами, – зрелище восхитительное»⁴⁹.

У других путешественников увиденное в Любеке, в первую очередь его средневековое наследие, выступало в качестве эталона, с которым сравнивали другие немецкие города. Семёнов-Тян-Шанский, описывая увиденное в Брауншвейге, отметил: «Только два города Северной Германии – Любек и Брауншвейг не утратили еще своего средневекового Ганзеатического характера. Архитектура домов здесь, однако, несколько отлична от Любекской, хотя дома не менее древние; скаты крутые, черепичные крыши обращены вперед, на улицу, а не в стороны, этажей

⁴⁶ Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу // Русский Архив. 1883. Кн. 1. С. IV.

⁴⁷ Дневник Е.А. Свербеевой // Памятники Культуры. Новые Открытия. 1997. М., 1998. С. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

не так много (три), фальшивых окон, узких бойниц и oeils de boueuf⁵⁰ нет. Есть, однако же, три дома совершенно любекской архитектуры»⁵¹.

Поездку в Любек как феноменальное путешествие во времени воспринимает П.В. Анненков: «Любек поразил и очаровал нас. Мы переехали не только Балтийское море, но переехали прямо в Европу средних веков. За исключением стен, разрушенных Наполеоном, город остался таким, как застал его Лютер»⁵². Историческое прошлое города как части Ганзейского союза было важным элементом феномена: «Но Любек всегда удерживал первенство: он был блюстителем законов; он располагал всеми сообщениями чужеземными; в стенах его собирались послы от других городов Ганзеатических»⁵³. О похожих ощущениях от увиденного в Любеке пишет Греч. Ему представлялось, что он по мановению волшебной палочки был перенесен из юного, великолепного, светлого Петербурга в центр старинной Ганзы, которая доньше живет своими нравами и обычаями.

Частью непривычного для путешественников образа города было отношение к религии. Путешественники, осматривая построенные в средние века католические соборы, ожидали увидеть в Любеке торжество протестантизма, в виде уничтожения католических святынь, но наблюдают совершенно противоположное этому. Греч после осмотра церкви Святой Марии отметил в «Записках»: «Эта церковь, как и прочие, построена во время владычества католического исповедания, но в ней нет следов того пуританского фанатизма, с которым католические храмы превращены в протестантские в Женеве и Лозанне. Католические образа, изваяния, надписи сохранились в целости и тщательно поддерживаются. Изменена только форма престола, и вынесены исповедные [кабины], как излишние при новых обрядах»⁵⁴.

Интересен образ Любека и Травемюнде как теперь уже последнего европейского города, который видят путешественники перед возвращением в Россию и места, где они садятся на пароход. П.А. Вяземский, описывая свои впечатления от Любека в мае 1835 г., куда он долго добирался в надежде отплыть на первом пароходе в навигацию (он только в порту узнал, что из-за льда пароход не вышел из Петербурга), отмечает: «Невесело здесь ждать. Жаль мне, что я еще суток не прожил в Дрездене, чтобы осмотреть окрестности и Саксонскую Швейцарию, жаль,

⁵⁰ Люкарна, овальное окно.

⁵¹ <Брауншвейг> // Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Юношеские письма 1844–1861. М., 2021. С. 436.

⁵² Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 6

⁵³ Раевский А.Ф. Воспоминания русского офицера. Т. 2. С. 26.

⁵⁴ Греч Н.И. Действительная поездка в Германию. С. 19.

что не торопясь не заехал в Гамбург»⁵⁵. Несмотря на охватывающую автора письма тоску, он пытается найти приятное в грядущем путешествии из Любека до Санкт-Петербурга: «Я, признаюсь, рад, что не буду на том же (имеется в виду: плыть обратно на том же корабле. – В.Б.), хотя и не знаю, чему радуюсь. Море все-таки будет то же и воспоминания те же»⁵⁶. Возвращавшемуся из заграничного путешествия через Любек в Петербург в 1842 г. профессору Симонову пришлось прождать целых семь дней в ожидании парохода. В 1837 г. из продолжительного заграничного путешествия по Средиземноморью через Любек возвращался Н.С. Всеволожский. Он очень спешил сесть на корабль и вернуться домой. Его впечатления от Травемюнде удивительно лаконичны: «Травемюнде, местечко, замечательно единственно тем, что оно служит пристанью Любеку»⁵⁷. Но, наряду с такой краткостью, он прекрасно понимает значение этого порта для близких ему по духу путешественников из России: «Но сколько ожиданий, помышлений и вздохов несет к нему в наше время из России! Там пристают, оттуда (курсив автора. – М.Б.) пускаются в море наши родные, друзья, земляки»⁵⁸.

Проанализировав путевые записки, можно воссоздать картину представлений о Любеке у русских путешественников первой половины XIX в. Одно из главных мест в этих представлениях занимает возможность перенестись за несколько дней комфортабельного путешествия на пароходе из Санкт-Петербурга в хорошо сохранившийся европейский средневековый город, бывшую столицу Ганзейского союза. На восприятие первого увиденного заграничного города оказывали влияние сформировавшиеся у них в России образы и представления.

Увиденное в Любеке и Травемюнде отличалось чистотой, общей аккуратностью, а также цветом покраски городских зданий, высокими домами и тесными улицами города. На позитивное отношение к городу работал эффект новизны и заранее созданной в представлениях путешественников картины европейского города, отличающегося от привычной им российской действительности.

Несмотря на торговый характер города, в путевых записках отсутствуют упоминания о складах с товарами, торговых судах или магазинах, в отличие от описаний традиционного конкурента Любека – Гамбурга,

⁵⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Д. 3269. Л. 94.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839. Т. 2. С. 519.

⁵⁸ Там же.

где эти типичные атрибуты торгового города присутствуют. Возможно, это связано с тем, что в Любеке русские путешественники предпочитали видеть застывший в средневековые город, не замечая его современной торговой активности.

Библиографический список / References

1. Батшев М.В. Любек – русские ворота в Европу. Франкфурт-на-Майне, 2023. [Batshev M.V. Lyubek – russkiye vorota v Yevropu [Lubeck is the Russian gateway to Europe]. Frankfurt am Main, 2023.]
2. Батшев М.В., Трифонова С.А. Любек и Россия: семь веков взаимоотношений // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге: Сборник материалов Международного научно-просветительского форума, Псков, 16–17 сентября 2021 года. Псков, 2021. С. 26–33. [Batshev M.V., Trifonova S.A. Lubeck and Russia: Seven centuries of relationships. Rossiya – Germaniya v obrazovatel'nom, nauchnom i kulturnom dialoge. Pskov, 2021. Pp. 26–33. (In Rus.)]
3. Батшев М.В., Трифонова С.А. Источники для реконструкции катастрофы парохода «Николай I» в 1838 г. // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: материалы Международной конференции, Москва, 28 марта – 1 апреля 2022 года. М., 2022. С. 142–145. [Batshev M.V., Trifonova S.A. Sources for reconstructing the disaster of the steamship “Nicholas I” in 1838. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii yestestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN*. Moscow, 2022. Pp. 142–145. (In Rus.)]
4. Батшев М.В., Трифонова С.А. Я в первый раз делаю путешествие, и впрямь наука. Рецензия на книгу: Сергей Иванович Тургенев. Поездка в Голландию в 1811 году. СПб.: Нестор-История, 2022 // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 151–156. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-151-156 [Batshev M.V., Trifonova S.A. “I’m making a trip for the first time, and from now on science”. Book review: Sergey Ivanovich Turgenev. A trip to Holland in 1811. St. Petersburg, 2022. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 11–25. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25]
5. Жданов С.С. «По избитой дороге европейских туристов»: репрезентация пространства Германии в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Н.И. Греча // Два века русской классики. 2022. Т. 4. № 2. С. 42–63. [Zhdanov S.S. “On the beaten path of European tourists”: Representation of the space of Germany in “Paris letters with notes about Denmark, Germany, Holland and Belgium” of N.I. Grech. *Dva veka russkoy klassiki*. 2022. Vol. 4. No. 2. Pp. 42–63. (In Rus.)]
6. Жданов С.С. Пространство Германии в отечественных травелогах второй трети XIX века (на материале текстов М.П. Погодина и Н.А. Корсакова) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы VI Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26–29 мая 2018 года / под ред.

- П.В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2018. С. 8–22. [Zhdanov S.S. The space of Germany in domestic travelogues of the second third of the 19th century (based on the texts of M.P. Pogodin and N.A. Korsakov). *Dialog kultur: poetika lokalnogo teksta: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Gorno-Altaysk, 26–29 maya 2018 goda*. P.V. Alekseyev (ed.). Gorno-Altaysk, 2018. Pp. 8–22. (In Rus.)]
7. Жданов С.С. Репрезентация пространства Германии в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера // *Филология и человек*. 2021. № 4. С. 79–92. [Zhdanov S.S. Representation of the space of Germany in “Journey” by V.K. Kuchelbecker. *Philology & Human*. 2021. No. 4. Pp. 79–92. (In Rus.)]
  8. Орлов А.А. Английский шпионаж в России в 1820–1830-х годах: изменение форм и методов разведывательной деятельности // *Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ / отв. ред. А.М. Родригес-Фернандес, М.В. Пономарёв, С.Ю. Рафалюк*. М., 2017. С. 12–26. [Orlov A.A. Englische spionage in Russia in the 1820–1830s: Changing forms and methods of intelligence activities. *Aktualnyye problemy novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran*. A.M. Rodrigues-Fernandes, M.V. Ponomarov, S.Yu. Rafalyuk (eds.). Moscow, 2017. Pp. 12–26. (In Rus.)]
  9. Трифонова С.А., Батшев М.В. Санкт-Петербургское и Любекское пароводное общество 1831–1853 гг.: доходы и дивиденды // *Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: сборник материалов Пятой Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 года / под ред. А.А. Богданова*. Вып. V. СПб., 2022. С. 235–239. [Trifonova S.A., Batshev M.V. St. Petersburg and Lubeck Shipping Company 1831–1853: Income and dividends. *Dengi v rossiyskoy istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniya, bytovaniya*. A.A. Bogdanov (ed.). Vol. V. St. Petersburg, 2022. Pp. 235–239. (In Rus.)]
  10. Lesnikov M.P. Lübeck als Handelsplatz für osteuropäische Waren im XV. Jahrhundert. *Hansische Geschichtsblätter*. 1960. 78. Jg. S. 67–86.
  11. Lesnikov M.P. Lübeck als Handelsplatz für Osteuropawaren im XIV. Jahrhundert. *Hansische Studien. Heinrich Sproemberg zum 70. Geburtstag*. Berlin, 1961. S. 273–292.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023, принята к публикации 20.01.2024
The article was received on 02.10.2023, accepted for publication 20.01.2024

Сведения об авторе / About the author

Батшев Максим Владимирович – старший научный сотрудник, руководитель Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Москва

Maxim V. Batshev – senior researcher, Head at the Center for Information Support and Documentation of the Heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow

E-mail: bmv@list.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39

УДК 322+348.71+94

А.М. Новоторцева

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда) как пример источника личного происхождения в изучении истории внешних связей Русской православной церкви

В статье впервые вводится в научный оборот оригинальный источник личного происхождения – ежедневник митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) за 1959 г. из личного архива его духовной дочери, писателя Э.Л. Меженной. Представлен уникальный исследовательский опыт изучения истории внешних связей Русской православной церкви с другими Православными церквями в «хрущевское время» в соотношении с материалами других групп опубликованных и неопубликованных исторических источников. Личные записи владыки Иоанна в статусе представителя Московского Патриархата при Патриархе Антиохийском в Дамаске позволяют уточнить многие даты и факты, события и их хронику, а главное – имена, а также представить некоторые штрихи к портрету личности нашего представителя на Ближнем Востоке и к личностям других церковных и общественно-политических деятелей середины XX в.

Ключевые слова: митрополит Иоанн (Вендланд), источник личного происхождения, Русская православная церковь, частный личный архив, внешне-церковная деятельность, церковная дипломатия, Сирия, Ливан, Ирак, Ближний Восток, Антиохийский Патриарх Феодосий VI (Абурждели)

© Новоторцева А.М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Новоторцева А.М. Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда) как пример источника личного происхождения в изучении истории внешних связей Русской православной церкви // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 28–39. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39

A.M. Novotortseva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Metropolitan Ioann's (Wendland's) daily as an example of a source of personal origin in the study of the history of the external relations of the Russian Orthodox Church

The article introduces for the first time into scientific circulation an original source of personal origin – the diary of Metropolitan of Yaroslavl and Rostov Ioann (Wendland) for 1959 from the personal archive of his spiritual daughter, journalist and writer E.L. Mezhenayaya. A unique research experience is presented in studying the history of external relations of the Russian Orthodox Church with other Orthodox churches in the “Khrushchev era” in correlation with materials from other groups of published and unpublished historical sources. Personal records of Metropolitan Ioann in the status of the representative of the Moscow Patriarchate to the Patriarch of Antioch in Damascus allow us to clarify various dates and facts, events and their chronicle, and most importantly names. The article adds some touches to the portrait of an outstanding personality of our representative in the Middle East and to the personalities of other church and socio-political figures of XX century.

Key words: Metropolitan Ioann (Wendland), a source of personal origin, Russian Orthodox Church, private personal archive, external church activities, church diplomat, Syria, Lebanon, Iraq, the Middle East, Patriarch of Antioch Theodosius VI (Aburzhdeli)

FOR CITATION: Novotortseva A.M. Metropolitan Ioann's (Wendland's) daily as an example of a source of personal origin in the study of the history of the external relations of the Russian Orthodox Church. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 28–39. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39

Источники личного происхождения (мемуары, воспоминания, дневники, письма) как самостоятельный вид письменных исторических источников всегда являлись уникальными объектами исследования, содержащими такие исключительные сведения и факты, которые, как правило, невозможно найти в официальных документах. При этом данного вида источники, называемые отдельными исследователями «эго-тексты» или «эго-документы», отражают еще и внутреннее эмоциональное состояние автора, беспрецедентно личное, что открывает совершенно новые исследовательские горизонты [6, с. 14–32]. В практике исторических исследований документы личного происхождения редко являлись основными источниками по теме, многие из них давно введены в научный оборот, частично или полностью опубликованы. В настоящее время группы источников личного происхождения представляют собой личные архивы (личные фонды) в виде единиц хранения в государственных центральных и региональных архивохранилищах страны. При этом известны и частные личные архивы, которые менее доступны для изучения профессиональными исследователями по разным причинам, в т.ч. и чисто субъективным.

Одним из таких частных архивов, содержащих личную переписку митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда)¹ с его духовным отцом митрополитом Гурием (Егоровым), а также дневниковые записи его сестры, монахини Евфросинии (Вендланд), является архив, находящийся у духовной дочери владыки Иоанна, журналиста и писателя Э.Л. Меженной. Кроме письменных источников, представляющих богословские и церковно-исторические труды митрополита Иоанна, в переданном Э.Л. Меженной после кончины владыки в 1989 г. его личным врачом и тайной монахиней Е.А. Александринной архиве содержатся личные вещи и рисунки митрополита, а также его частная переписка со своими духовными чадами, бывшими коллегами-геологами, поздравительные открытки и др.

¹ Представитель Русской православной церкви на Ближнем Востоке, в Сирии и Ливане в 1958–1960 гг., епископ Среднеевропейский, Экзарх Московской Патриархии в Средней Европе в 1960–1962 гг., Экзарх Северной и Южной Америки (1962–1963 гг.) и архиепископ Нью-Йоркский и Алеутский, с 3 августа 1963 г. – митрополит.

Э.Л. Меженная несколько лет назад опубликовала и в настоящее время продолжает использовать ряд источников из архива митрополита Иоанна в своих книгах о владыке, статье в журнале Киевской духовной семинарии и в материалах, размещенных на российских православных информационных интернет-порталах «Православие.Ru», «Правмир» и сайте Волгоградской епархии². Примером публикации личных воспоминаний о митрополите Иоанне является книга, в основу которой вошли дневниковые записи солистки-органистки Ярославской филармонии, преподавателя кафедры органа и клавесина Московской консерватории Л.Б. Шишхановой о встречах с владыкой в 1977–1989 гг. (с 1967 по 1984 гг. он был правящим архиереем Ярославской епархии) и краткие пояснения к публикуемым в той же книге фотографиям и художественным произведениям митрополита Иоанна ярославского искусствоведа Т.Л. Васильевой [1].

Есть также небольшие воспоминания о митрополите Иоанне помощницы, келейницы и письмоводителя старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) Т.С. Смирновой³; протоиерея Кирилла Каледы, настоятеля храма Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове; Ж. Саианца, много лет трудившейся геологом вместе с мужем Г. Стешенко, а также журналиста, сектоведа, члена Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы Управления Министерства юстиции РФ по Ярославской области Е.О. Мухтарова и др. [5]. Особое место среди воспоминаний о митрополите Иоанне занимают воспоминания Э.Л. Меженной, а также священников и архиереев, которых митрополит Иоанн рукополагал в пресвитеров в советское время⁴. С осторожностью следует относиться к воспоминаниям нынешнего раскольника, бывшего протоиерея М. Ардова, поскольку они носят в высшей степени субъективный и местами уничижительно ироничный характер.

² К 25-летию со дня кончины митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда). Материалы о жизни и деятельности митрополита Иоанна (Вендланда) в преддверии юбилейной даты его кончины. Сайт Правмир. URL: <https://wwwpravmir.ru/k-25-letiyu-so-dnya-konchiniy-mitropolita-yaroslavskogo-i-rostovskogo-ioanna-vendlanda/?ysclid=Iriy00hk5m800528385> (дата обращения: 17.03.2023); Письма митрополита Иоанна (Вендланда) к митрополиту Гурию (Егорову) // Сайт Волгоградской епархии Русской православной церкви Московского Патриархата. URL: <http://volgeparhia.ru/2019/07/04/pisma-mitropolita-ioanna-vendlanda-k-mitropolitu-guriyu-egorovu/?ysclid=Iriylxoy45562210510> (дата обращения: 16.03.2023); Свет ваш пред человеки: дневники и воспоминания митрополита Иоанна и монахини Евфросинии (Вендланд). 1912–1987 / сост. Э.Л. Меженная. Ярославль, 2019.

³ Смирнова Т.С. Записки письмоводителя старца. 3-е изд. М., 2018.

⁴ «Господь мне дал возможность увидеть святого человека!». Митрополит Иоанн (Вендланд) в воспоминаниях Эльвиры Меженной // Российский православный информационный интернет-портал Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/110433.html?ysclid=Irixsianv6172973785> (дата обращения: 17.03.2023.).

Но воспоминания М. Ардова о митрополите Иоанне, в основном, касаются уже более позднего периода его служения и жизни⁵.

Для нас уникальным и еще не введенным в научный оборот письменным источником по внешнецерковной деятельности Русской православной церкви в арабских странах Ближнего Востока и Африки в «хрущевское» время является ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда), который он вел в 1959 г. В нем содержатся важные сведения, уточняющие хронологию внешнецерковных событий практически ежедневно, имена и статус людей, информацию о которых невозможно найти в книгах и архивных документах⁶.

Конец 1950-х гг. был очень насыщенным во внешнеполитической жизни страны, в которой РПЦ отводилась не последняя роль. В данной статье будут представлены факты из архивных источников, отражающие те или иные внутри- и внешнецерковные события 1959 г., в соотношении с записями из писем и ежедневника митрополита Иоанна. Это позволит представить читателям максимально полную и точную информацию, а также воссоздать картину повседневной жизни церковного дипломата того времени в контексте новой социальной и повседневной истории.

Прежде чем перейти к анализу содержания ежедневника митрополита Иоанна и других документов по указанному периоду, следует дать краткое описание самого интересующего нас источника. Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда) за 1959 г. представляет собой большой блокнот в виде книги в твердых синих корочках с нумерацией и типографским текстом на арабском и английском языках. Личные записи велись в нем на русском языке, за редким исключением (иногда в тексте можно встретить записи на французском и арабском языках), при этом сам митрополит Иоанн владел несколькими иностранными (европейскими) языками, а будучи на Ближнем Востоке, пробовал осваивать и арабский. В среднем, в месяц он делал 17 и более записей. Единственным месяцем, в котором записи совершенно отсутствовали, был август 1959 г. В последующих сентябре и октябре мы находим максимальное количество записей практически за каждый день месяца – от 24 (в сентябре) до 27 (в октябре). Отсутствие записей в ежедневнике отнюдь не означало спада активности церковного дипломата. Это подтверждают

---

⁵ Данная книга есть в Российской Государственной библиотеке в Москве, однако ее использование как источника в настоящее время не может быть рекомендовано, прежде всего, по этическим соображениям, учитывая личность автора (в 1993 г. бывший протоприер РПЦ ушел в раскол).

⁶ Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

данные из личной переписки митрополита Иоанна и неопубликованных архивных документов.

Как известно, архимандрит Иоанн был хиротонисан в епископа Подольского 28 декабря 1958 г. за Божественной литургией в Богоявленском кафедральном патриаршем соборе в Москве. Таким образом, в возрасте 49 лет владыка Иоанн принял архиерейский сан и должен был возвратиться на Ближний Восток, поскольку к тому времени он уже был представителем РПЦ при Патриархе Антиохийском в Дамаске. О своем возвращении в Сирию и Ливан он писал своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) 25 января 1959 г. Известно, что возвращение было назначено на начало января, но, как и когда это было, мы узнаем из ежедневника владыки Иоанна (запись за 11 января 1959 г.): «Вылетели из Москвы самолетом ТУ-104 и, сев [в] Праге, пролетев над Тираной, Адриатич[еским] морем и долиной Нила, сели в Каире на закате солнца. Устроились в гост[инице] “Континенталь”».

Гостиница «Континенталь» – символ колониальной роскоши, напоминающей продолжительное по времени присутствие в Египте англичан. Она находилась на востоке даунтауна в Каире, который в свое время был средоточием светской жизни. В этом месте некогда располагались три самых фешенебельных отеля колониальной эпохи – «Виндзор», «Континенталь» и «Шепердс». Первые путеводители по Египту, появившиеся в начале XIX в., рекомендовали европейским туристам селиться исключительно в одном из этих трех отелей или арендовать дом в том же колониальном роскошном стиле⁷.

Отель как средоточие светской жизни и роскоши и советский гражданин – церковный дипломат, епископ, делавший транзитную остановку перед вылетом к месту своего основного служения, в Дамаск: как могут сочетаться эти понятия? Нет никакого противоречия, только сухой расчет. Изначально, когда еще прорабатывались вопросы, связанные с открытием представительства Московского патриархата в странах Ближнего Востока с центром в Дамаске в 1950-е гг., предполагалось, что представителям РПЦ будут созданы все подходящие условия, в т.ч. и проживания. В результате для церковного представительства был предоставлен роскошный дом, почти дворец в центре Дамаска, и это было оправданно, поскольку на Востоке внешние факторы, связанные с финансовыми возможностями и благополучием, являлись определяющими в выстраивании отношений и проявлении лояльности и уважения.

⁷ Первая ступень к сердцу Каира. Британцы ушли из Египта более пятидесяти лет назад, но их тут до сих пор помнят // Вокруг света. Первый познавательный портал журнала Русского географического общества «Вокруг света». 23.06.2021. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/globe/910/> (дата обращения: 03.07.2023).

Кроме того, такими способами советское правительство старалось усилить авторитет РПЦ за рубежом, которую чиновники Министерства иностранных дел СССР стремились использовать в качестве инструмента своей внешнеполитической деятельности.

Возможно, были и другие факторы для выбора представительного и массивного отеля «Континенталь», который в настоящее время не работает: «Видимо, уже давно никто не пьет чай на террасе и не устраивает праздничных представлений на крыше»⁸. Собственно, маршрут, по которому владыка Иоанн направлялся в Дамаск в начале января 1959 г., был тем же самым, что и в 1958 г., когда он в первый раз прибыл сюда в новом статусе представителя Московского патриархата.

Обращают на себя внимание пересадки, предполагающие краткие по времени остановки в Каире. Они по многим признакам не были чисто техническими и, скорее всего, предполагали некоторые неофициальные, нигде в источниках не отраженные, встречи (возможно даже с Александрийским патриархом, с которым епископ Иоанн (Вендланд) неоднократно встречался за время своего ближневосточного представительства). В итоге, пробыв два неполных дня в Каире, 12 января 1959 г. «после ленча» он вылетел из Каира в Дамаск и прибыл туда, как он пишет, на закате. Недавно избранный Антиохийский патриарх Феодосий прислал приветствовать его митрополита Афанасия и епископа Александра. На следующий день, 13 января, был запланирован визит к патриарху Феодосию. На полях в своем ежедневнике владыка Иоанн отмечает напротив записи о визите к патриарху («см. отч[ет] № 1»).

Представители РПЦ за границей в течение года были обязаны составлять несколько отчетов, скорее всего, они были ежеквартальные, в которых подробно докладывалось в том числе обо всех формальных и неформальных встречах. Последние порой имели гораздо больший дипломатический эффект. В настоящее время отчеты епископа Иоанна (Вендланда) не обнаружены, хотя они могли быть, безусловно, ценным источником по внешнецерковной деятельности в середине XX в. В Государственном архиве Российской Федерации есть документ, содержащий попунктный анализ одного из отчетов владыки Иоанна, сделанный его непосредственным начальником, председателем Отдела внешних церковных сношений митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем)⁹.

⁸ Первая ступень к сердцу Каира. Британцы ушли из Египта более пятидесяти лет назад, но их тут до сих пор помнят // Вокруг света. Первый познавательный портал журнала Русского географического общества «Вокруг света». 23.06.2021. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/globe/910/> (дата обращения: 03.07.2023).

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739.

14 января 1959 г. владыка Иоанн сделал запись «50-летие со дня моего рождения». В сам день рождения в воскресенье он отслужил литургию в кафедральном соборе Дамаска (как он пишет про нее – будничную) и на следующий день, 15 января, заболел гриппом. Все это отмечено в его ежедневнике, но в прошедшем времени, что позволяет дать оценку предназначению данного атрибута ежедневной активности еще и как некой хроники, своеобразной летописи, в которой отражались также личные наблюдения автора. 16 января последовал визит доктора Зайада («милейшего человека», как отметил владыка Иоанн). И, неожиданно, совсем не характерно для гриппа, 17 января – выздоровление и участие в передаче Патриаршему местоблюстителю престола Киликийского католикосата архиепископу Хату Аджабаяну 25 тыс. ливанских лир, выделенных католикосом всех армян Вазгеном I в качестве помощи пострадавшим семьям армянской общины в Ливане.

О помощи католикоса всех армян Вазгена I армянской общине в Ливане была маленькая заметка в газете «Известия» от 20 января 1959 г., которую владыка Иоанн вырезал и приклеил в ежедневнике под своей записью от 17 января. На печатной заметке он своей рукой указал название газеты и дату, отметив, «состоялось 18 янв[аря]». При этом в печатном тексте было указано: «ДАМАСК, 19 января. (ТАСС). В армянском архиепископате Дамаска по поручению католикоса всех армян Вазгена I сотрудники посольства СССР в Ливане передали местоблюстителю престола Киликийского католикосата архиепископу Хату Аджабаяну сумму 25 тыс. ливанских фунтов (так в тексте. – А.Н.). <...> Принимая дар католикоса Вазгена I, архиепископ Аджабаян заявил, что он глубоко тронут высоко гуманным актом Вазгена I и горячо благодарит его за помощь».

О каких событиях, во время которых пострадали армянские семьи в Ливане, точно сказать затруднительно. Возможно, это следствия Ливанского кризиса 1958 г., вызванного политической и религиозной напряженностью в стране. Как известно, в основе государственного устройства Ливана положен четкий конфессиональный принцип, по которому христиане разного толка (прежде всего, марониты и армяне Апостольской Армянской церкви, а также в незначительной степени православные, протестанты, греко-католики (мелькиты), армяно-католики) наравне с мусульманами имели равный доступ к верховной власти. В политическом кризисе 1958 г. армянская диаспора Ливана в выборе между «арабским национализмом» и «прозападными доктринами и пактами» из своеобразных зол выбирала, по всей видимости, для себя меньшее – прозападную и, конкретно, американскую поддержку в решении внутреннего конфликта.

При этом следует учесть, что армяне по своим конфессиональным и политическим убеждениям не были однородны, многие в 1940-е гг. стремились вернуться на свою историческую родину. Ближний Восток исторически и геополитически – это сфера интересов многих мировых держав, главным образом, США, СССР и западных государств, а в период «холодной войны» – это одна из горячих точек соприкосновения этих интересов. Особая роль в выстраивании сложных международных отношений в середине XX в. отводилась институту Церкви. В этой связи церковная дипломатия была важной частью инструментов внешней политики Советского государства, которой предстояло всячески способствовать сближению двух столь разных по внутреннему политическому устройству стран – многоконфессионального Ливана и официально атеистического Советского Союза.

О сложности и тонкости межконфессиональных отношений свидетельствует еще одна запись в ежедневнике владыки Иоанна: 28 марта 1959 г. вечером он нанес визит к армянам, дописал (судя по цвету, другой ручкой) «а Патриарх, все же поехал к Максиму и там вел себя нехорошо» в самом низу страницы. Возможно, приписка была сделана позднее. Несложно догадаться, что речь шла об Антиохийском патриархе Феодосии VI (Абурджели), который поехал в день празднования католической Пасхи к будущему патриарху Мелькитской католической церкви Максиму V (Хакиму), который в то время был епископом Акры, Хайфы, Назарета и всей Галилеи. Важно отметить заголовок на странице ежедневника под 28 марта 1959 г. – «Пасха у католиков». И сразу же оставлен комментарий, что «они просили “не приглашать” “поздравлять”, т.к. они разделяют скорбь Правительства по поводу событий в Ираке».

В начале марта 1959 г. в Мосуле (Ирак) произошло вооруженное восстание, а сам Мосул превратился в сцену кровавого политического, идеологического и религиозного противостояния. Ожесточенные разногласия между Багдадом и Каиром, имевшие место во второй половине 1959 г., были связаны с тем, что Объединенная Арабская Республика, в состав которой входили две страны – Сирия и Египет, потерпела неудачу, претендуя на единоличное отстаивание концепции арабского единства. Ирак отказывался признавать амбиции Каира на политическое лидерство в ближневосточном регионе.

Утром того же дня (28 марта 1959 г.) владыка Иоанн (Вендланд) принял участие в Божественной литургии вместе с Патриархом Антиохийским и всего Востока Феодосием VI (Абурджели) в кафедральном соборе в Дамаске. Кроме епископа Иоанна, Антиохийскому Патриарху сослужили еще два архиерея – Епифаний и Сергей, а также представители

греческого духовенства – о. Марайтакис, о. Коста, о. Эмиль. В записи владыки также был отмечен диакон Никола и др. с припиской «Марайтакис оценил мое внимание». Участие представителей Элладской Православной Церкви в Божественной литургии объясняет запись в ежедневнике, сделанная епископом Иоанном 28 марта 1959 г.: в этот день «продолжение национального праздника греков»¹⁰.

В целом, март завершился следующей записью от 29-го числа: «Начал переводить статью Марселя в Французском журнале Contact “Le corp – templ de Saent Esprit”¹¹. Визит м. Афанасия¹². Он подарит 2 [?] том миней¹³. Рассказал, что строит дом I-этажный (так в тексте. – А.Н.) в Дараа¹⁴ за 15 тыс. руб. Церковь там стоит 40 тыс.». Внизу приписка другой ручкой: «Вечером – визит к Патриарху вместе с “коммюнате”¹⁵».

Таким образом, в данной статье впервые в научный оборот вводится содержание уникального, нигде ранее не использованного источника личного происхождения – ежедневника митрополита Иоанна (Вендланда) за 1959 г., изучение которого было осуществлено с учетом сведений, содержащихся в синхронных опубликованных и неопубликованных исторических документах. Записи владыки позволили уточнить многие даты и факты, события и их хроника, а главное – имена, а также представить некоторые штрихи к портрету его выдающейся личности и к личностям других церковных и общественно-политических деятелей середины XX в.

Эвристический потенциал источника определил его главное достоинство в изучении истории внешних связей Русской православной церкви и выстраивания ее взаимоотношений с советским атеистическим государством – это иная «оптика» исторической реальности с воссозданием

¹⁰ День независимости Греции (греч. *Ημέρα της Ελληνικής Ανεξαρτησίας*), отмечаемый ежегодно 25 марта – один из важнейших государственных праздников страны. Именно в этот день в 1821 г. началось восстание, итогом которого стало освобождение страны от четырехвекового ига Османской империи.

¹¹ “Le corp – templ[e] d[u] Saent Esprit” (фр. «Человек – храм Святого Духа»).

¹² Речь, скорее всего, идет о митрополите Хауранском Афанасии (Клейла), который управлял Хауранской епархией с 1933 по 1959 г. После него в 1959–1962 г. – вдовство кафедры. Преемником в 1962 г. стал епископ Василий (Самаха), он возглавлял кафедру с 20 декабря 1962 г. по 6 мая 1999 г.

¹³ Минья (греч. *μηνάιον*, от *μήν* ‘месяц’) – богослужебная книга Православной Церкви, содержащая службы годового круга; полная минья состоит обычно из двенадцати книг по месяцам, откуда и само название книги.

¹⁴ Дараа – город на юго-западе Сирии, расположенный примерно в 13 км к северу от границы с Иорданией. Это столица мухафазы Дараа, исторически входившей в состав древнего региона Хауран. Город расположен примерно в 90 км к югу от Дамаска на шоссе Дамаск–Амман, используется в качестве остановки для путешественников.

¹⁵ От фр. *communauté* ‘общество’.

тонкостей внутримотивационного восприятия и вербальной передачи ее современником и очевидцем. Кроме этого, изучение внешних связей РПЦ через личный текст сделало возможным прийти к выводу о более сложных, не узко односторонних отношениях между государством и Церковью, а о своеобразном дифференцированном подходе государственной политики в отношении данного социального института в «хрущевское время».

Библиографический список / References

1. Владыка Иоанн (Вендланд) / сост. Л.Б. Шишханова, М.П. Рахманова, Т.Л. Васильева. Ярославль, 2011. [Vladyka Ioann (Wendland) [Bishop Ioann (Wendland)]. L.B. Shishhanova, M.P. Rahmanova, T.L. Vasilyeva (compilers). Yaroslavl, 2011.]
2. Зегжда С.А. Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк. 1909–1989. Ярославль, 2009. [Zegzhda S.A. Mitropolit Ioann (Wendland). Biograficheskiy ocherk [Metropolitan Ioann (Wendland). Biographical sketch. 1909–1989]. Yaroslavl, 2009.]
3. Новоторцева А.М. Источники по истории Ближневосточного периода служения митрополита Иоанна (Вендланда) в 1958–1960 годы // Христианство на Ближнем Востоке. 2019. № 3. С. 4–13. [Novotortseva A.M. Sources on the history of the Middle Eastern period of the ministry of Metropolitan Ioann (Wendland) in 1958–1960. *Christianity in the Middle East*. 2019. No. 3. Pp. 4–13. (In Rus.)]
4. Новоторцева А.М. Церковно-дипломатическое служение митрополита Иоанна (Вендланда) в Сирии и Ливане в 1959 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 71–96. [Novotortseva A.M. The Church-diplomatic ministry of Metropolitan Ioann (Wendland) in Syria and Lebanon in 1959. *Christianity in the Middle East*. 2020. No. 1. Pp. 71–96. (In Rus.)]
5. Новоторцева А.М. Митрополит Иоанн (Вендланд): ученый и церковный дипломат на Ближнем Востоке // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 166–178. [Novotortseva A.M. Metropolitan Ioann (Wendland): Scientist and church diplomat in the Middle East. *Christianity in the Middle East*. 2020. No. 2. Pp. 166–178. (In Rus.)]
6. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов. Инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследование и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14–32. [Troitskiy Yu.L. Analytics of ego documents. Instrumental resource of the historian. *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki*. Yekaterinburg, 2014. Pp. 14–32. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 04.07.2023, принята к публикации 20.08.2023
The article was received on 04.07.2023, accepted for publication 20.08.2023

Сведения об авторе / About the author

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Anna M. Novotortseva – PhD in History; associate professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.novotorceva@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-40-54

УДК 323.34+340.154+94

Э.Р. Полатханова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Граф А.А. Аракчеев и его участие в решении крестьянского вопроса в царствование Александра I

В статье на основе архивных и опубликованных источников проанализирована деятельность А.А. Аракчеева по крестьянскому вопросу в 1816–1825 гг., в частности, участие графа в послевоенном восстановлении в Смоленской губернии, в решении спорных крестьянских дел в Комитете министров и в проведении крестьянской реформы в Остзейских губерниях. Позиция Аракчеева в крестьянском вопросе определялась курсом императора Александра I, отличалась гибкостью и способностью в частных случаях учитывать крестьянские интересы. Автор показывает, что именно практический опыт Аракчеева в крестьянском деле побудил Александра I поручить ему подготовку проекта отмены крепостного права (1818), положения которого были актуализированы во время подготовки Крестьянской реформы 1861 г.

Ключевые слова: Александр I, А.А. Аракчеев, М.В. Храповицкий, крестьянский вопрос, крестьянское законодательство, вольные хлебопашцы, проекты отмены крепостного права, Комитет министров, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия, Смоленская губерния, Остзейские губернии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Полатханова Э.Р. Граф А.А. Аракчеев и его участие в решении крестьянского вопроса в царствование Александра I // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 40–54. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-40-54

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-40-54

E.R. Polatkhanova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Count Alexei Arakcheev and his involvement into peasant affairs under Alexander I

The article, based on both published and archival documents, looks into Count Alexei Arakcheev's work concerning the so-called peasant issue in 1816–1825, including recovery of local economies in Smolensk province following Russia's war with Napoleon, Arakcheev's involvement into settling peasant complaints to the Committee of Ministers and his role in the peasant reform in the Baltic provinces. Arakcheev's stance on the peasant issue was largely shaped by Emperor Alexander I's policies, and was distinguished by flexibility and the ability to take into account peasant interests in particular cases. The article shows that it was Arakcheev's practical experience in peasant affairs that prompted Alexander I to entrust him with the preparation of a project for the abolition of serfdom (1818) which assumed a new significance during the preparation of the Peasant Reform of 1861.

Key words: Alexander I, Alexei Arakcheev, Mikhail Khrapovitskii, peasant issue, peasant legislation, free agriculturalists, projects for the abolition of serfdom, Committee of Ministers, His Imperial Majesty's OWN Chancellery, Smolensk province, Baltic provinces, peasant emancipation

FOR CITATION: Polatkhanova E.R. Count Alexei Arakcheev and his involvement into peasant affairs under Alexander I. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 40–54. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-40-54

Одно из основных направлений деятельности императора Александра I заключалось в попытке решить крестьянский вопрос¹. Этот опыт первой четверти XIX в. лег в основу дальнейших преобразовательных попыток и подготовки самой Крестьянской реформы 1861 г. Однако при обширности научной литературы изучаемого периода до сих пор малоизученной темой остаются взгляды гр. А.А. Аракчеева на решение крестьянского вопроса и участие графа в этой сфере, т.к. его деятельность не ограничивалась только подготовкой варианта будущей крестьянской реформы. Но историки, прежде всего, подробно рассматривали сами положения аракчеевского проекта освобождения помещичьих крестьян 1818 г. и не выходили за пределы описания его главных сторон и их оценок [1; 6, с. 33; 16, с. 436–438; 19, с. 318; 20, с. 44–46; 22, с. 42–46; 23, с. 52]. То же самое можно сказать и про зарубежных авторов [25, р. 176–177; 26, р. 232–236]. Большая часть исследователей объясняла такое монаршее поручение «крепостнику» Аракчееву, в основном, его исполнительностью и приближенностью к императору. Хотя это не объясняет, почему граф предложил в своем проекте принцип выкупной операции за счет казны с выделением небольшого земельного надела (2 десятины) на одну ревизскую душу. Или каким образом разработка графом проекта отмены крепостного права могла относиться к его основной государственной деятельности.

За скобками многих исследований осталось сопоставление аракчеевских идей в неразрывной связи с его правительственной работой в отношении крестьянства в рамках преобразовательных замыслов Александра I. Например, это рассмотрение спорных крестьянских дел в Комитете министров и Государственном Совете и участие в отмене крепостного права в Остзейском крае. К числу работ, в которых эти вопросы нашли частичное отражение, следует отнести труды С.М. Середонина [17], В.Н. Строева [18], А.А. Кизеветтера [7, с. 341–344, 346], С.В. Мироненко [9, с. 99–104; 10, с. 68–71; 11, с. 106–109], А.Ю. Коваленко [8, с. 193–212], А.Н. Сахарова [15, с. 178, 198–199], К.М. Ячменихина [24], А.Н. Долгих [5, с. 96–100]. Тем не менее, и они не ставили перед собой цель детально проанализировать эту проблематику. По-прежнему одна из существенных сфер государственной деятельности Аракчеева в отношении крестьянского вопроса является неразработанной темой. Помимо этого, существенной лакуной остается вопрос о дальнейшей судьбе аракчеевских предложений, которые обрели новое осмысление

¹ Под «крестьянским вопросом» автор понимает вопрос об отмене крепостного права, а также изменения в положении владельческих (помещичьих) крестьян и правительственную деятельность в области крестьянского законодательства с его реализацией [4, с. 5; 14, с. 43–44].

во время подготовки будущей реформы 1861 г. Поэтому цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе анализа широкого круга источников, в т.ч. архивных, показать взаимосвязь разработки аракчеевского проекта с его опытом правительственной деятельности в отношении крестьянства.

Вероятнее всего, два обстоятельства повлияли на дальнейшее сосредоточение в руках Аракчеева направлений, связанных с крестьянским вопросом. Прежде всего, это руководящая роль графа в работе Собственной Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) Канцелярии до 1822 г. и назначение его основным докладчиком по делам Комитета министров и Государственного Совета. Значительная часть дел, поступающих в эти учреждения, касалась положения помещичьих и государственных крестьян. По сути, работа С.Е.И.В. Канцелярии стала важным систематизирующим звеном в системе государственного управления. Она представляла собой, фигурально выражаясь, картотеку государственных дел, которая позволяла составить более полную картину о внутреннем устройстве страны.

Первым опытом стало участие Аракчеева в 1816–1817 гг. в восстании экономики разоренной войной Смоленской губернии и улучшении положения ее дворян и крестьян. В письме от 23 августа 1816 г. гражданскому губернатору А.И. Ашу граф уведомил о своем приезде в Смоленск. Далее он просил того пригласить на встречу губернских и уездных предводителей дворянства, а также двух дворян от каждого разоренного уезда и двух крестьян из каждой экономической волости, выбранных их мирскими обществами². За день до этого, в письме Александру I от 10 сентября 1816 г. его сподвижник изложил свое мнение насчет несправедливости требования с удельных и экономических крестьян возврата денежных сумм за выданные казной дотации в 1813 г. на покупку хлеба, т.к. это только больше разоряло крестьян. В конце письма граф заключил: «прилично ли Правительству брать с подданных своих низшего класса людей, именно с крестьян, столько неблагоприятный и закону христианскому противный прибыток?»³. Александр I в письме от 20 сентября 1816 г. уведомлял графа, что согласен с его мнением и подписал все необходимые бумаги по этому делу. Кроме того, государь писал, что ожидает изложения его мыслей по поводу

² Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. 4. СПб., 1891. С. 308–309.

³ Письма графа Аракчеева к императору Александру I // Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования. 2-е изд. СПб., 1914. Приложения. С. 686.

пособий для экономических и удельных крестьян. Входя в положение смоленских дворян, граф в равной мере выступал защитником крестьян. Он стремился оградить последних от помещичьих злоупотреблений и облегчить их состояние, например, освободив от военных постоев [18, с. 63–64]. С тех пор попечение о Смоленской губернии и надзор за ее дальнейшим восстановлением вплоть до января 1817 г. входили в особый круг его занятий⁴.

Другой немаловажной частью дел, с 1816 г. входивших в поле зрения Аракчеева, стали вольные хлебопашцы, что неразрывно связано с крестьянским вопросом того времени. Фактически, указ 20 февраля 1803 г. стал первым шагом в сторону освобождения крестьян, несмотря на его скромные результаты. После войны 1812 г. Александр I вновь обратил пристальное внимание на трудности реализации этого законодательного акта. Это было связано как с отсутствием специального единого учреждения для рассмотрения спорных дел, так и их промедлением из-за разного толкования самого указа и дополнительных к нему постановлений. Поэтому последовал высочайший рескрипт Александра I от 10 декабря 1813 г. на имя государственного канцлера Н.П. Румянцова, в котором предписывалось создать особый Комитет по этому вопросу. Вместе с тем, монарх назначил другими членами нового учреждения министра внутренних дел О.П. Козодавлева, гр. В.П. Кочубея и сенатора А.У. Болотникова, с 1809 г. входившего в комиссию о постановлении одинаковых правил в решении дел об отыскивающих свободы людям [21, с. 81]. А.Н. Долгих, основываясь в т.ч. на работах В.И. Семевского и А.В. Предтеченского, подчеркивал стремление императора создать благоприятные условия для исполнения указа о вольных хлебопашцах, назначив туда людей с умеренными либеральными взглядами [3, с. 58]. Сам канцлер Н.П. Румянцев был скорее номинальным его главой и уже в 1813 г. вышел в отставку. Затем Комитетом заведовал Козодавлев.

В результате деятельность Комитета была малоэффективной, что следует из полученных из бумаг С.Е.И.В. Канцелярии сведений о его работе на момент 1818 г.⁵ За период его существования в нем было рассмотрено только одно дело об оставшихся после смерти графа Подгоричани крестьянах, по итогу рассмотрения которого монарху был направлен доклад в мае 1814 г. Копия этого документа находилась в делах С.Е.И.В.

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. 5. СПб., 1892. С. 304.

⁵ Сведения, собранные по Высочайшему повелению о существующих Комитетах и Комиссиях, 1818 // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 2534. Л. 36–36 об.

Канцелярий⁶. Затем из-за отсутствия некоторых членов занятия Комитета были остановлены, но возобновились в 1817 г.

Можно предположить, что о существовании этого учреждения знало довольно ограниченное количество людей. Например, Аракчеев в письме от 25 января 1814 г. к своему другу, статскому советнику И.А. Пукалову писал, что впервые слышит от него о Комитете для вольных хлебопашцев и просил подробнее о нем рассказать, называя даже себя «врагом сему роду людей»⁷. Он мог здесь иметь в виду либо вольных крестьян, либо участников этого органа. Но уже два года спустя, с 1816 г., дела о свободных хлебопашцах стали проходить через Комитет министров, а затем шли непосредственно через Аракчеева к императору. Козодавлев в письме от 5 июля 1816 г. обращался к Аракчееву с предложением вносить доклады о свободных хлебопашцах с его запиской в Комитет министров ввиду особого порядка в представлениях министров, требующих высочайшего рассмотрения⁸. На письме имелась пометка графа о том, что об этом было доложено императору и им одобрено. Так как Аракчеев являлся основным докладчиком по делам Комитета министров, то через него также проходили итоговые ведомости о числе вольных хлебопашцев. С 1818 г. туда стали поступать все статистические данные о вольных хлебопашцах. Александр I поручил министру внутренних дел для верного содержания данных в своей Канцелярии доставлять вновь исправленные ведомости напрямую к графу, о чем тот писал Козодавлеву в письме от 29 августа 1818 г. [18, с. 51–52]. Следовательно, граф был широко осведомлен о положении дел в этом вопросе. На этих документах стояли аракчеевские пометки об их получении и прочтении императору.

Примечательно, что в этих донесениях о вольных хлебопашцах за 1818 г. приводился рапорт императору от московского военного губернатора гр. А.П. Тормасова о двух рукописных записках, ходивших тогда среди местной публики: «Послание российского дворянина к князю Репнину (Николаю Григорьевичу), малороссийскому военному губернатору и генерал-адъютанту. 4 апреля, 1818 года» калужского губернского предводителя Н.Г. Вяземского и выписка из сочинения

⁶ Доклад Комитета, утвержденного для рассмотрения дел о свободных хлебопашцах, 1814 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 934. 9 лл.

⁷ Письма графа А.А. Аракчеева к И.А. Пукалову из чужих краев в Петербург (1813–1814 гг.) // Русский архив. 1891. Вып. 1. С. 144.

⁸ Исполнение министром внутренних дел Козодавлевым разрешения предоставить доклад в Комитет министров об увольняемых помещикам крестьянах в звание свободных хлебопашцев // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 1723. 2 лл.

«Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы с своими собратьями об указе 23-го мая 1816 года и об Эстляндских постановлениях» В.Н. Каразина⁹. Следует отметить, что к Аракчееву поступали разные мнения и предложения относительно крестьянского вопроса той эпохи, некоторые из которых также хранились в императорской канцелярии или в его личных бумагах. Например, это проекты освобождения крестьян А.Ф. Малиновского и Крюкова (вероятно, поручика А.А. Крюкова или его отца, нижегородского губернатора А.С. Крюкова) [4, с. 273] и др. В т.ч. и такого рода, как резко критическая записка члена тайного общества А.Н. Муравьева «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреле 4 дня, 1818 года», или записка с противоположным мнением, являющаяся своеобразным ответом на вышеуказанные рукописи¹⁰. В свою очередь, это позволяло графу иметь сведения о разных позициях дворян на этот счет.

Если предположить, что аракчеевский пассаж про «врага сему роду людей» все же касался свободных хлебопашцев, то были случаи, где тот выступал в поддержку как вольноотпущенных крестьян и их земли, так и свободных хлебопашцев. Например, в письме от 3 февраля 1819 г. Аракчеев просил новгородского гражданского губернатора Д.С. Жеребцова взять под покровительство тихвинских помещиц Дарью и Афимью Барановых и отпущенных ими крестьян, которым они продали свою родовую землю. Он просил губернатора дать им защиту от притязаний их родственника Шульгина. К письму прилагались отпускные на крестьян и бумаги о продаже им земли¹¹. В ответном письме от 9 февраля 1819 г. Жеребцов уведомлял графа о том, что исследование дела уже поручено тихвинскому городничему, а помещицы Барановы и вольноотпущенные ими крестьяне взяты на особое попечение¹².

Показателен и другой частный пример, который стал своего рода прецедентом, шедшим вопреки законоположениям указа 1803 г. В ведомостях за 1819 г. о поступивших в свободные хлебопашцы прилагались

⁹ Переписка о количестве свободных хлебопашцев по губерниям, 1818 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1 (1818). Д. 2485. Л. 5–5 об.

¹⁰ Письма от неустановленного лица об издании уложения о дворянстве вообще и об урегулировании отношения помещиков к крестьянам. 14 января 1819 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ОР РНБ). Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 2316. 22 лл.

¹¹ Исходящий журнал партикулярным письмам графа А.А. Аракчеева, 1819 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 154 (А.А. Аракчеев). Оп. 1. Д. 430. Л. 9 об. – 10 об.

¹² Партикулярные письма графа Аракчеева с алфавитом, 3 января 1819 г. – 16 июня 1819 г. // Там же. Д. 121. Л. 216–216 об.

отдельно бумаги по делу об уволенных в свободные хлебопашцы крестьянах покойного тверского помещика М.В. Храповицкого¹³. В том году состоялось рассмотрение дела об отпущенных на волю с землей крестьянах по завещанию тверского помещика, которое по закону пытались оспорить его родственники Сушковы-Храповицкие. На эту историю определенным образом повлияло то обстоятельство, что М.В. Храповицкий являлся первым благодетелем для Аракчеева. Будучи предводителем дворянства Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, он отправил юного Аракчеева в числе бедных дворян в Санкт-Петербург на обучение в кадетский корпус¹⁴ [12, с. 423]. Сам М.В. Храповицкий, младший брат статс-секретаря Екатерины II, выступал в защиту крестьянских интересов и являлся сторонником их освобождения. С особым вниманием и одобрением он встретил указ 1803 г. Помимо написания им знаменитой оды¹⁵, этот деятель оставил собственные рассуждения насчет первого шага в сторону отмены крепостного права, где описывал злоупотребления помещиков и их управителей и предлагал продолжать делать новые постановления для дворян, с учетом особенностей разных губерний¹⁶. Историк-экономист В.И. Вешняков заметил в его размышлениях указание на необходимость создания учреждений, схожим с губернскими комитетами об улучшении быта помещичьих крестьян, появившихся в начале царствования Александра II [2, с. 27].

В бумагах по делу М.В. Храповицкого из С.Е.И.В. Канцелярии приводилось подтверждение факта о том, что еще при жизни тверской помещик в 1809 г. составил акт об увольнении своих крестьян и дворовых людей в свободные хлебопашцы с землей без денежной выплаты после его кончины. По 5-й ревизии в 1809 г. их было 214 душ¹⁷. Очевидно, граф сыграл решающую роль в окончательном решении этого вопроса, заручившись поддержкой Александра I. В итоге, в Комитет министров

¹³ Ведомости об уволенных помещичьих крестьянах в свободные хлебопашцы по разным губерниям и др. бумаги по тому предмету, 1819 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 2901. Л. 22–26 об.

¹⁴ Храповицкий и Сердюков. Из записок Н.В. Сушкова // Раут на 1852 г.: исторический и литературный сборник в пользу учебного заведения для благородных девиц, ведомства дамского попечительства о бедных в Москве: в 3 кн. Кн. 2. М., 1852. С. 207.

¹⁵ Храповицкий М.В. Ода на достопамятное в России постановление о состоянии свободных хлебопашцев высочайшим императора Александра I указом февраля в 20-й день 1803 г. // Библиографические записки. Т. 12. М., 1858. С. 375–378.

¹⁶ Храповицкий М.В. Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России в 1803 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1858. С. 183–184.

¹⁷ Ведомости об увольнении уволенных в свободные хлебопашцы помещичьих крестьянах по разным губерниям и другие бумаги о том же // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. канцелярия). Оп. 1 (1819 г.). Д. 2901. Л. 23–24.

был дан особый указ от 31 июля 1819 г., в котором монарх утвердил акт тверского помещика об отпуске своих крестьян и дворовых людей в звание вольных хлебопашцев¹⁸ [17, с. 358]. Хотя в его повелении было отмечено, что «в сем увольнении его не существует никакой сделки, предполагающей взаимность, и дело сие, выходя из общего круга, не подлежит правилу положения Государственного совета 19 декабря 1804 г.»¹⁹. Этот случай стал определенным прецедентом для такой практики освобождения помещичьих крестьян. Хотя и имел резонанс. Получилось, что, с одной стороны, Аракчеев исполнил частную волю своего первого благодетеля. С другой стороны, 260 душ получили обещанную свободу вместе с землей и пополнили количество свободных хлебопашцев, что нашло свое отражение в ведомости за 15 декабря 1819 г.²⁰

Можно предположить, что это дело являлось одним из первых с решением в пользу крестьян, минуя основные положения указа. До него, как правило, претензии наследников удовлетворялись, исходя из действующих законоположений [3, с. 57, 59]. После этого наблюдались новые схожие случаи с положительным исходом для крестьян. Надо заметить, что прежде всего сам Александр I старался содействовать в делах, в которых крестьяне искали себе свободу [Там же, с. 59; 17, с. 357–362]. Например, с 28 июня 1822 г. по 8 января 1823 г. в Государственном Совете рассматривалось дело об уволенных в свободные хлебопашцы крестьянах при жизни оренбургским помещиком Рычковым, которое было опротестовано его родственниками, ссылавшимися на оформление акта не по установленным формам²¹. Большинство членов Совета (14 чел.) считало необходимым уничтожить этот акт, признав его недействительным. Император, в своей резолюции от 13 февраля 1823 г. признав, что сама форма была не соблюдена, поддержал мнение меньшинства и повелел крестьянам предоставить выбор записаться в свободные хлебопашцы или в казенные поселяне. Также государь поддерживал идею министра внутренних дел В.С. Ланского о частных или от лица министерства переговорах с родственниками и их возможному склонению в пользу исполнения завещания относительно отпуска крестьян на волю [17, с. 359–362]. Хотя большая часть Комитета министров

¹⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. 6. СПб., 1893. С. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ведомости об уволенных помещичьих крестьянах в свободные хлебопашцы по разным губерниям и др. бумаги по тому предмету, 1819 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 2901. Л. 21.

²¹ Россия. Государственный совет. Архив. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб., 1869–1904. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1892. За 1822 г. Стлб. 683–693.

изначально при обсуждении не поддерживала такую мысль Ланского. Когда тот вновь предложил это мнение уже в деле о крестьянах тамбовского помещика Гарденина, то его поддержало меньшинство в лице кн. А.Б. Куракина, министра финансов Е.Ф. Канкрин и Аракчеева, сославшихся на предыдущее решение императора [17, с. 360]. Из этих примеров следует явное нежелание большей части членов правительства идти на уступки в отношении положения крестьян. Тем не менее, монарх мог ссылаться или опираться на разные решения по крестьянским делам. Все эти спорные случаи отражали уязвимые места крестьянского законодательства.

Большая масса дел, касающихся частных жалоб от помещиков и крестьян (владельческих и государственных), донесений местных властей о нарушениях теми или другими порядка, а также расследования по всем этим случаям, шли через Комитет министров и С.Е.И.В. Канцелярию. Более того, император оставлял за крестьянами право подавать прошения на его имя, в т.ч. жалобы крестьян на своих помещиков [Там же, с. 352–355]. Обычно Аракчеев выступал координатором таких дел, отслеживал их ход и докладывал о них государю или объявлял монаршую волю Комитету министров и другим сановникам. Например, в письме от 30 июня 1817 г. министр юстиции Д.П. Трошинский писал графу, что получил от него жалобу крестьян д. Гарболово Санкт-Петербургской губернии и уезда на помещицу Лумбург, которая так и не была отстранена от управления имением²². Также в архиве С.Е.И.В. Канцелярии за разные годы хранятся бумаги и переписка относительно крестьянских жалоб и их результатов²³. Аракчеев принимал участие в обсуждении некоторых дел и мог выступать как в защиту крестьян, так и за их наказание, если он находил его справедливым.

В некоторых случаях граф становился на защиту крестьянских интересов и поддерживал непопулярные мнения в пользу крестьян среди большинства правительственных лиц. Особенно когда вопрос касался крестьянского землепользования. Граф понимал, что земля являлась необходимым источником жизни крестьян всех категорий и стремился ее оградить от некоторых притязаний. Можно привести несколько примеров. Так, в своем письме от 2 ноября 1817 г. кн. П.В. Лопухин писал Аракчееву об имеющемся несогласии с объявленным графом указом об оставлении отрезков земли у казенных крестьян Псковской губернии с предписанием, чтобы министр финансов при рассмотрении подобных

²² Письмо министра юстиции Трошинского к Аракчееву, 1817 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (С.Е.И.В. Канцелярия). Оп. 1. Д. 2331. Л. 1.

²³ Разные бумаги и переписка, прошения и переписка касательно жалоб крестьян на притеснения своих помещиков, 1823 г. // Там же. Д. 4186. 97 лл.

дел представлял способы, при которых крестьяне имели землю²⁴. Поэтому тот ставил в известность Аракчеева о подаче от Сената соответствующего доклада о том, что «сей указ отменяет прежние существующие на сие узаконения и что для сего должен быть подписной указ»²⁵. Сам Лопухин высказывался за правомерность нового постановления и не видел в нем нарушения существующего законодательства. В этом распоряжении князь видел также предупреждение, чтобы «казенные крестьяне по отрезании земли не оставались без пропитания»²⁶.

Другие наглядные примеры приводил в своем труде историк С.М. Середонин. Когда для присоединения к Сестрорецкому заводу в казну было выкуплено имение Линдолово, то Комитет министров определил, чтобы из числа крепостных имения 154 чел. зачислить в оружейники, 135 детей распределить в кантонисты, 28 чел., из-за возраста неспособных к работам, оставить в имении для выполнения легких занятий. На что граф высказал свое мнение, что это будет такое же военное поселение: «но, кажется, хуже вашего, ибо собственность крестьян уничтожена» [17, с. 30]. Другой случай за 1820 г. касался крестьян разоренного откупщика Злобина, пожелавших себя выкупить. Комитет министров решил допустить их к торгам, но выдвинул завышенные условия, которые затрудняли возможность крестьянского выкупа. На это обстоятельство указал Аракчеев, который предположил, что такие преграды связаны с тем, чтобы их купили другие помещики. Поэтому он предложил в таком случае доводить до императора сведения о покупателях. Александр I согласился с его мнением и приказал, чтобы крестьянам облегчили возможность выкупа и выдали им всевозможные пособия [Там же, с. 31]. Это вновь подтверждало неготовность большей части правительства содействовать улучшению положения крестьян даже в конкретных ситуациях. Позиция Аракчеева в этом отношении представлялась более гибкой и явно нереакционной, она исходила из накопленного практического опыта и опиралась на взгляды самого Александра I.

Об определенном потенциале аракечевского проекта говорит тот факт, что к нему обратились участники Секретного комитета по крестьянским делам и деятели Крестьянской реформы 1861 г. Содержание

---

²⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. 5. СПб., 1892. С. 311–312; Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. М., 2006. С. 201.

²⁵ Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. М., 2006. С. 201.

²⁶ Там же.

самого проекта стало известно широкой публике в 1872 г. благодаря публикации Н.А. Милютиным «Исторической записки о разных предположениях по предмету освобождения крестьян» в сборнике П.И. Бартенева. Однако текст записки был приведен не полностью и опущены некоторые важные детали. Сам подлинник проекта по сей день не найден. Тем не менее, до нас дошли подробная рукописная записка об аракчеевском проекте, составлявшаяся как раз во время подготовки реформы 1861 г. и его более поздние списки. Такой копией воспользовался историк Н.К. Шильдер, который впервые привел полный текст этого документа в своем труде о царствовании Александра I [22, с. 453]. На данный момент автором статьи установлены три рукописных списка записки об аракчеевском проекте освобождения крестьян, которые хранятся в фондах Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрин в Санкт-Петербурге. Самая ранняя копия 1850-х гг., на которую не ссылались историки, хранится в фонде С.М. Жуковского, помощника государственного секретаря В.П. Буткова в Секретном и Главном комитете по крестьянскому делу, неперменного (т.е. постоянного) члена редакционных комиссий²⁷. Там же содержится целый комплект документов, касающихся начального этапа подготовки реформы, когда комитет стал пересматривать законы, постановления и предположения о крепостном состоянии для дальнейшей выработки программы отмены крепостного права²⁸, что свидетельствует о подробном изучении содержания аракчеевского проекта в те годы.

Рассмотрение этой важной сферы государственной деятельности Аракчеева позволяет сделать несколько выводов. С одной стороны, граф выступал исполнителем и координатором монарших поручений по крестьянским делам, что являлось характерной частью деятельности бюрократического аппарата при Александре I. С другой стороны, его сподвижник не ограничивался механическим выполнением поставленных задач. Участие в послевоенном восстановлении Смоленской губернии, в разбирательстве спорных крестьянских дел и прошений, в т.ч. и касавшихся вольных хлебопашцев, в Комитете министров позволяло

²⁷ Записка по поводу проекта Алексея Андреевича Аракчеева об освобождении крестьян от крепостной зависимости // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 287 (С.М. Жуковский). Оп. 1. Д. 28. 7 лл.

²⁸ Комитет, учрежденный для пересмотра постановлений и предположений о крепостном состоянии при Государственном Совете, 1857 г. // Там же. Д. 88. 8 лл.; Записка по истории закона о свободных хлебопашцах // Там же. Д. 31. 4 лл.; План записки о разных предположениях по предмету освобождения крепостных людей // Там же. Д. 41. 3 лл.; Записка о проектах разных лиц об освобождении крестьян от крепостной зависимости за 1809–1848 гг. // Там же. Д. 27. 24 лл.

накапливать практический опыт в отношении положения крестьян. Между тем, позиция графа в отношении крестьян являлась более гибкой и отличалась от позиций большей части членов правительства. Поэтому Аракчеев был напрямую связан с реализацией государственной политики в отношении крестьянства и крестьянского законодательства. Более того, он, будучи главой С.Е.И.В. Канцелярии, обладал подробными сведениями о состоянии крестьянства в стране, о предложениях дворян и сановников относительно решения крестьянского вопроса.

Основные идеи графа в отношении крестьянского вопроса были воплощены в его проекте освобождения помещичьих крестьян. Выбор Александра I объяснялся не только приближенностью к нему Аракчеева, а, прежде всего, опытом его правительственной деятельностью в этой области. Сюда можно отнести сформулированные им условия, такие как освобождение с небольшим земельным наделом и осуществление государственной кредитной операции. Сам проект имел ряд серьезных недостатков. Однако его автор при подготовке своих предложений вышел за рамки узкопомещичьих интересов и предложил в 1818 г. перспективный вариант постепенной отмены крепостного права. Свою актуализацию аракчеевский проект освобождения крестьян получил в период подготовки крестьянской реформы 1861 г.

Библиографический список / References

1. Захаров В.Ю. Крестьянский вопрос во внутренней политике России в 1-й четверти XIX в. // *Символ науки*. 2005. № 12. С. 56–59. [Zakharov V.Yu. The peasant question in the internal politics of Russia in the 1st quarter of the XIX century. *Symvol nauki*. 2005. No. 12. Pp. 56–59. (In Rus.)]
2. Вешняков В.И. Крестьяне-собственники в России: историко-статистический очерк. СПб., 1858. [Veshnyakov V.I. *Krestyane-sobstvenniki v Rossii: istoriko-statisticheskij ocherk* [Peasants-owners in Russia: Historical and statistical essay]. St. Petersburg, 1858.]
3. Долгих А.Н. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при императоре Александре I // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 51–65. [Dolgikh A.N. Legislation on free bread-growers and its development under Emperor Alexander I. *Otechestvennaya istoriya*. 2008. No. 5. Pp. 51–65. (In Rus.)]
4. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков // *Власть и общество: сборник документов в 4 т.* Липецк, 2008. Т. 2. [Dolgikh A.N. The peasant question in Russia in the late 18th – first quarter of the 19th century. *Vlast i obshchestvo: sbornik dokumentov*. Lipetsk, 2008. Vol. 2.]
5. Долгих А.Н. М.М. Сперанский, А.А. Аракчеев, О.П. Козодавлев: разное видение проблемы // «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. *Историографические очерки: в 2 т.* Липецк, 2018.

- Т. 2. С. 82–121. [Dolgikh A.N. Mikhail M. Speransky, Alexey A. Arakcheev, Osip P. Kozodavlev: Different vision of the problem. «Uvizhu I, o družya, narod neugnetennyj...»: Rossijskoe dvoryanstvo i krestyanskiy vopros v XVIII – pervoj chetverti XIX v. *Istoriograficheskie ocherki*. In 2 vols. Lipetsk, 2018. Vol. 2. Pp. 81–121. (In Rus.)]
6. Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. [Druzhinin N.M. Revolyucionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. [Revolutionary movement in Russia in the XIX century]. Moscow, 1985.]
  7. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. [Kizevetter A.A. Istoricheskie ocherki [Historical essays]. Moscow, 1912.]
  8. Коваленко А.Ю. Государственная деятельность графа А.А. Аракчеева: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. [Kovalenko A.Yu. Gosudarstvennaya deyatelnost grafa A.A. Arakcheeva [State activity of Count A.A. Arakcheyev]. PhD dis. Moscow, 1994.]
  9. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. [Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy: politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms: Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moscow, 1989.]
  10. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX ст. М., 1990. [Mironenko S.V. Stranicy tajnoj istorii samoderzhaviya: politicheskaya istoriya Rossii pervoj poloviny XIX st. [Pages of the secret history of autocracy: Political history of Russia first half of XIX century]. Moscow, 1990.]
  11. Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2017. [Mironenko S.V. Aleksandr I i dekabristy: Rossiya v pervoj chetverti XIX veka. Vybory puti [Alexander I and Decembrists: Russia in the first quarter of the 19th century. Choice of path]. Moscow, 2017.]
  12. Модзалевский В.Л. Храповицкий М.В. // Русский биографический словарь. СПб., 1896–1913. В 24 т. Т. 21. СПб., 1901. С. 423–425. [Modzalevski V.L. Mikhail Hrapovitskiy. *Russkij biograficheskij slovar*. St. Petersburg, 1896–1913. In 24 vols. Vol. 21. St. Petersburg, 1901. Pp. 423–425. (In Rus.)]
  13. Окунь С.Б. Очерки истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956. [Okun S.B. Ocherki istorii SSSR: konec XVIII – pervaya chetvert XIX veka [Essays on the history of the USSR: Late XVIII – first quarter of the XIX century]. Leningrad, 1956.]
  14. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015. [Ruzhitskaya I.V. Zakonodatelnaya deyatelnost v carstvovanie imperatora Nikolaya I [Legislative activity in the reign of Emperor Nicholas I]. Moscow; St. Petersburg, 2015.]
  15. Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. [Sakharov A.N. Aleksandr I [Alexander I]. Moscow, 1998.]
  16. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2 т. Т. 1. СПб., 1888. [Semevsky V.I. Krestyanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX veka [Peasant question in Russia in the XVIII and the first half of the XIX century]. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg, 1888.]
  17. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. В 5 т. Т. 1. СПб., 1902. [Seredonin S.M. Istoricheskij obzor deyatelnosti Komiteta ministrov [Historical review of the Committee of Ministers]. In 5 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 1902.]

18. Строев В.Н. Столетие Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1912. [Stroev V.N. Stoletie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii [Centenary of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. St. Petersburg, 1912.]
19. Томсинов В.А. Временщик: исторический портрет А.А. Аракчеева. 3-е изд. М., 2013. [Tomsinov V.A. Vremenshchik: istoricheskij portret A.A. Arakcheeva [The Tempter: Historical portrait of A.A. Arakcheyev]. Moscow, 2013.]
20. Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. СПб., 1910. [Umanets F.M. Aleksandr i Speranskij [Alexander I and Speransky]. St. Petersburg, 1910.]
21. Шилов Д.Н. Члены Государственного совета Российской империи, 1801–1906: библиографический справочник. СПб., 2007. [Shilov D.N. Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii, 1801–1906 [Members of the State Council of the Russian Empire, 1801–1906]. Bibliographic reference. St. Petersburg, 2007.]
22. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 4. 2-е изд. СПб., 1905. [Schilder N.K. Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn i carstvovanie [Emperor Alexander the First. His life and reign]. In 4 vol. Vol. 4. St. Petersburg, 1905.]
23. Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века. Л., 1983. С. 45–56. [Yakovkina N.I. On the reorganization of the landholding in the beginning of the XIX century. *Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka*. Leningrad, 1983. Pp. 45–56. (In Rus.)]
24. Яченихин К.М. «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 117–128. [Yamenikhin K.M. "Arakcheevshchina": Historical myths. *Konservativizm v Rossii i mire*. In 3 parts. Part 1. Voronezh, 2004. Pp. 117–128. (In Rus.)]
25. Hartley J.M. Alexander I. L.; N.-Y., 1994.
26. Whiting K.R. Aleksei Andreevich Arakcheev. PhD dis. Harvard University. 1951.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023, принята к публикации 14.11.2023
The article was received on 14.07.2023, accepted for publication 14.11.2023

Сведения об авторе / About the author

Полатханова Эльмира Руфатовна – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Elmira R. Polatkhanova – postgraduate student at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: polathanchik@gmail.com

С.А. Пискунов

Благовещенский государственный педагогический университет,
675004 г. Благовещенск, Амурская обл., Российская Федерация

Имперский и советский опыт политики аграрного переселения на Дальний Восток России: сходства и различия

В статье исследована актуальная научная проблема осуществления государственного аграрного переселения на Дальний Восток в 1850–1980-е гг. Использование системного подхода сделало возможным определить влияние на переселенческий процесс, с одной стороны, субъективного фактора – политического, с другой – демографического, объективного. Учет означенных факторов позволил выделить сходства и различия государственного переселения в исследуемые хронологические рамки по следующим основаниям: государственные задачи, условия обеспечения землей, налоговые и иные преференции, организация перевозки, ссуды и денежное пособие, география мест выхода переселенцев. В ходе исследования было установлено, что в изучаемое время переселение традиционно оставалось способом решения военно-политических и социально-экономических задач. Взаимосвязь проявилась и в мерах миграционного стимулирования – льготах (ссуды, пособия, жилье, проезд), географии выхода новоселов. Своеобразие советского периода заключалось в планово-мобилизационном характере реализации переселенческой политики. К существенным отличиям следует отнести и различия в использовании земли и размерах земельных наделов.

Ключевые слова: переселение на Дальний Восток в СССР, переселенческая политика в СССР, переселенческая политика в Российской империи, Российская империя, РСФСР

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пискунов С.А. Имперский и советский опыт политики аграрного переселения на Дальний Восток России: сходства и различия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 55–68. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-55-68

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-55-68

S.A. Piskunov

Blagoveschensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk, 675004, Amur region, Russian Federation

Imperial and Soviet experience of the policy of agrarian resettlement in the Russian Far East: Similarities and differences

The article examines the current scientific problem of implementing state agrarian resettlement to the Far East in the 1850–1980s. The use of a systematic approach made it possible to determine, on the one hand, the influence on the resettlement process of a subjective factor – political, and on the other – demographic, objective. Taking into account these factors it is possible to highlight the similarities and differences of state resettlement within the studied chronological framework on the following grounds: state tasks, conditions for providing land, tax and other preferences, organization of transportation, loans and cash benefits, geography of resettlement places. The study found that during the time under study, resettlement traditionally remained a way to solve military-political and socio-economic problems. The relationship was also evident in migration incentive measures – benefits (loans, benefits, housing, travel), and the geography of new settlers. The uniqueness of the Soviet period lay in the planning and mobilization nature of the implementation of the resettlement policy. Significant differences include differences in the use of land and the size of land plots.

Key words: resettlement to the Far East in the USSR, resettlement policy in the USSR, resettlement policy in the Russian Empire, Russian Empire, RSFSR

FOR CITATION: Piskunov S.A. Imperial and Soviet experience of the policy of agrarian resettlement in the Russian Far East: Similarities and differences. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 55–68. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-55-68

Неравномерное заселение территории России обусловило выработку и реализацию политики государственного переселения в слабо освоенные регионы. Закономерно, что эта проблема являлась и является предметом изучения историков, экономистов, географов, демографов в XIX–XXI вв. [2; 3; 5; 7; 8; 10; 11; 14; 16; 17]¹. Учеными был проанализирован и обобщен фактический материал по истории добровольного миграционного движения в целом и государственной миграционной политики в частности, создана и развивается теоретическая база межрегионального движения населения России.

Целью настоящей статьи является анализ источников и обобщение работ исследователей для определения общего и особенного в политике аграрного переселения России имперского и советского периодов на примере Дальнего Востока, что определяет новизну предлагаемой статьи.

В основу исследования был положен системный подход, в соответствии с которым государственная политика переселения представляет собой комбинирование, с одной стороны, миграции как части демографических процессов, с другой – организованный ее характер как компонент системы управления, свойственной конкретной исторической эпохе. Такой подход позволяет определить влияние на движение населения как субъективного фактора – политического, так и объективных факторов, проявление которых обусловлено во многом модернизацией, значимыми характеристиками которой в изучаемый исторический период являются демографический переход и урбанизация. В свою очередь, хронологические рамки исследования – вторая половина XIX – 80-е гг. XX вв. – обусловлены его целью.

В связи с вышеизложенным выделим следующие основания для сравнения: государственные задачи, условия обеспечения земель, налоговые и иные преференции, организация перевозки, ссуды и денежное безвозвратное пособие, география мест выхода переселенцев.

¹ См. также: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987; Соловьев С.[М.] Об историческом движении русского населения. СПб., 1867; Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959.

Государственные задачи

Государственные инициативы и практика переселения второй половины XIX – начала XX вв. были нацелены на решение двух важнейших государственных задач.

Во-первых, смягчение проблемы земельного голода в старообжитых районах государства. Обращение к данным первой российской переписи 1897 г. показывает, что из 126,4 млн чел.² в городах проживало лишь 16,3 млн чел.³ (13%). Ситуация осложнялась высоким уровнем рождаемости в начале XX в. Одним из выходов в сложившейся ситуации стала организация переселения в слабозаселенные территории России: численность Амурской и Приморской областей и о. Сахалин совокупно составляла в 1897 г. 248,8 тыс. чел.⁴ (около 0,2% населения Российской империи). Одновременно наращивание демографического потенциала таких субъектов должно было способствовать развитию там инфраструктуры, освоению полезных ископаемых, обеспечению продовольствием городского населения и армии.

Рассматривалась миграция в качестве способа борьбы с земельным голодом и после установления Советской власти в России: эта мера закреплялась декретом «О земле». В документе, по сути, была зафиксирована монополия государства на реализацию политики аграрного переселения. Аналогичный тезис был закреплен в Земельном кодексе РСФСР (1922)⁵. Разумеется, что и в дальнейшем тема аграрного перенаселения оставалась в центре внимания партийного руководства страны. Так, резолюцией XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) «О работе в деревне» в качестве одного из методов сокращения избытка рабочей силы на селе называлась «правильная переселенческая политика»⁶. Численность населения СССР, по данным переписи 1926 г., составила без малого 147 млн чел., большая часть из которого – 121,7 млн (83%) – проживала в сельской местности⁷. На деле это означало, что, несмотря на смену модели общественного развития после прихода к власти

² 75% подданных проживали в европейской части России. Данные приведены без Финляндии и Привислинских губерний.

³ Городское население европейской части России составляло 9%. Данные приведены без Финляндии и Привислинских губерний.

⁴ Население империи по переписи 28 января 1897 г. по уездам. СПб., 1898. С. 27–29.

⁵ Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. № 1. Ст. 3. С. 4–6; Земельный кодекс РСФСР. 1922 г. С. 38–39.

⁶ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1306.

⁷ Всесоюзная перепись населения. 17 декабря 1926 г. Вып. 3. Население СССР. М., 1927. С. 2–3.

большевиков, переселение по-прежнему являлось одним из методов решения аграрного вопроса.

Изменения в государственной миграционной политике произошли в конце 1920-х – 1930-е гг. В условиях индустриализации приоритет был отдан кадровому обеспечению предприятий промышленности. В то же время планировалось централизованное привлечение рабочей силы в аграрный сектор восточных районов в масштабах, способных обеспечить потребности их жителей в продуктах питания за счет местного производства [12, с. 41]. Отметим, что на Дальнем Востоке выполнение этих планов не было достигнуто и к концу 1980-х гг.

Переселение как в имперский, так и в советский периоды являлось инструментом решения определенных властью задач национальной безопасности в отношении слабозаселенных, преимущественно приграничных территорий. Так, А.Н. Корф, первый Приамурский генерал-губернатор, призывал заселить край русскими людьми, тем самым закрепив де-факто регион за Россией [15]. В 1920-е гг. в качестве стратегической задачи ставилось вытеснение иностранной рабочей силы из ведущих отраслей дальневосточной промышленности [10, с. 25]. В.М. Молотов, подчеркивая геополитическую значимость Дальнего Востока, назвал его «мощным форпостом Советской власти на Востоке»⁸.

В 1950–1980-е гг. властью осуществлялись мероприятия, направленные на увеличение численности населения Читинской области и юга Дальнего Востока. Объемы и порядок плановой сельскохозяйственной миграции определялись постановлениями ЦК КПСС и (или) Совета Министров СССР, имевших, а в некоторых случаях, и имеющих статус «секретно»: от 8 июля 1967 г. (№ 638); от 25 мая 1972 г. (№ 368); от 8 декабря 1977 г. (№ 1067-347); от 19 августа 1987 г. (№ 958) [12, с. 52–55].

Важнейшей составляющей государственной переселенческой политики являлись меры миграционного стимулирования – льготы. Обращение к имперскому и советскому опыту позволяет определить общее и отличительное их содержание.

Наделение землей

Существенной мерой государственной поддержки переселенцев было обеспечение их землей. Так, с 1861 г. в соответствии с документом «О правилах для поселения Русских (так в тексте. – С.П.) и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» максимальный размер казенной земли на семью не должен был превышать 100 десятин.

⁸ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 302.

С января 1901 г. была введена практика наделения каждой мужской души 15 десятинами, что регламентировалось «Временными правилами для образования переселенческих и запасных участков в Приморской и Амурской областях» от 22 июня 1900 г.⁹

В 1920-е гг. не было четкого указания размера переселенческого надела. В ст. 17 Земельного кодекса РСФСР (1922) читаем, что размер трудовой заимки, т.е. свободной земли аграрного производства, «не должен превышать количества земли, которое может быть использовано заимщиком для ведения трудового сельского хозяйства»¹⁰. В результате мер так называемого «социалистического переустройства деревни», по мнению историка Л.Н. Мазур, в 1930-е гг. складывается приусадебное хозяйство как «особая разновидность дворохозяйства» [9, с. 369]. В 1935 г. «Примерным уставом сельскохозяйственной артели» предусматривалось, что размер приусадебного участка, находившегося в личном пользовании колхозников, зависел от района проживания и не превышал 1 га¹¹. Вплоть до конца 1980-х гг., как показывают данные источников и литературы, площадь выделяемой переселенцам земли была в основном не более 0,5 га¹² [1, с. 115–117].

Освобождение от налогов и повинностей (обязанностей)

Этот вид государственной поддержки новоселов получил широкое распространение как в имперский, так и в советский периоды. Например, переселенцы Амурской области в начале 1860-х гг. освобождались от рекрутской повинности на 10 наборов, пожизненно – от подушной подати и на 20 лет – от поземельной [13]. В начале XX в. прибывшие семьи не осуществляли казенные платежи в течение 5 лет, а в последующее пятилетие их размер был сокращен на 50%. Помимо этого, в местах выезда с новоселов снимались казенные недоимки [18].

Налоговые преференции получали советские семьи, прибывшие организованным порядком в регионы миграционного притяжения. В 1920-е гг. они освобождались на 5 лет от сельскохозяйственного налога (в дальнейшем этот срок был увеличен для отдельных отдаленных регионов), им предоставлялась отсрочка от призыва в армию.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение первое. 1861. СПб., 1863. Ст. 36928. С. 682–685; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение первое (1903 г.) и дополнения. СПб., 1905. Дополнения. Ст. 18918в. С. 73–76.

¹⁰ Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению. М., 1927. С. 9.

¹¹ Собрание Законов СССР. 1935. № 11. Ст. 82. С. 138.

¹² Земельный кодекс РСФСР (с изм. и доп.). Закон РСФСР от 1 июля 1970 г.

В 1930–1980-е гг. с переселенцев списывались имевшиеся недоимки по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции, сборам, страховым платежам или налоговой задолженности в областях выхода¹³.

Перевозка

Во второй половине XIX в. столетия имела практика своекоштного и казеннокоштного переселения. Последний опыт не стал доминирующим: большинство новоселов добирались самостоятельно [6, с. 92–93]. Открытие Транссибирской магистрали существенно сократило время переезда семей из областей-доноров в области-реципиенты. Популярность железнодорожного транспорта в немалой степени определялась льготным переселенческим тарифом. Так, для детей старше 10 лет и взрослых цена составляла 1/4 стоимости билета 3-го класса. Предусматривалось, что каждый член семьи мог бесплатно провезти по 1 пуду груза, за остальной приходилось доплачивать: за каждый пуд по 1 копейке на 100 верст пути, за скот – 1/4–1/2 копейки с головы и версты [18].

В 1920-е гг. был сохранен льготный проезд для переселенцев, с этого времени – с питанием. Возросшие возможности страны способствовали тому, что в 1930–1950-е гг. в специализированные эшелоны, следовавшие на дальние расстояния, стали включаться вагоны-лавки, вагоны-изоляторы, вагоны для скота. Вагоны, судя по документам и воспоминаниям переселенцев, были товарными¹⁴. С 1961 г. для проезда новоселов стали использоваться пассажирские вагоны, а для транспортировки вещей – грузовые. Случалось, что отдельные семьи добиралась в хозяйства вселения самостоятельно, по прибытии получая компенсацию путевых затрат¹⁵ [12, с. 155–156].

Ссуды

В начале XX в. существовали и специальные переселенческие ссуды: путевая и ссуда, предназначавшаяся для обустройства семей на слабоосвоенных территориях. Бесплатно выделялся лес, предназначенный

¹³ О льготах по сельскохозяйственному переселению: Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР (№ 115/2043) от 17 ноября 1937 г. М., 1938. С. 4; Собрание действующего законодательства СССР. Разд. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Кн. 4. Т. 32. М., 1974. С. 237–238.

¹⁴ Сборник законодательных актов по переселению и организованному набору рабочих. М., 1958. С. 190–192; Сборник материалов по вопросам переселения. М., 1952. С. 90.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-518 (Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР). Оп. 1. Д. 150. Л. 105; Там же. Д. 207. Л. 119–120; Там же. Ф. 10005 (Государственный комитет РСФСР по труду). Оп. 1. Д. 39. Л. 35; Там же. Д. 709. Л. 191.

для строительства домов. Товары первой необходимости и сельскохозяйственный инвентарь новоселы имели возможность приобрести в специализированных лавках и складах¹⁶.

В 1920-е гг. в СССР выдавалась 400-рублевая ссуда, по-прежнему безвозмездно хозяйства снабжались строевым лесом. В некотором смысле нововведениями стали бесплатная распашка земли 0,5 га на едока, предоставление инвентаря и семян [10, с. 94].

В 1930-е гг. власть расширила свое участие в помощи новоселам. Так, с 1937 г. прибывшим семьям выделялось свободное жилье, а в случае его отсутствия – строилось новое за счет предоставления долгосрочного кредита на 15 лет под 2% годовых. Помимо этого, государством списывалось 50% выданного займа. Еще одной важной мерой поддержки, принятой к исполнению в 1930-е гг., стало выделение кредита на приобретение скота на пятилетний срок. Сумма бюджетной компенсации достигала 50%¹⁷.

Немаловажно, что в совместном постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. предусматривалась выдача наиболее нуждавшимся семьям продовольственной ссуды – 3 центнера хлеба на семью сроком на 2 года¹⁸.

В 1940–1980-е гг. эти меры поддержки новоселов продолжали существовать, изменившись в большинстве случаев лишь количественно [12, с. 162–192].

Единовременное денежное пособие

Изначально этот вид государственной поддержки был предусмотрен льготами 1937 г. только красноармейцам в размере 500 руб.¹⁹ В годы Великой Отечественной войны была закреплена норма о выдаче

¹⁶ Обзор сельскохозяйственной колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. С. 255–257.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 1. Д. 571. Л. 375–376, 381–382; О льготах по сельскохозяйственному переселению: Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР (№ 115/2043) от 17 ноября 1937 г. М., 1938. С. 7–8; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Кн. 4. Т. 32. М., 1974. С. 232–234, 242–243.

¹⁸ О льготах по сельскохозяйственному переселению: Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР (№ 115/2043) от 17 ноября 1937 г. М., 1938. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 9.

2500 руб.²⁰ на каждую семью, переселившуюся в Крым. Эта инициатива власти в дальнейшем была распространена на переселенцев других субъектов вселения, в том числе дальневосточных.

Так, изъявившим желание переехать на о. Сахалин полагалось 3 тыс. руб. на главу семьи и 600 руб. на каждого ее члена. Размер пособия переселенцам 1948 г., направлявшимся в Приморский и Хабаровский края, был определен постановлением Совета Министров СССР от 11 октября 1947 г. № 3520 и составлял 2 тыс. руб. на главу семьи и по 500 руб. на каждого ее члена. Немаловажно, что в условиях послевоенного дефицита предусматривалась продажа товаров первой необходимости, одежды, обуви²¹. До упорядочивания льгот в феврале 1953 г. правительством ежегодно определялось содержание государственной поддержки сельскохозяйственных мигрантов. Имело место и сокращение объема выдаваемого пособия. Так, новоселам Приморья в 1949 г. единовременные безвозвратные выплаты были снижены до 1 тыс. на главу и 300 руб. на каждого члена семьи (меньшей оказалась и ссуда на строительство жилья). В Амурской области такого рода изменения произошли в 1950 г. (для демобилизованных воинов – 750 и 250 руб., соответственно). С 1951 г. для вновь прибывших в хозяйства Амурской области и Приморского края сумма пособия еще снизилась – до 800 руб. на главу семьи и 300 руб. для остальных ее членов и т.д.²²

В дальнейшем льготы по переселению регламентировались следующими постановлениями Совета Министров СССР: от 19 февраля 1953 г. (№ 517); от 13 марта 1959 г. (№ 259); от 31 мая 1973 г. (№ 364) и др. В указанных документах прослеживается тенденция на увеличение размеров оказываемой государством помощи новоселам.

Наконец, в 1973 г. для семей, заселявших восточные районы РСФСР, предлагались особые меры поддержки. Во-первых, предоставлялась возможность частичного или полного сложения отпусков с оплатой хозяйствами не реже 1 раза в 3 года (но не более 3 лет).

Во-вторых, для Амурской и Читинской областей, Приморского и Хабаровского краев в первую очередь должны были выделяться дефицитные в тот период мотоциклы и легковые автомобили за счет рыночных фондов [13, с. 191].

²⁰ Российский государственный архив социально-политических исследований. Ф. 17 (Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б)). Оп. 123. Д. 281. Л. 26–28.

²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 1. Д. 306. Л. 15–17; Там же. Д. 314. Л. 120–121.

²² Там же. Д. 314. Л. 119–121; Там же. Д. 335. Л. 335–338; Там же. Д. 358. Л. 328–329; Там же. Д. 388. Л. 328; Там же. Д. 392. Л. 55 и др.

Состав переселенцев

В качестве общего применительно к имперскому и советскому опыту аграрного добровольного переселения следует назвать требование семейного статуса мигрантов. Такая практика была связана со стремлением власти снизить долю выезда и, напротив, усилить адаптацию новоселов в местах приема.

Общие черты связаны и с этнонациональной принадлежностью переселенцев. В дореволюционный период, например, в движении на Дальний Восток существенной была роль Украины (табл. 1).

Таблица 1

Число новоселов Приамурья в 1882–1917 гг. из различных мест выхода, %

Места выхода переселенцев	Годы	
	1883–1905	1906–1917
Украина	63,35	56,25
Центрально-Земледельческий район	5,10	4,69
Белоруссия и Литва	2,36	6,59
Не указали	17,26	17,66
Иные	11,93	14,81

Таблица составлена по: [6, с. 190–194].

В советское время по-прежнему ведущими оставались места компактного проживания славян. Исследовавший географическую структуру приезжего населения Дальнего Востока Л.Л. Рыбаковский отмечал, что в довоенный период среди мигрантов доля Украинской ССР и Молдавии составила 26,7%, районов Сибири – 19,3%, Поволжья – 14,7%, Белоруссии – 4,5%, Урала – 4,3%, других районов России – 25,2% [16, с. 146].

Существенными оставались доли выходцев из Украины и областей европейской части РСФСР по окончании Великой Отечественной войны. Лишь в 1980-е гг. специализированными органами стали привлекаться жители Закавказья и Средней Азии (табл. 2).

Таким образом, изучение источников и литературы по проблеме исследования показывает, что имперский и советский опыт переселения имеют общие основы как с точки зрения задач, так и некоторых инструментов его реализации.

**Число новоселов РСФСР в 1946–1988 гг.
из различных мест выхода, %**

Места выхода переселенцев	Годы		
	1946–1953	1954–1966	1967–1988
РСФСР	75,47	92,62	70,49
Межреспубликанское переселение, из них:	24,53	7,38	29,51
Белорусская ССР	5,77	–	3,32
Казахская ССР	1,38	–	–
Узбекская ССР	–	–	1,53
Украинская ССР	17,82	–	17,82
Киргизская ССР	–	–	4,53

Таблица составлена по: [12, с. 201–214].

Независимо от смены курса развития государства, переселение традиционно оставалось способом решения ряда важнейших задач как военно-политического, так и экономического характера. Такая взаимосвязь проявилась и в мерах миграционного стимулирования, значительная часть которых начала реализовываться до 1917 г.

При этом следует иметь в виду, что преемственность задач государственной политики переселения имперского и советского периодов не сопровождалась аналогичными методами их достижения²³: для СССР был характерен планово-мобилизационный характер перераспределения трудовых ресурсов [4, с. 39]. Сложившаяся практика не означала применения насильственных методов в отношении сельскохозяйственных переселенцев. Доказательством добровольности этого процесса служат, прежде всего, выезды новоселов из мест приема. Общее правило, однако, не исключало отдельных случаев принуждения [7, с. 25].

На протяжении 1850–1980-х гг. в целом сохранялась география мест выхода новоселов. Вплоть до начала 1980-х гг. в качестве важнейших регионов-доноров выступали Украина, Белоруссия и области европейской части современной России.

²³ Отметим, что заселение казаками территорий, вошедших в состав Российской империи по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому договорам, первоначально осуществлялось принудительно [3, с. 136].

Специфика советского периода заключалась в наращивании организационного и финансового участия власти в реализации переселенческой политики. К существенным отличиям следует отнести и различия в использовании земли и размерах земельных наделов.

Библиографический список / References

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки, до конца XIX века. М., 1982. [Alekseev A.I. Osvoenie russkimi lyudmi Dalnego Vostoka i Russkoj Ameriki, do konca XIX veka [The developing of the Far East and Russian America by the Russian people, until the end of the nineteenth century]. Moscow, 1982.]
2. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148. [Gorbachev O.V. Organized migration from the village of the Central Nechernozemie Region in the second half of the 1940s – 1960s]. *Voprosy istorii*. 2003. No. 2. Pp. 138–148. (In Rus.)]
3. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1997. [Zandanova L.V. Pereselenie krestyanstva v Aziatskuyu Rossiyu (konec 40-h – seredina 60-h gg. XX v.) [The migration of the peasantry to Asian Russia (late 40s – mid 60s. of the XX century)]. Irkutsk, 1997.]
4. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / Ващук А.С., Савченко А.Е., Ковалевская Ю.Н. и др. Владивосток, 2014. [Vashchuk A.S., Savchenko A.E., Kovalevskaya Yu.N. et al. Istoricheskie problemy socialno-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dalnego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.) [Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (the second half of the XX – the beginning of the XXI century)]. Part 2. Migration challenges and strategies for ensuring socio-political security of the Far Eastern territories. Vladivostok, 2014.]
5. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917 гг.). Историко-демографический очерк. М., 1985. [Kabuzan V.M. Dalnevostochnyj kraj v XVII – nachale XX vv. (1640–1917 gg.). Istoriko-demograficheskiy ocherk [The Far Eastern Territory in the 17th – early 20th centuries (1640–1917). Historical and demographic essay]. Moscow, 1985.]
6. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск, 1976. [Kabuzan V.M. Kak zaselyalsya Dalnij Vostok (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka) [How the Far East was settled (second half of the XVII – beginning of the twentieth century)]. Khabarovsk, 1976.]
7. Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015. [Kostyashov Yu.V. Povsednevnost poslevoennoj derevni: Iz istorii

- pereselencheskih kolhozov Kaliningradskoj oblasti. 1946–1953 gg. [The everyday life of the post-war village: From the history of migratory collective farms in the Kaliningrad region. 1946–1953]. Moscow, 2015.]
8. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. [Lyubavskij M.K. Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizacijей. СПб., 2000. [The historical geography of Russia in connection with the colonization]. St. Petersburg, 2000.]
  9. Мазур Л.Н. Приусадебное землепользование колхозников, работников совхозов и горожан в 1930–1980-е годы (по материалам Урала) // Землевание и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 366–384. [Mazur L.N. The private land use of collective farmers, workers of state farms and citizens in the 1930–1980s (based on the Urals' materials)]. *Zemlevladienie i zemlepolzovanie v Rossii (socialno-pravovye aspekty)*. *Materialy XXVIII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Kaluga, 2003. Pp. 366–384. (In Rus.)]
  10. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 гг.). Хабаровск, 2003. [Pikalov Yu.V. Pereselencheskaya politika i izmenenie socialno-klassovogo sostava naseleniya Dalnego Vostoka RSFSR (noyabr 1922 – iyun 1941 gg.) [The migration policy and the changes in the social and class composition of the population of the Far East of the RSFSR (November 1922 – June 1941)]. Khabarovsk, 2003.]
  11. Пискунов С.А. Государственная политика переселения в сельскохозяйственные районы Дальнего Востока СССР (середина 40-х – середина 60-х гг. XX века). Благовещенск, 2011. [Piskunov S.A. Gosudarstvennaya politika pereseleniya v zemledelcheskie rajony Dalnego Vostoka SSSR (seredina 40-x – seredina 60-x gg. XX veka [State policy of resettlement to agricultural areas of the Far East of the USSR (mid 40s – mid 60s of the XX century)]. Blagoveshensk, 2011.]
  12. Пискунов С.А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. Благовещенск, 2016. [Piskunov S.A. Planovoe selskhozajstvennoe pereselenie v RSFSR: opyt vtoroj poloviny 1940-h – 1980-h gg. [Planned agricultural resettlement in the RSFSR: The experience of the second half of the 1940s – 1980s]. Blagoveshchensk, 2016.]
  13. Пискунов С.А. Эволюция государственной помощи переселенцам российской деревни (вторая половина 40-х – 80-е гг. XX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 187–192. [Piskunov S.A. Evolyuciya gosudarstvennoj pomoshchi pereselencam rossijskoj derevni (vtoraya polovina 40-h – 80-e gg. XX v.) [The evolution of state aid (help) to the migrants of the Russian village (the second half of the 40s – 80s of the XX century)]. *Socialnye i humanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*. 2015. No. 2 (46). Pp. 187–192. (In Rus.)]
  14. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. [Platunov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun 1941 gg.) [The resettlement (migration) policy of the Soviet State and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk, 1976.]

15. Ремнев А.В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. // Исторический ежегодник. Омск, 1996. URL: <http://www.omsku.omsereg.ru/histbook/articles/y1996/a017/article.shtml> (дата обращения: 19.05.2008). [Remnev A.V. The problems of managing (directing) by the Russian Far East in the 1880s. *Istoricheskiy yezhegodnik*. Omsk, 1996. URL: <http://www.omsku.omsereg.ru/histbook/articles/y1996/a017/article.shtml> (In Rus.)]
16. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. [Rybakovskij L.L. *Naselenie Dalnego Vostoka za 150 let* [The population of the Far East for 150 years]. Moscow, 1990.]
17. Чернышев К.А., Чернышева Н.В. Миграционные связи Кировской области как региона-донора: ретроспектива и современные особенности. М., 2022. [Chernyshev K.A., Chernysheva N.V. *Migracionnye svyazi Kirovskoj oblasti kak regiona-donora: retrospektiva i sovremennye osobennosti* [Migration connections of the Kirov region as a donor region: Retrospective and modern features]. Moscow, 2022.]
18. Щагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа и хозяйственное освоение восточных окраин России // Власть и общество России в прошлом и настоящем. М., 2000. С. 54–88. [Shchagin E.M. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i hozyajstvennoe osvoenie vostochnyh okrain Rossii* [Stolypin agrarian reform and economic development of the Eastern outskirts (territories) of Russia]. *Vlast i obshchestvo Rossii v proshlom i nastoyashchem*. Moscow, 2000. Pp. 54–88. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 09.12.2023, принята к публикации 21.01.2024
The article was received on 09.12.2023, accepted for publication 21.01.2024

Сведения об авторе / About the author

Пискунов Сергей Александрович – доктор исторических наук; профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин историко-филологического факультета, Благовещенский государственный педагогический университет

Sergey A. Piskunov – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Russian History and Special Historical Disciplines of the Faculty of History and Philology, Blagoveschensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Amur region, Russian Federation

E-mail: grew5@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-69-85

УДК 332.82+711.4.01/.417.5+94

В.Н. Горлов, С.Н. Артёмов

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Города-спутники СССР: тенденции развития и размещения

Градостроительство в СССР должно было обеспечить советским гражданам необходимые условия для высокопроизводительного труда, эффективного отдыха, бытовые удобства и здоровую гигиеническую среду. Градостроительная практика требовала расширения сферы влияния крупных городов СССР на пригородную зону. Формирование пригородных зон подчинялось, в первую очередь, интересам крупных городов и, в частности, задачам создания вокруг них городов-спутников. В статье рассматриваются причины строительства советских городов-спутников, анализируется наиболее целесообразные пути развития новых городов-спутников, какую роль они играли в системе городского расселения в СССР, рассматриваются тенденции размещения городов-спутников в СССР. В статье анализируются особенности города-спутника Москвы – Зеленограда, его развитие и градостроительные достижения.

Ключевые слова: разуплотнение городов, индустриализация жилищного строительства в СССР, типизация жилищного строительства в СССР, массовое жилищное строительство в СССР, город-спутник, градостроительство в СССР, рассредоточение населения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н., Артёмов С.Н. Города-спутники СССР: тенденции развития и размещения // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 69–85. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-69-85

© Горлов В.Н., Артёмов С.Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-69-85

V.N. Gorlov, S.N. Artyomov Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Satellite cities of the USSR: Trends in development and placement

Urban planning in the USSR was supposed to provide Soviet citizens with the necessary conditions for high-performance work, effective recreation, household amenities and a healthy hygienic environment. Urban planning practice required the expansion of the sphere of influence of large cities of the USSR on the suburban area. The formation of suburban areas was primarily subordinated to the interests of large cities and, in particular, to the tasks of creating satellite cities around them. The article examines the reasons for the construction of Soviet satellite cities, analyzes the most appropriate ways to develop new satellite cities, what role they played in the urban settlement system in the USSR, and examines the trends in the placement of satellite cities in the USSR. The article analyzes the features of the satellite city of Moscow – Zelenograd, its development and urban development achievements.

Key words: urban densification, industrialization of housing construction in the USSR, typification of housing construction in the USSR, mass housing construction in the USSR, satellite city, urban planning in the USSR, population dispersal

FOR CITATION: Gorlov V.N., Artyomov S.N. Satellite cities of the USSR: Trends in development and placement. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 69–85. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-69-85

Актуальность темы статьи обусловлена значимостью развития советского градостроительства в развитии городов российского общества, несмотря на политические, экономические и социальные перемены в обществе. Изучение городов-спутников, их функций, истории их формирования, тенденций их развития поможет решить практические задачи планирования сети городов нашей страны.

Данное исследование основано на анализе документов, связанных с советским и партийным делопроизводством 1950–1960-х гг.: решения съездов, пленумов ЦК КПСС, Программы КПСС, указов Президиума Верховного Совета РСФСР. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Большую роль сыграл ретроспективный метод, оценивающий события и явления в их историческом развитии. Этот метод исследования позволяет в ретроспективной оценке поэтапного развития городов-спутников наиболее полно раскрыть изучаемые проблемы в их динамике, особенностях и противоречиях.

В историографии выбранной темы особо следует выделить исследование А.С. Сенявского «Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе», в котором в единстве теоретического и конкретно-исторического анализа освещается «урбанизационный переход» России как важнейшее содержание исторического процесса в XX в., раскрываются механизмы и содержание урбанизации в советский период [10]. В исследовании В.В. Владимирова и Н.И. Наймарка «Проблемы развития теории расселения в России» проведен сравнительный анализ состояния теоретических исследований процессов расселения в России и некоторых развитых странах Европы, намечены пути развития теории расселения, направленные на совершенствование градостроительного процесса в России [2]. В коллективной монографии «Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики» обсуждаются те характеристики и ситуации функционирования города, которые в наибольшей степени определяют его развитие. Особое место отведено обсуждению изменений города и его преобразовательной роли, рассмотрены проблемы современных городов, в частности, в связи с явлениями мегаполизации [3].

В книге Б.Е. Светличного «Город в современном мире» отражены наиболее важные проблемы градостроительства в СССР в 1950–1970-е гг. в их комплексе и взаимосвязи: глобальная урбанизация и ее последствия, причины чрезмерного роста крупных городов, роль городов-спутников в ограничении роста крупных городов, показана роль транспорта в жизни города, его настоящее и будущее [9]. Книга М.Г. Бархина «Город 1945–1970. Практика, проекты, теория» посвящена динамике развития современных градостроительных идей, практике проектирования и застройки городов Советского Союза, рассматриваются основные проблемы советского градостроительства: структуры систем расселения, преобразование существующих и строительство новых городов.

Особое место уделено новым элементам расселения – городам-спутникам, призванным бороться с ростом городов-гигантов [1].

Интересны исследования, опубликованные в период активного планирования и возникновения городов-спутников. В издании «Пригородные зоны крупных городов» рассматриваются основные принципы планировки пригородных зон крупных городов на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта, анализируется развитие городов-спутников в СССР, расселение жителей крупных городов [7]. В сборнике статей «Города-спутники» вопросы развития городов-спутников рассматриваются как органическая часть более широкой проблемы расселения в группах городов и поселков СССР, включающих города – центры притяжения поселений-спутников и разнообразные типы этих поселений [4].

В книге Г.М. Лаппо «Рассказы о городах» рассматриваются проблемы больших и малых городов, крупных городских агломераций, возникновения новых городов [5]. В сборнике «Очерки истории края. Зеленограду – 50. Город и горожане» рассматривается социокультурная среда Зеленограда и сфера деятельности его жителей. Особое место в сборнике уделено архитектуре города и созданию градообразующих предприятий электронной промышленности [6].

В свете задач построения коммунистического общества в СССР проблема перспективного планирования развития городов приобретала большое государственное значение. Эта проблема решалась как органическая часть перспективного плана экономического развития и равномерного размещения производительных сил страны.

Проблемы урбанизации активно обсуждались в советской печати в конце 1950-х гг. Во многих советских городах промышленные предприятия были окружены жилыми домами, что создавало сложности как жителям городов, так и самим предприятиям. В СССР выходили постановления правительства о выводе ряда промышленных предприятий за пределы крупных городов Советского Союза в целях предотвращения дальнейшей концентрации в них промышленности и ограничения их роста. Столица СССР столкнулась с проблемой ограничения роста крупных городов еще в 1930-е гг., когда Генеральным планом реконструкции города Москвы 1935 г. было запрещено строительство в Москве новых промышленных предприятий. Запрет этот не выполнялся из-за необходимости претворения в жизнь плана индустриализации, развития научных и учебных заведений в Москве. Так, из запланированных к выводу за пределы Москвы более 500 мелких предприятий оставили столицу считанные единицы¹.

¹ О Генеральном плане реконструкции города Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). М., 1935. С. 19.

Для разуплотнения столицы и рассредоточения населения других крупных советских городов намечалось строительство городов-спутников. Они должны были не только помочь в разрешении жилищной проблемы в СССР, но и создать советским гражданам более здоровые условия для жизни. Наиболее быстро и экономно осуществить такие планы могло массовое жилищное строительство домов в 4–5 этажей панельной застройки, вынесенных за черту основного большого города.

Численность населения Москвы значительно возросла в результате не только естественного, но и механического прироста (приток населения из других районов СССР). К 1959 г., когда была проведена Всесоюзная перепись населения, в столице проживало более 5 млн чел.² После присоединения к Москве пяти городов и других населенных пунктов области в 1960 г. население столицы достигло более 6 млн чел.³ В пригородной зоне Москвы также наблюдался значительный рост населения.

На XX съезде КПСС была поставлена задача: ограничить рост крупных городов и частично рассредоточить их население путем строительства малых городов-спутников с переводом в них некоторых предприятий. Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС рекомендовал распределить жителей крупных советских городов посредством строительства вокруг таких городов ограниченных по размерам обустроенных городков: «хорошие благоустроенные дома надо будет строить не на территории самих крупных городов, а в некотором отдалении от них, создавать там такие жилищные условия, чтобы люди стремились туда переселиться. В эти городки необходимо перевести некоторые предприятия, чтобы трудящиеся могли там работать»⁴.

В марте 1958 г. Н.С. Хрущёв заявил своим избирателям: «Надо, наконец, прекратить рост населения крупных городов...»⁵. Спустя месяц на Всесоюзном совещании по строительству он вновь заговорил о городах-спутниках: «Надо строить! Но города-спутники Москвы не строятся. Время идет, годы идут, а жилищное строительство все больше концентрируется в Москве. Дальше так строить нельзя»⁶.

В новой Программе КПСС говорилось о необходимости все большего развития в нашей стране небольших и средних благоустроенных городов,

² Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960. С. 12.

³ Москва. Спутник туриста. М., 1961. С. 59.

⁴ Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956. С. 74.

⁵ Цит. по: Баранов Н.В. Современное градостроительство // Советская архитектура. 1958. № 10. С. 88.

⁶ Всесоюзное совещание по строительству 10–12 апреля 1958. Материалы. М., 1958. С. 119.

что позволит улучшать и оздоравливать условия жизни трудящихся⁷. Градостроители той эпохи, в основном, поддерживали эту идею, считая, что города-спутники, построенные в 30–50 км от центров, помогут переместить часть советских граждан из крупных городов. Такое перемещение населения за рубежом называлось «децентрализацией городов». Зарубежные градостроители были убеждены, что за городами-спутниками – будущее. В СССР не считали данную тенденцию единственно реальным направлением будущего строительства городов, называя данный процесс «разуплотнением» городов.

В такое динамичное время, которое пришлось на период «оттепели», необходимо было в очень короткий срок разуплотнить ряд крупных советских городов. А для этого необходимо было освоить территории, примыкающие к установившейся застройке, чтобы переселить в данный район сотни тысяч советских граждан. Для этого важно было зарезервировать перспективные территории. Как на Западе, так и в СССР образование городов-спутников считали многообещающим и финансово-выгодным средством решения многих городских проблем (предоставление жилья, сохранение окружающей среды и т.п.). Необходимо учитывать время формирования городов-спутников как на Западе, так и в СССР. В те годы очень серьезно относились к угрозе будущей ядерной войны. Не учитывать данный фактор Н.С. Хрущёв, по всей вероятности, не мог.

В конце 1950-х гг. среди проблем советского градостроительства образование городов-спутников в пригородной зоне становится одной из важнейших. Совет Министров СССР планировал строительство трех городов-спутников столицы с общей численностью населения 170 тыс. чел. Помимо строительства города-спутника в районе станции Крюково, планировали появление городов-спутников в районе Красной Пахры и Яхромы. Планировали в Подмосковье (в районе Михнева, Каменки, Воронова) готовить территории для строительства других городов-спутников⁸. Моссовет очень серьезно относился к задаче образования городов-спутников. Было решено передислоцировать 38 столичных предприятий из перенаселенных районов Москвы. Моссовет также планировал перевести многие филиалы крупных предприятий столицы из-за дефицита столичной земли и свободных рабочих рук. Возникла необходимость выноса из Москвы отдельных цехов московских предприятий, обслуживающих город (литейная, местная

⁷ Программа КПСС. М., 1961. С. 59.

⁸ Бабуров В.Н. Первый город-спутник Москвы // Архитектура и строительство Москвы. 1959. № 1. С. 7–8.

промышленность, строительная индустрия и пр.), опытных производств, научно-исследовательских учреждений и т.д. Эти предприятия и учреждения должны были стать градообразующей базой для городов-спутников, подавляющая часть населения которых будет работать на месте⁹. Этот перенос предприятий не только обеспечивал жителей городов-спутников рабочими руками, но и способствовал разуплотнению Москвы, сняв давление на инфраструктуру столичного центра. Исходя из таких предпосылок, создавался город-спутник Москвы в районе станции Крюково.

Желательно было ограничивать рост не только ряда крупнейших городов, но и чрезмерно разрастающихся городских агломераций (вокруг Москвы, Ленинграда, Горького, Донецка, Харькова и др.) для более равномерного размещения производительных сил СССР. Институт градостроительства разработал оптимальные нормы численности городов-спутников в пределах от 30 до 80 тыс. человек¹⁰. Такой же оптимальной численности придерживались и зарубежные градостроители. Между тем, большинство существующих городов-спутников в СССР не укладывались в рамки этих рекомендаций.

Специфической функцией городов-спутников является их роль места постоянного расселения большого числа работающих в главном городе. Именно поэтому в зарубежной литературе широко был распространен термин «города-спальни». Поначалу планировалось по опыту западных стран построить в спутнике Москвы город-спальню без промышленных предприятий. По этому плану жители спутника ежедневно должны были совершать челночные поездки в столицу и обратно. Однако вскоре планы коренным образом изменились. В спутнике были созданы места приложения труда. В то же время советские градостроители были против городов-спален с нерациональными дальними поездками трудящихся на работу в главный город с потерей времени и средств. Акцент делался на хорошую транспортную доступность города-спутника, которая позволяла тратить до места работы не более 1 часа – 1 часа 15 минут¹¹. Единственно правильным считали путь постепенного, планомерного «переключения» населения городов-спутников на их предприятия и учреждения – существующие, вновь создаваемые и переносимые из главного города. Одновременно планировали осуществить переселение в города-спутники жителей главного города, работающих в этих спутниках.

⁹ Москва. М., 1961. С. 24.

¹⁰ Строительство и реконструкция городов (1945–1957): материалы V конгресса Международного союза архитекторов в 3-х т. Т. 1. Ч. 2. М., 1958. С. 5.

¹¹ Жилищное строительство. М., 1958. С. 208.

Создание городов-спутников было тесно связано с решением всего комплекса планировочных проблем пригородной зоны основного города, в первую очередь, проблемы расселения и, одновременно с ней, размещения народнохозяйственных объектов градообразующего значения, служащих местами приложения труда. Опыт проектирования городов-спутников для целого ряда крупнейших советских городов, таких как Ленинград, Киев, Харьков, Рига, Горький, а также строительство первого города-спутника Москвы в районе Крюкова показало, что наиболее целесообразным решением проблемы расселения нужно считать создание спутников на основе существующих, исторически сложившихся населенных мест вблизи основного города. При этом ставились задачи разуплотнения крупного города, ограничения его дальнейшего территориального развития и рассредоточения мест приложения труда с расселением связанных с ними трудящихся. Именно так были организованы спутник Москвы Зеленоград, спутник Баку Сумгаит и др.

Определяя город-спутник как составной элемент расселения крупного города, уточним, что понимается под этим термином. Понятие города-спутника включало общность жизни населения, совместные пути развития, тесные взаимосвязи городов-спутников и главного города, сильное тяготение к нему этих поселений.

Города-спутники тяготели, например, к столице, областному или краевому центру (Москве, Ленинграду, Киеву, Харькову, Минску, Свердловску, Новосибирску, Красноярску и др.); к центру угольного района (Горловке, Караганде); к центру нефтеносного района (Грозному); к центру курортного района (Ялте, Сочи, Пятигорску). Однако наличие хозяйственного и культурного тяготения само по себе еще не могло служить определяющим признаком городов-спутников. Так, центры кооперирующихся промышленных предприятий, удаленные друг от друга на 100 км и более, нельзя было называть городами-спутниками.

Общепринято, что спутниками можно считать города, находящиеся в тесных взаимосвязях с основным городом, вблизи которого они расположены. Из всего многообразия этих связей обычно выделяются производственные, культурно-бытовые и трудовые, определяющие понятие «спутника». Однако по поводу того, какой из этих трех видов взаимосвязей наиболее важный, мнения расходятся.

Производственные взаимосвязи городов-спутников с основным городом проявляются в кооперировании их градообразующих объектов. Они наиболее постоянны и устойчивы, и развитие их следует регулировать единой системой управления. Однако эти взаимосвязи были характерны не только для спутников, но и для более широкой группы населенных мест. Особенностью спутников является размещение их на таком

расстоянии от основного города, при котором были возможны и другие виды взаимосвязи. Пределом удаления считали 100 км.

Культурно-бытовые взаимосвязи с основным городом отражали общность культурной жизни населения крупного города и спутников, которая позволяла рассматривать их как единый комплекс. Непосредственное участие жителей спутников в культурной и общественной жизни основного города, посещение населением крупного города парков, мест отдыха, художественно-исторических памятников, расположенных в спутниках, делали культурно-бытовые взаимосвязи наиболее устойчивыми. При этом признаком спутников служила частота посещения их жителями основного города с культурными и бытовыми целями. Организация в самом спутнике полноценного культурно-бытового обслуживания могло в известной степени ограничить эти связи, однако уникальные объекты крупного города (музеи, библиотеки, стадионы, лечебные и торговые учреждения) всегда привлекали население спутников.

Трудовые взаимосвязи выражались в трудовой занятости жителей спутника в основном городе. Особенно интенсивными они были в спутниках, не обеспеченных местами приложения труда. Было характерно расселение в городах-спутниках части работающих на предприятиях и в учреждениях главного города и наоборот, другими словами, «взаимосвязанное расселение» и повседневные пригородные трудовые поездки.

Между спутниками и основным городом возникали также коммунально-хозяйственные связи, обусловленные общностью регулирования градообразующих объектов, единым планированием и возможностью создания единых систем инженерного оборудования.

Все сказанное позволяет определить город-спутник как населенный пункт, расположенный вблизи крупного (основного) города и имеющий с ним тесные производственные, экономические, культурно-бытовые, трудовые взаимосвязи. Во всех случаях, решая проблему расселения крупного города, выбирали оптимальные в данных условиях виды спутников, учитывая масштабы расселения, характер природного окружения, транспортные связи, а также другие факторы.

Численность населения существующих спутников была весьма различна. Зеленоград был рассчитан на 60 тыс. жителей, Академгородок под Новосибирском – на 20 тыс. и т.п. Оптимальные размеры и численность населения города-спутника определялись на основе всестороннего учета градостроительных и природных условий: принятой системы расселения и архитектурно-планировочной структуры комплекса основного города и его спутников, количества и типов городов-спутников, особенностей природной ситуации, транспортных связей.

Установление численности населения было тесно связано с предполагаемым типом города-спутника. Для спутника, не имеющего собственной градообразующей базы, оптимальное число жителей определялось исходя из требований обеспечить максимальное удобство передвижений к месту работы и создать экономически оправданный полноценный комплекс культурно-бытовых учреждений повседневного и периодического обслуживания. В таком городе нужно было обеспечить беспересадочные поездки до основного города и хорошую пешеходную связь жилья с междугородним вокзалом. Как известно, внутригородская пешеходная доступность может быть обеспечена в городах с населением до 100 тыс., поэтому именно эту численность считали предельной для спутников без градообразующей основы.

В конце 1950-х гг. считалось, что города-спутники следует размещать за пределами зеленого пояса основного города, предназначенного для оздоровления его воздушного бассейна и кратковременного отдыха населения. Принимая среднюю ширину зеленого пояса в 10–15 км, минимальным отдалением города-спутника от крупного города считалось 15–20 км.

Чтобы использовать наиболее благоприятные природные условия, города-спутники в ряде случаев размещались на значительном расстоянии от крупного города. Однако предельное отдаление также должно было определяться максимальным временем, которое при современных транспортных средствах может затрачиваться на поездку в основной город. Поэтому важным условием выбора территории будущего города-спутника считали расположение его вблизи линий электрифицированных железных дорог. Все это относится к спутникам крупнейших городов, где масштабы разукрупнения требовали расселить большое количество населения – несколько сот тысяч человек.

Характер размещения спутников был весьма различен. Для ряда крупнейших городов наиболее характерна была радиально-кольцевая система. Линейное расположение спутников часто встречалось у городов, возникших на побережьях крупных рек. Примером могли служить такие города, как Куйбышев, Днепропетровск и др.

Имея в виду, что трудоустройство населения по месту жительства – одно из обязательных условий целесообразного расселения, город-спутник, как правило, должен был представлять собой заверченный комплекс, включающий жилую застройку, градообразующие объекты (промышленность, научные и учебные учреждения, предприятия сельского хозяйства, которые в условиях города-спутника могут быть объектами градообразования, и т.п.), свободная живописная постановка зданий в гармоничном сочетании с естественными зелеными массивами,

общественный сектор с местами массового отдыха. Организация городов-спутников требовала выбора территории, наиболее благоприятной по ландшафтным и природным условиям. Территория города-спутника должна была иметь живописный рельеф, водные протоки и лесные массивы, чередующиеся с открытыми участками. Обычно старались, чтобы площадка, выбираемая для строительства, примыкала к крупным лесным массивам. Такими, по мнению советских архитекторов, должны были быть принципы организации городов-спутников. В качестве примера можно привести проекты Зеленограда и Новосибирского академгородка Сибирского отделения Академии наук СССР. Архитектурно-планировочная структура городов-спутников должна была всемерно способствовать непосредственной взаимосвязи города с природной средой.

Особенно важно было обеспечить функционально оправданное распределение территории города-спутника и, в первую очередь, правильное взаиморасположение селитьбы (земельная площадь в городах, занятая постройками, садами, городскими проездами) и территорий, занятых градообразующими объектами. Необходимо было предусмотреть рациональное размещение функциональных зон, высокий уровень культурно-бытового обслуживания, удобство внутригородских пешеходных и транспортных трасс и внешних сообщений. К этому нужно добавить соседство с крупным городом, его уникальными культурными учреждениями – музеями, театрами, библиотеками.

Обычно промышленные предприятия и другие объекты размещались на окраине города или в среде жилой застройки. Посчитали более целесообразным размещать их вне селитебной территории, объединяя в специальные зоны. Этот прием создавал благоприятные условия для свободного территориального развития обеих зон, при условии соблюдения между ними необходимых разрывов. Такое решение было положено в основу организации Зеленограда под Москвой. С целью приближения мест приложения труда к жилью этот прием был наиболее выгоден.

В городах-спутниках было особо важно осуществлять четкое районирование селитебной территории с последовательным выделением в структуре города жилых районов и микрорайонов. Эта задача решалась на основе ступенчатой системы обслуживания с комплексами культурно-бытовых учреждений первичного, повседневного, периодического и эпизодического пользования. Обслуживающие комплексы размещали на таком расстоянии от жилья, которое обеспечивало удобство пользования ими. Тем самым, вся система обслуживания приобретала значение структурной основы селитебной территории города-спутника.

Практика проектирования и строительства у нас и за рубежом показала, что размеры жилого района и микрорайона в городах-спутниках были недостаточно обоснованы и колебались в довольно широких пределах. Так, в Зеленограде средняя численность населения микрорайона была запроектирована в 7,5 тыс. чел. Экспериментальным проектом города-спутника Орлино (вблизи Ленинграда) предусматривалось 17 микрорайонов с 5–6 тыс. жителей в каждом. Это позволило бы обеспечить нормативную плотность расселения, организовать сад с площадками для отдыха и спорта и выразительно решить архитектурную композицию застройки [7, с. 122–123].

В состав городов-спутников входили разнообразные по своим функциям населенные места. По своему производственному профилю города-спутники могли быть промышленными, учебно-научными, сельскохозяйственными. При этом основными градообразующими факторами в них являлись промышленные предприятия (обрабатывающая и добывающая промышленность), внешний транспорт: железнодорожный, водный, воздушный; административно-культурные учреждения районного центра; научные и проектные учреждения, высшие и специальные учебные заведения, выносимые из основного города и создаваемые вновь, а также сельскохозяйственное производство. Иногда градообразующая основа спутника включала одновременно несколько различных градообразующих факторов, из которых обычно один доминировал, определяя производственный профиль города.

Характер и величина народнохозяйственных функций городов-спутников часто отличались существенными особенностями. Например, здесь получали большое развитие производства, обслуживающие потребности населения главного города – центра тяготения: производство строительных материалов, пищевой и легкой промышленности. Города-спутники сравнительно редко являлись местами мощной концентрации крупных предприятий тяжелой промышленности. Можно привести ряд примеров таких своеобразных спутников: Макеевка (у Донецка), Дзержинск (у Горького), Днепродзержинск (у Днепропетровска) и др. Это был особый тип городов, которые наряду с характерными признаками спутников (взаимосвязанное расселение и культурно-бытовое тяготение к главным городам) сами становились «центрами притяжения», к которым тяготели другие поселения – «спутники спутников».

Города-спутники не выполняли крупных административно-культурных функций. Функции республиканского, областного, краевого центра сосредотачивались в главном городе. Однако некоторые административно-хозяйственные учреждения и, в особенности, вузы и научно-исследовательские институты располагались на пригородной территории, отпочковывались от главного города и образовывали его спутники.

Большая часть населения центров тяготения была сосредоточена в крупных городах. Среди городов-спутников чаще встречались малые города, реже – средние и совсем редко – крупные. Чем крупнее были города – центры тяготения, тем крупнее были города-спутники и тем больше была общая численность их населения. Однако при сравнении отдельных центров наблюдалось немало исключений из этого правила: Донецк был меньше Ленинграда, но численность населения его спутников была несколько больше. Такая же картина наблюдалась при сравнении Харькова или Куйбышева с Киевом, Баку с Ташкентом, Днепропетровска со Свердловском и т.п.

В рассматриваемый период наблюдается следующая зависимость величины городов-спутников от выполняемых функций.

1. Наиболее крупные города-спутники развивались на базе обрабатывающей промышленности в сочетании с транспортом и, в особенности, при тесных трудовых связях с центром тяготения (Днепродзержинск).

2. Наибольшей величины достигали иногда города-спутники при сочетании крупной обрабатывающей и добывающей промышленности (Макеевка), нередко и при преобладании добывающей (Копейск, Киселёвск, Новошахтинск). Здесь также существенную роль играли трудовые связи с главным городом.

3. «Энергетические» спутники, возникающие на базе крупных гидрозлов, – города средней величины (Волжский, Жигулёвск).

4. «Города науки» – спутники крупнейших центров – могли достичь величины средних городов, в особенности при развитии экспериментально-производственной базы.

5. Роль мест постоянного проживания работающих в центре тяготения (функция «городов-спален») сама по себе не вызывала к жизни крупных населенных мест. Поселения с преобладающей ролью этой функции обычно были малы (например, Большое Козино у Горького), однако в сочетании с функцией отдыха она приводила иногда к развитию спутников средней величины.

Возникновение и развитие спутников под сильным воздействием центра тяготения были характерны для большинства столиц союзных республик (Москвы, Киева, Минска, Риги и др.) и многих крупных областных центров (Ленинграда, Харькова, Свердловска, Новосибирска и др.).

Огромную роль в формировании городов-спутников играло развитие пригородного транспорта. Города-спутники больше всего были распространены в индустриальных областях, развивавшихся вокруг крупнейших промышленно-транспортных и культурно-политических центров (Москвы, Ленинграда, Харькова и др.), в угольных бассейнах (Донбассе, Кузбассе, Карагандинском бассейне), в горнозаводских районах Урала и др.

В Московской области по постановлению Правительства Советского Союза № 248 от 3 марта 1958 г. «О строительстве нового города в пригородной зоне Москвы в районе ст. Крюково Октябрьской железной дороги» в целях рассредоточения населения города Москвы было начато строительство города-спутника с предполагаемой численностью населения в 65 тыс. чел. Постановление свидетельствовало о том, что новый город, несмотря на его удаленность от столицы, сразу планировался как район Москвы: «Поручить Совету министров РСФСР рассмотреть вопрос о подчинении нового города Мосгорисполкому на правах административного района г. Москвы»¹². В город планировали перевести из Москвы несколько предприятий легкой промышленности. В силу этого столице была передана часть территории Солнечногорского района Московской области¹³.

Генеральный проект планировки спутника был разработан в 1958 г. мастерской № 3 Управления «Моспроект-2», которая была создана только для проектирования города-спутника столицы¹⁴. Территория спутника членилась на функциональные зоны для расположения жилых домов, учреждений обслуживания жителей, промышленных предприятий, коммунальных служб. Мастерская № 3 уделяла большое внимание созданию мест массового отдыха жителей спутника.

Решающее значение имело принятое в 1962 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании в городе-спутнике Москвы научно-исследовательского экспериментального и производственного центра микроэлектроники. В результате расчетная численность населения строящегося города изменилась до 80 тыс. жителей [8, с. 51].

Архитектурный облик города (15 января 1963 г. ему присвоено название Зеленоград) сложился в основном в 1960-е гг. Его решено было разделить на микрорайоны, в каждом из которых были школа, детский сад, магазины, предприятия сферы обслуживания. Если с 1958 г. возводились только четырехэтажные и пятиэтажные жилые дома с ограниченным количеством девятиэтажных зданий, то с 1964 г. началось строительство высокоэтажных домов [8, с. 37]. Если жилые дома в спутнике строили по типовым проектам, то общественные здания, в основном, строились по индивидуальным проектам. В 1970-е гг. в городе стали строить дома повышенной этажности, проводились эксперименты с архитектурно-строительными новациями.

¹² Архитектурно-планировочное развитие городов-спутников // Архитектура и строительство Москвы. 1958. № 4. С. 3.

¹³ Бобровников Н.И. Семилетний план развития городского хозяйства Москвы // Городское хозяйство Москвы. 1959. № 6. С. 19.

¹⁴ Город-спутник Москвы // Архитектура и строительство Москвы. 1959. № 1. С. 9–13.

В 1960-е гг. строящийся город-спутник воспринимался советскими гражданами как город с архитектурой будущего. Свои впечатления о нем писательница Алла Гербер передала так: «Этот город – эксперимент, фантазия в действии, завтрашний день советского градостроения, островок коммунизма, если хотите. Наш город должен стать символом всего самого передового, начиная от методов стройки и кончая бытом, традициями, правилами дружного общежития...»¹⁵.

15 января 1963 г. Мосгорисполком (орган исполнительной власти Моссовета) присвоил строящемуся городу-спутнику наименование «Зеленоград»¹⁶. В феврале 1965 г. Зеленоград был передан в подчинение Московскому городскому Совету народных депутатов¹⁷ и стал сначала 30-м, а затем 32-м районом столицы¹⁸.

В 1960–1970-е гг. Зеленоград, который назвали городом экспериментов, прославился на всю страну. Сверхударные темпы строительства обеспечивались экспериментом с бригадным подрядом, который стал распространяться по всему Советскому Союзу и в социалистических странах. Надо отметить рост населения города-спутника. Если на 1 января 1967 г. жителей города насчитывалось чуть больше 40 тыс. чел.¹⁹, то в 1980 г. численность населения составила 139 тыс. человек²⁰.

Зеленоград создавался как советская электронная лаборатория, советская «Кремниевая долина». Город стал электронной столицей СССР с высокотехнологичными электронными производствами, научно-исследовательскими институтами, учебными заведениями, готовящими специалистов по электронной технике. В Зеленограде всегда шел научный поиск, здесь постоянно отрабатывались новые технологии в образовании, социальной сфере, строительстве.

Благодаря градостроительному искусству, Зеленоград стал одним из самых своеобразных и успешных по своему архитектурному решению городов страны. Архитектурная планировка производила сильное впечатление общей гармонией. Город выделялся композиционной целостностью и, в то же время, планировочной свободой. Архитекторы нашли целесообразные связи города с ландшафтом, благодаря чему Зеленоград стал одним из редких примеров синтеза архитектуры и природы. Были широко использованы приемы раскрытия архитектурных пространств на естественные зеленые ансамбли, благодаря чему здесь

¹⁵ Гербер А.Е. ...И назовут его – Юность // Юность. 1961. № 10. С. 108.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. 25 января, № 4. С. 82.

¹⁷ Там же. 1965. 3 марта, № 9. С. 174.

¹⁸ Имена московских улиц, М., 1975. С. 13.

¹⁹ Москва в цифрах за годы Советской власти. М., 1967. С. 153.

²⁰ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. С. 15.

обеспечивается постоянный контакт человека с природой, в какой бы части города он ни находился. Архитекторы прекрасно использовали особенности местоположения спутника, сумев вынести за пределы жилых микрорайонов промышленные предприятия и службы города-спутника. Бесспорно, что строительство Зеленограда стало достижением страны и одним из настоящих творческих успехов в истории советского градостроительства.

Как московский район Черемушки, ставший эталоном при массовом жилищном строительстве в СССР во второй половине 1950-х гг., город-спутник столицы Зеленоград стал градостроительным экспериментом. На его застройку стали равняться архитекторы не только столицы, но и других городов Советского Союза. Опыт застройки Зеленограда свидетельствует о большом творческом успехе коллектива архитекторов и инженеров, сумевших создать на основе индустриальных методов строительства неповторимый облик этого города. Планировка и застройка Зеленограда, формируемые в нем системы ансамблей и отдельных зданий являются значительным вкладом в развитие отечественной градостроительной культуры.

Строительство городов-спутников показало, что вопросы дальнейшего развития каждого большого города и его спутников не могут быть решены без комплексного анализа всей картины расселения в том или ином районе страны. Строительство городов-спутников наглядно продемонстрировало достижения советских архитекторов и строителей.

Библиографический список / References

1. Бархин М.Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория. М., 1974. [Barhin M.G. Gorod 1945–1970. Praktika, proekty, teoriya [The city 1945–1970. Practice, projects, theory]. Moscow, 1974.]
2. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. М., 2002. [Vladimirov V.V., Najmark N.I. Problemy razvitiya teorii rasseleniya v Rossii [Problems of the development of the theory of settlement in Russia]. Moscow, 2002.]
3. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. [Gorod v processah istoricheskikh perekhodov. Teoreticheskie aspekty i sociokulturnye harakteristiki [The city is in the process of historical transitions. Theoretical aspects and socio-cultural characteristics]. Moscow, 2001.]
4. Города-спутники: сб. ст. М., 1961. [Goroda-sputniki [Satellite cities]. Collection of articles. Moscow, 1961.]
5. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. М., 1976. [Lappo G.M. Rasskazy o gorodah [Stories about cities]. Moscow, 1976.]

6. Очерки истории края. Зеленограду – 50. Город и горожане. М.; Зеленоград, 2008. [Ocherki istorii kraja. Zelenogradu – 50. Gorod i gorozhane [Essays on the history of the region. Zelenograd – 50. The city and the townspeople]. Moscow; Zelenograd, 2008.]
7. Пригородные зоны крупных городов / Каменский В.А. и др. Л., 1963. [Kamenskij V.A. et al. Prigorodnye zony krupnyh gorodov [Suburban areas of large cities]. Leningrad, 1963.]
8. Русский город. Вып. № 5. М., 1982. [Russkij gorod [Russian city]. Moscow, 1982. Issue No. 5.]
9. Светличный Б.Е. Город в современном мире. М., 1978. [Svetlichnyj B.E. Gorod v sovremennom mire [A city in the modern world]. Moscow, 1978.]
10. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003. [Senyavskij A.S. Urbanizaciya Rossii v XX veke. Rol v istoricheskom processe [The urbanization of Russia in the twentieth century. Role in the historical process]. Moscow, 2003.]

Статья поступила в редакцию 04.12.2023, принята к публикации 19.01.2024
The article was received on 04.12.2023, accepted for publication 19.01.2024

Сведения об авторах / About the authors

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

Артемов Сергей Николаевич – доктор исторических наук; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Sergey N. Artemov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: asn66@list.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-86-101

УДК 321.15

И.В. ВасинШкола № 1359 имени авиаконструктора М.Л. Миля,
109145 г. Москва, Российская Федерация

Особенности федеративного опыта Акарнанского союза (V–II вв. до н.э.)

В статье параллельно рассматриваются процесс этногенеза акарнанцев и тесно с ним связанное политическое становление Акарнанского союза. Особое внимание уделено вопросу этнической идентичности акарнанцев прибрежной и внутриматериковой части Средней Греции и связанной с этим специфике взаимоотношений акарнанцев и этолийцев. Кроме этнического контекста истории формирования Акарнанского койнона, учитывается взаимодействие этноса с ведущими силами региона: Афинами, Спартой, Эпиром, Македонией и Этолией. При этом важнейшим источником, иллюстрирующим структуру Акарнанского союза, являются эпиграфические материалы. Такого рода информация свидетельствует не только об общих чертах федеративных структур Эллады, но и об особенностях Акарнанского койнона, таких, как собрание акарнанцев под названием *οἱ χίλιοι* или федеральная проксеническая почеть *ἐντέλεια*. Очевидно, что история Акарнанского союза органично вплетается не только в противостояние ведущих сил региона, но и в общий генезис федеративных структур древнегреческих объединений.

Ключевые слова: Акарнания, Страт, койнон, испополития, этнос, энтелиа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васин И.В. Особенности федеративного опыта Акарнанского союза (V–II вв. до н.э.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 86–101. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-86-101

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-86-101

I.V. Vasin

School № 1359 named after the aircraft designer M.L. Mil,
Moscow, 109145, Russian Federation

Features of the federal experience of the Akarnanian League (V–II centuries BC)

The article simultaneously examines the process of ethnogenesis of the Akarnanians and the closely related political formation of the Akarnanian League. Special attention is paid to the issue of the ethnic identity of the Akarnanians of the coastal and inland parts of Central Greece and the related specifics of the relationship between the Akarnanians and the Aetolians. In addition to the ethnic context of the history of the formation of the Akarnanian Koinon, the interaction of the ethnos with the leading forces of the region: Athens, Sparta, Epirus, Macedonia and Aetolia is taken into account. At the same time, epigraphic materials are the most important source illustrating the structure of the Akarnanian League. This kind of information testifies not only to the general features of the federal structures of Hellas, but also to the features of the Akarnanian koinon, such as the assembly of the Akarnanians called οἱ χίλιοι or the federal proxenic honor ἐντέλεια. It is obvious that the history of the Akarnanian League is organically intertwined not only in the confrontation of the leading forces of the region, but also in the general genesis of the federal structures of ancient Greek associations.

Key words: Akarnania, Stratos, koinon, isopoliteia, ethnos, enteleia

FOR CITATION: Vasin I.V. Features of the federal experience of the Akarnanian League (V–II centuries BC). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 86–101. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-86-101

Зарубежная историография уделяет развитию федеративных отношений в Элладе повышенное внимание. В частности, работы К. Фрайтага «Акарнания и Акарнанский союз» и Т. Нильсена «Акарнанская федерация» являются итогом систематизации и анализа нумизматических, археологических, эпиграфических данных, а также зарубежной историографии XX в. [5; 8]. В отечественной историографии Акарнанскому союзу уделено небольшое внимание. Так, С. Сизов в работе «Федеральное собрание в союзе акарнанов (III–II вв. до н.э.)» рассматривает внешние и внутренние функции союзного собрания [2]. Следует отметить, что Акарнанский союз в своем политическом генезисе не только не уступал таким крупным койнонам, как Ахейский, Беотийский и Этолийский, но и имел целый ряд особенностей. Анализируя и сопоставляя нарративные данные с материалами нумизматики и эпиграфики, представляется возможным рассмотреть историю акарнанцев как целостный и непрерывный процесс.

В отличие от многих этносов, акарнанцы не упоминаются в списке кораблей Гомера и начинают неоднократно фигурировать в нарративной традиции только с V в. до н.э. (*Ἀκαρνανία ἔθνος ἐστί; Ἀκαρνάνων οἱ πλείους*)¹. Тем не менее, формирование акарнанского племени началось задолго до пятого столетия. Катализатором этногенеза акарнанцев явилась коринфская колонизация побережья Западной Акарнании в VIII в. до н.э. [5, р. 70]. Здесь были основаны колонии Анакторий, Амбракия, Солий и Левкады. Между колониями и акарнанцами проявлялись существенные различия. В колониях использовался коринфский алфавит и типы монет, акарнанцы же использовали ахейское письмо [10]. Кроме коринфских колоний выход к морю для акарнанцев преграждали Ализия, Астак и Эниады, которые часто выбирали прокоринфскую сторону.

Разделение между акарнанцами обозначает Фукидид, выделяя «живущих вдали от берега акарнанцев» (*τῶν ἀπὸ θαλάσσης Ἀκαρνάνων*)² от их прибрежных сородичей. Причину разделения между акарнанцами следует искать в их этнической неоднородности. Страбон

¹ Геродот. История / пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 2006. С. 36, 510; Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря / пер. Ф.В. Шелов-Коведяев // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 258; Periplus of Pseudo-Scylax // Müller K. Geographi graeci minores. Vol. 1. Paris, 1855. Pp. 36, 37; Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 90; Periplus of Pseudo-Scylax // Müller K. Geographi graeci minores. Vol. 1. Paris, 1855. Pp. 15–96; Thucydides. Historiae in two volumes. Oxford University Press, 1942; Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 296; Strabo / Ed. by A. Meineke, Geographica. Leipzig, 1877.

² Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 118; Thucydides. Historiae in two volumes. Oxford University Press, 1942.

пересказывает часть не дошедшей до нас «Политии акарнанцев» Аристотеля следующим образом: «часть страны занимают куреты, а лелеги и телебои владели западной частью» (*ἐν μὲν γὰρ τῇ Ἀκαρνάνων φησι τὸ μὲν ἔχειν αὐτῆς Κουρήτας, τὸ δὲ προσεπέριον Λέλεγας, εἶτα Τηλεβόας*)³. Видимо, именно куреты относились к акарнанцам, живущим вдали от моря. Еще одним препятствием к объединению, по всей видимости, была неоднозначная принадлежность куретов: «Что касается куретов, то одни писатели причисляют их к акарнанцам, другие же – к этолийцам»⁴. Должно быть поэтому акарнанцы воспринимали этолийцев как «исконных врагов»⁵, претендующих на восточную часть Акарнании. Как видно, акарнанцы фактически были отрезаны от моря коринфскими колониями и враждебными им прибрежными полисами на западе, на востоке же имели серьезного противника в лице этолийцев.

Во время вторжения Ксеркса в Элладу акарнанцы не принимали организованного участия в боевых действиях. Акарнанских союзных сил не было в битве при Платеях, в которой принимали участие ампракиты, левкадцы и анактории⁶. Тем не менее, нельзя исключать причастность некоторых из акарнанцев к борьбе эллинов против персов. Основанием для этого служит упоминание Геродотом прорицателя Мегистия из Акарнании (*Μεγιστήν τὸν Ἀκαρνῆνα*), который, отпустив сына, решил остаться вместе с Леонидом в Фермопильском ущелье⁷.

В этот период акарнанцы налаживали экономическое сотрудничество между общинами. В V в. до н.э. в Страте, крупнейшем полисе Акарнании⁸, чеканилась союзная серебряная монета с изображением головы Ахелоя [5, р. 83]. Страт был обнесен стеной, за которой находились три культовых сооружения, что подчеркивает важное религиозное и экономическое значение полиса [10].

Начиная с Пелопонесской войны отмечается существование Акарнанского союза и его стремление подчинить себе западное побережье Акарнании при помощи Афин. В начале войны Акарнания была по-прежнему разделена: с одной стороны, на стороне Афин воевало «большинство акарнанцев» (*Ἀκαρνάνων οἱ πλείους*), с другой – против

³ Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 293; Strabo / Ed. by A. Meineke, Geographica. Leipzig, 1877.

⁴ Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 293.

⁵ Павсаний. Описание Эллады / пер. С.П. Кондратьева; вступ. ст. Л. Маринович, Г. Кошеленко. Т. 1–2. М., 1994. Т. 1. С. 305.

⁶ Геродот. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 2006. С. 580–581.

⁷ Herodotus, with an English translation by A.D. Godley. Cambridge, 1920.

⁸ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 118.

выступали прибрежные колонии Коринфа и общины акарнанцев. Акарнанцы, входящие в упомянутое «большинство», впервые заключили военный союз с Афинами (*ἡ συμμαχία πρῶτον ἐγένετο Ἀθηναίοις καὶ Ἀκαρνᾶσιν*)⁹. Союз от имени акарнанцев подразумевает наличие общего представительства и, как следствие, общей союзной организации, которая, однако, была довольно рыхлой. Так, во время вторжения в Акарнанию амбракиотов и хаонов с суши и спартанцев с моря, акарнанцы не стали оказывать друг другу поддержку, как, предполагается, делалось в подобных случаях, хотя акарнанцы имели союзное ополчение (*οἱ πανδημί*) и военный флот¹⁰.

Союзные войска выстраивались в особом порядке. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелев переводят отрывок из рассказа о столкновении сил акарнанцев и пелопонессцев так: «остальное пространство занимали акарнанцы, выстроенные по отдельным племенам» (*τὸ δὲ ἄλλο Ἀκαρνᾶνες ὡς ἕκαστοι τεταγμένοι ἐπέϊχον*)¹¹. Как видно, в отрывке отсутствует существительное *ἔθνος* (племя). В противовес выстроенным в порядке акарнанцам выступают «выстроенные вперемешку» (*ἀναμιξ τεταγμένοι*) пелопонессцы и их союзники¹². Возможно поэтому авторы решили добавить выражение «по отдельным племенам». Отрывок можно перевести так: «остальное пространство акарнанцы, каждый отдельно построенные, заняли». Под «каждый отдельно построенные» может подразумеваться как разделение по полисам, так и по племенам. Во всяком случае общесоюзную военную добычу акарнанцы делили между полисами (*κατὰ τὰς πόλεις διείλοντο*)¹³. Общее войско возглавлялось союзными стратегами (*τοῖς Ἀκαρνάνων στρατηγοῖς; μετὰ τῶν ξυστρατῆγων Ἀκαρνάνων*)¹⁴, точное число которых в это время неизвестно.

При помощи Афин Акарнанский союз успешно расширился. В начале амфилохи «передали себя Акарнанцам» (*διδόασιν ἑαυτοὺς Ἀκαρνᾶσι*)¹⁵. Можно предположить, что суть этого события сводилась не просто к симмахии, а к симполитии. При взятии Амфилохийского Аргоса полис был заселен акарнанцами сообща с амфилохами (*κοινῆ τε ᾧκισαν αὐτὸ Ἀμφίλοχοι καὶ Ἀκαρνᾶνες*)¹⁶. Совместное заселение предполагает

⁹ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 113; Thucydides. *Historiae in two vols.* Oxford, 1942.

¹⁰ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 209, 212.

¹¹ Там же. С. 214.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Там же. С. 215–216.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

наличие общих правил экономического, религиозного и политического общежития, что соответствует симполитии. На протяжении войны акарнанцы и амфилохи выступают как одно целое и вместе заключают военный союз на сто лет с амбракиотами¹⁷. На общее законодательство среди акарнанцев указывает то, что Олпы, береговое укрепление рядом с Амфилохийским Аргосом, использовалось в качестве общего суда (*κοινῶ δικαστηρίῳ ἐχρῶντο*)¹⁸.

В 431 г. до н.э. афинянам удалось взять Солий и передать его акарнанскому Палеру¹⁹. Койнон захватил в 425/24 г. Анакторий, выслал в эту местность своих колонистов от всех акарнанцев (*ἐκπέμψαντες... Ἀκαρνανῶνες οἰκήτορας ἀπὸ πάντων*)²⁰. Это подтверждает способность койнона также наряду с полисами осуществлять колонизацию, по крайней мере, на близлежащих территориях. Фактически Акарнанский союз проводил деколонизацию мест, где располагались коринфские поселения. В 424 г. до н.э. Эниады были принуждены вступить вместе с акарнанцами в союз с Афинами²¹, что фактически могло означать вхождение полиса в койнон. В результате союзнических отношений с Афинами акарнанцам удалось объединить всю Акарнанию в один союз. При этом местные полисы сохраняли свою автономию. Так, в проксеническом указе Страт конца V в. до н.э. указывается местное собрание, совет и ежегодно меняющиеся судьи [5, р. 74]. Многие полисы продолжали чеканить собственную монету [3, р. 169]. Независимую политику часто проводили Эхины, Тиррей, Ализия и Анакторий [32]. Сумма упомянутых фактов позволяет согласиться с тем, что Акарнания в V в. до н.э. была организована как федеративное государство [5, р. 78; 6, р. 352].

В Коринфской войне Акарнанский союз также выступил на стороне афинян²². Акарнанцы предприняли попытку захватить этолийский Калидон, на который ахейцы распространили свое союзное гражданство²³. Ахейцы призвали на помощь союзных спартанцев. Исходя

¹⁷ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 215–216; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3-х томах / пер. с древнегр.; научн. ред. Э.Д. Фролов. Т. 2. М., 2021. С. 108.

¹⁸ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 213; Thucydides. *Historiae in two vols.* Oxford University Press, 1942.

¹⁹ Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 98.

²⁰ Там же. С. 192.

²¹ Там же. С. 203.

²² Ксенофонт. Греческая история / пер. с др.-греч. и коммент С.Я. Лурье. СПб., 2000. С. 199; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3-х томах / пер. с др.-греч.; научн. ред. Э.Д. Фролов. Т. 2. М., 2021. С. 266.

²³ Ксенофонт. Греческая история / пер. с древнегр. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 135.

из сообщения Павсания, спартанцы, явившись в Акарнанию, прежде всего, пришли на помощь этолийцам. Акарнанцы, кроме Калидона, были готовы захватить и другие города этолийцев, в т.ч. Навпакт²⁴. В борьбе с этолийцами, ахейцами и спартанцами Акарнанский союз использовал «все акарнанское войско» (*τὴν Ακαρνάνων ἀπάντων στρατίαν*)²⁵. В данном эпизоде проявилось федеральное значение Страт, т.к. именно в них Агесилай перед походом отправил посольство с требованием к Акарнанскому койнону расторгнуть союз с Афинами (*πέμψας εἰς Στράτον πρὸς τὸ κοινὸν τῶν Ακαρνάνων*)²⁶. В результате жестокого противостояния акарнанцы вынуждены были заключить мир со Спартой²⁷ и вступить в Пелопонесский союз²⁸.

В 375 г. до н.э. Тимофей поступил иначе, нежели Агесилай. Он отправился не в Страт, а прошел по акарнанским городам и убедил их присоединиться ко Второму Афинскому союзу²⁹. При этом в союзном договоре фигурирует, с одной стороны, общее посольство от всех акарнанцев (*οἱ πρέσβεις τῶν Ακαρνάνων*)³⁰, с другой – отдельные клятвы от каждого полиса в лице совета, стратега и гиппарха (*ἀποδοῖναι τὸς ὄρκος ταῖς πόλεσι ταῖς ἡκόσας τὴν βουλὴν καὶ τὸς στρατηγὸς καὶ τοὺς ἵππεάς*)³¹. Такое разделение было в практике и других койнонов: в 196 г. до н.э. в договоре между беотийцами и фокейцами первые обязывали каждый фокейский полис приносить индивидуальную клятву посредством местных архонтов³². В связи с этим, не следует преувеличивать федеральное значение Страта в Акарнанском союзе, но и утверждать о полной децентрализации койнона также не приходится. В декрете середины IV в. до н.э. речь идет о неких переговорах с Афинами, решение по которым должен

²⁴ Павсаний. Описание Эллады / пер. С.П. Кондратьева; вступ. ст. Л. Маринович, Г. Кошеленко. Т. 1–2. М., 1994. Т. 1. С. 238, 337.

²⁵ Там же; Pausanias. Pausaniae Graeciae Descriptio, 3 vols. Leipzig, 1903; Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. В.М. Смирин, Л.А. Фрейберг, М.Е. Сергеевко и др. Т. 2. М., 1994. С. 50.

²⁶ Ксенофонт. Греческая история / пер. с др.-греч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб., 2000. С. 136; Xenophon. Xenophontis opera omnia. Vol. 1. Oxford, 1900 (repr. 1968).

²⁷ Ксенофонт. Греческая история / пер. с др.-греч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб., 2000. С. 138.

²⁸ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3-х томах / пер. с др.-греч.; научн. ред. Э.Д. Фролов. Т. 2. М., 2021. С. 308–309.

²⁹ Там же. С. 314; Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriors. 2nd ed. Parts I–III / Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940. IG II² 43.10.

³⁰ Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriors. 2nd ed. Parts I–III / Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940. IG II² 96.5-6.

³¹ Ibid. IG II² 96.15-17.

³² Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acamaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897.

был одобрить совет Акарнанского союза (*ὅτι δοκεῖ τῆι βουλῆι τὸ κοινὸν τῶν Ακαρνανῶν ἐπαιπέσαι*)³³. В начале документа в непонятном контексте упоминаются Эхины. Клаус Фрайтаг заключил из этого, что Эхины заключили отдельный договор с Афинами, не следуя политике койнона [5, р. 74–75]. Ряд утрат в начале постановления не позволяет делать однозначные выводы. В начале документа мог упоминаться какой-либо представитель союзных властей родом из Эхин. Даже если предположить, что это отдельный от союза договор Эхин с Афинами, то окончание документа не дает сомневаться, что последнее слово в утверждении договора все равно оставалось за федеральными властями.

В битве при Херонее в 338 г. до н.э. акарнанцы сражались вместе с афинянами против Филиппа II. В качестве благодарности Афины даровали акарнанским союзникам ряд существенных привилегий. Постановление об этом начинается с упоминания двух братьев Формиона и Карфина, которые привели с собой вооруженные силы акарнанцев³⁴. Братьям даруется гражданство, а акарнанцам, пришедшим с ними, право приобретать любое жилище (*ἐκκτησιν*) и масса других привилегий³⁵. В конце документа предписывалось надписать имена акарнанцев с указанием полиса, откуда они родом (*ὑπογράφαντα τὰς πόλεις τῆς Ακαρνανίας ὧν εἷς ἕκαστός ἐστιν*)³⁶. Из содержания может сложиться впечатление, что речь идет не об официальной помощи Акарнанского союза Афинам, а о добровольческой миссии. Учитывая широкую автономию акарнанских полисов, это неудивительно. Из речи Эсхина становится ясно, что Демосфен вел напряженную деятельность по привлечению на свою сторону акарнанцев и ожидал от них и пелопонессцев сбора средств на наемников и корабли, а также надеялся на гражданскую армию (*πολιτικὰς δυνάμεις*) в две тысячи акарнанских гоплитов³⁷. Указанный декрет не вызывает сомнений в важном вкладе акарнанцев в борьбу с Филиппом II.

В период борьбы диадохов между акарнанцами и этолийцами вновь вспыхнула пограничная война³⁸. Кассандр, стремясь заручиться поддержкой акарнанцев, созвал их на общее собрание (*συναγαγὼν δὲ τοὺς*

³³ Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posterioris. 2nd ed. Parts I–III. J. Kirchner (ed.). Berlin, 1913–1940. IG II² 208.13.

³⁴ Ibid. IG II² 237.11.

³⁵ Ibid. IG II² 237.25–30.

³⁶ Ibid. IG II² 237.34–35.

³⁷ Aeschines. Aeschines with an English translation by Charles Darwin Adams, PhD. Cambridge (MA); L., 1919.

³⁸ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3-х томах / пер. с др.-греч.; научн. ред. Э.Д. Фролов. Т. 3. М., 2021. С. 114.

Ἀκαρνᾶνας εἰς κοινὴν ἐκκλησίαν)³⁹. Он убедил акарнанцев укрепить свои полисы путем синойкизма. Союзным решением, должно быть, на общем собрании, акарнанцы решили осуществить синойкизм в Страт (*τῶν Ἀκαρνάνων οἱ πλεῖστοι μὲν εἰς Στράτον πόλιν συνώκησαν*)⁴⁰, Саврий и Агриниум. Такое решение существенно укрепило федеральный статус Страта. Как и Мегалополь, созданный союзным решением Аркадского союза, Страт, Саврий и Агриниум были заселены согласно общему решению акарнанцев.

Можно предполагать, что начиная с III в. до н.э. в союзе существовала исополития между полисами, указание на которую также встречалось и в Фокидском союзе⁴¹. В декрете из Страта 300 г. до н.э., наряду с проксенией акарнанцев, некоему эллину разрешается «быть гражданином акарнанцев в каком бы он не пожелал полисе» (*πολιτεῖαν εἶναι αὐτῷ τῆς Ἀκαρνάνιας ἐν ὁποῖαι ἂν βούληται πόλει*)⁴². Выражение «гражданин акарнанцев» предполагает наличие исополитии среди акарнанских общин. Если речь идет об исополитии, то можно предполагать существование некоего союзного законодательства. Несмотря на укрепление межполисных связей среди акарнанцев, полисы продолжали выдавать местную проксению с предоставлением своего гражданства и прочих привилегий⁴³, а также назначать теородоков [5, р. 79]. Указанные проксенические декреты как союзного, так и местного характера обладают общей особенностью, которая встречается также у эпиротов. В числе проксенических привилегий упоминается *ἐντέλεια* – полные права [7]. Вместе правом энтелии также предоставляются и гражданские права (*πολιτεία*), что вызывает вопрос разницы этих привилегий.

Акарнанский союз в III в. до н.э. пользовался полным суверенитетом, вступая в равноправные взаимоотношения с Эпиром и Этолией [2, с. 108]. Основанием для этого утверждения служит «договор и военный союз» (*συνθήκα καὶ συμμαχία*)⁴⁴ 263/62 г. до н.э., заключенный между Акарнанским и Этолийским союзами. Среди архонтов акарнанцев представлены семь стратегов родом из Эниад, Дерией, Страт, Фетий, Тириона,

³⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3-х томах / пер. с др.-греч.; научн. ред. Э.Д. Фролов. Т. 2. М., 2021. С. 188; Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily in twelve volumes with an English translation by C.H. Oldfather. Vols. 4–8. Cambridge (MA); L., 1989.

⁴⁰ Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily in twelve volumes with an English translation by C.H. Oldfather. Vols. 4–8. Cambridge (MA); L., 1989.

⁴¹ Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acamaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897. IG IX, 1 97.

⁴² Ibid. IG IX, 1² 2:393.2-4.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acamaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897. IG IX, 1² 1:3.A.1.

Анактория, Левкады. Число стратегов соответствовало разделению Акарнании на семь районов, которые можно выделить из списков теородоков Эпидавра, Немей и Аргоса. Исходя из них, районы были сформированы из следующих полисов:

- 1) Анакторий и Палеры;
- 2) Тиррион, Эхины, Эврип и Лимнея;
- 3) Эниады;
- 4) Страт;
- 5) Дерин или Торибий и Ализия;
- 6) Фетии, Медион, Коронт и Астак;
- 7) Левкады [4].

Вслед за стратегами упоминаются гиппарх, секретарь и казначей. Границей между двумя койнонами устанавливалась р. Ахелой, к востоку от нее все признавалось за этолийцами, к западу – за акарнанцами.

Союз подкреплялся взаимным правом энктесис, эпигамией и военным союзом⁴⁵. Решение об отправлении помощи в случае нападения на этолийцев принимали стратеги акарнанцев и синедры (*οἱ στρατηγοὶ τῶν Ἀκαρνάνων καὶ οἱ σύνεδροι*)⁴⁶. Под синедрами следует понимать заседающих в союзном совете, о котором шла речь в уже упомянутом декрете Афин середины IV в. до н.э.⁴⁷ Во второй части документа проявляется важная роль Страт в решении приграничных споров между участниками союза, в частности, между Эниадами и Метрополисом: «Окончательное стратийское решение относительно земли, тиррийские земельные судьи решили» (*κρίμα γαῖκὸν Στρατικοῦ τέλεος. τότε ἔκριναν Θυρρείων οἱ γαοδίκα*)⁴⁸. Как видно, для решения приграничных споров создавалась специальная комиссия *οἱ γαοδίκα* из другого акарнанского полиса. Примечательно, что данное решение гаодиков выставлялось в этолийских Термах, в храме Аполлона⁴⁹.

Несмотря на союзный договор, этолийцы в 253/52 г. до н.э. вместе с эпиротами разделили Акарнанский союз между собой. Согласно Полибию, они заключили между собой союз (*συνθήκας*) для «порабощения и раздела Акарнании»⁵⁰ (*ἐπ' ἐξανδραποδισμῶ καὶ μερισμῶ τῆς Ἀκαρνανίας*). Этолийцы присоединили восточную часть, завладев всей

⁴⁵ Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acamaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897. Pp. 11–13; 25.

⁴⁶ Ibid. P. 34.

⁴⁷ Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posterioris. 2nd ed. Parts I–III / Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940. IG II² 208.13.

⁴⁸ Ibid. B. 2–3.

⁴⁹ Ibid. B. 8–9.

⁵⁰ Полибий. Всеобщая история / пер. с др.-греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1. М., 2004. С. 569; Historiae. Polybius. Theodoros Büttner-Wobst after L. Dindorf. Leipzig, 1893.

равниной р. Ахелой и Стратом, эпироты же заняли западную часть Акарнании. Как ни странно, нет никаких упоминаний о сопротивлении акарнанцев такому ходу событий. Вероятно, этолийцы могли использовать в качестве оправдания раздела Акарнании спорную принадлежность куретов, заявив, что они на самом деле этолийцы⁵¹. Среди телосов (частей), на которые делился Этолийский союз, можно встретить *τέλος Λοκρικόν* или *τέλος Δωρικόν*. Территория же восточной Акарнании стала называться не *τέλος Ακαρνανικόν*, как можно было бы ожидать, а *τέλος Στρατικόν*⁵². Как видно, этническая особенность новой части Этолийского союза стиралась. Высокая степень независимости телосов, составлявших Этолийский союз [10], также могла уменьшить степень сопротивления среди акарнанцев. В этом контексте интересна одна ремарка Ливия: «Этолийцы, акарнанцы, македоняне говорят все на одном языке, сегодня они повздорили и разошлись, завтра – вновь объединились...»⁵³. Кроме того, учитывая предвзятость Полибия по отношению к этолийцам, тезис о порабощении Акарнании следует считать явно преувеличенным. Например, начиная с 208/207 г. до н.э. шесть стратегов Этолийского союза были родом из Страт [9, р. 50].

В 230 г. до н.э. западная часть Акарнании обрела независимость с новым центром в Левкаде⁵⁴ после разгромного набега иллирийцев против эпиротов⁵⁵. С этого момента основным союзником акарнанцев становится Македония [2, с. 108]⁵⁶. Во время Союзнической войны 220–217 гг. до н.э. в борьбе с этолийцами акарнанцы и македонцы действовали совместно, благодаря чему удалось вернуть большую часть утраченных полисов, кроме Страт [10]. О напряженной военной обстановке в регионе говорит красноречивая ремарка в договоре койнона с Анакторием 216 г. до н.э.: «Будучи в тяжелом положении, когда великие войны окружили со всех сторон Акарнанию»⁵⁷.

⁵¹ Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 440.

⁵² Supplementum Epigraphicum Graecum. Vols. 1–11. J.E. Hondius (ed.). Leiden, 1923–1954. Vols. 12–25. A.G. Woodhead (ed.). Leiden, 1955–1971. Vols. 26–41. H.W. Pleket, R.S. Stroud (eds.). Amsterdam, 1979–1994. Vols. 42–44. H.W. Pleket, R.S. Stroud, J.H.M. Strubbe (eds.). Amsterdam, 1995–1997. Vols. 45–49. H.W. Pleket, R.S. Stroud, A. Chaniotis, J.H.M. Strubbe (eds.). Amsterdam, 1998–2002. Vols. 50. A. Chaniotis, R.S. Stroud, J.H.M. Strubbe (eds.). Amsterdam, 2003. SEG 47 556.

⁵³ Ливий Тит. История Рима от основания города / пер. под ред. В.М. Смирини и др. Т. 3. М., 1989–1994. С. 26.

⁵⁴ Там же. С. 85.

⁵⁵ Полибий. Всеобщая история / пер. с др.-греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1. М., 2004. С. 108–109.

⁵⁶ Там же. С. 401–402.

⁵⁷ Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acarnaniae, insularum maris Ionii. W. Dittenberger (ed.). Berlin, 1897. IG IX,1² 5:583.10-11.

Тем не менее, Акарнанский койнон продолжал развиваться и претерпел ряд изменений. Союз стал возглавлять один стратег, возглавлявший союзное ополчение⁵⁸, и группа соправителей (*σύναρχοι*) в лице гиппарха, наварха и секретаря совета (*γραμματέων δὲ τῶν βουλῶν*). Союзные власти назывались *κοινοὶ ἄρχοντες*, в них входили председатель совета (*προμνάμων*) и два или три заместителя председателя совета (*συμπρομνάμονες*), которые, предположительно, образовывали небольшой исполнительный комитет федерального совета [5, р. 80]. Формула «решено советом и собранием акарнанцев» (*ἔδοξε τῶν βουλῶν καὶ τῶν κοινῶν τῶν Ἀκαρνάνων*)⁵⁹ иллюстрирует руководящую роль федерального совета и собрания в союзе. Еще одним названием федерального совета (*βουλή*) являлся синедрион (*συνέδριον*) [Там же, р. 82]. На заседании совета присутствовал союзный секретарь (*γραμματεὺς τῆς βουλῆς*)⁶⁰.

Кроме этого, вариантом формулы «решено советом и собранием акарнанцев» являлось выражение: «решено советом акарнанцев и тысячами» (*δεδοχθαι τῶν βουλῶν τῶν Ἀκαρνάνων καὶ τοῖς χιλίοις*)⁶¹. Клаус Фрайтаг полагает, что *οἱ χίλιοι* является синонимом *τὸ κοινόν τῶν Ἀκαρνάνων* и означает, что граждане из всех полисов имели равный доступ к этому собранию, которое собиралось в Левкаде⁶². Аналогом *οἱ χίλιοι* акарнанцев может выступать собрание аркадцев *οἱ μύριοι*, чье название также интерпретируют как доступность для всех участников Аркадского союза [1, с. 242] или, наоборот, как указание на наличие ценза, свойственного умеренной олигархии [8, р. 262]. Чтобы принять решение, в собрании акарнанцев должны были участвовать представители всех полисов. Так, накануне битвы при Киноскефалах 197 г. до н.э. решение о союзе с римлянами против Македонии собрание приняло при отсутствии части акарнанских полисов, которые выступали против, что в итоге вызвало отмену постановления⁶³. В этом же эпизоде, кроме внешнеполитической, раскрывается судебная функция собрания, которое осудило за предательство всех, кто убедил акарнанцев принять союз с римлянами. Должно быть, собрание акарнанцев также занималось назначением

⁵⁸ Полибий. Всеобщая история / пер. с др.-греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1. М., 2004. С. 354; *Historiae*. Polybius. Theodoros Büttner-Wobst after L. Dindorf. Leipzig, 1893.

⁵⁹ *Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acarnaniae, insularum maris Ionii*. W. Dittenberger (ed.). Berlin, 1897. IG IX,1² 2:583.52.

⁶⁰ *Ibid.* IG II² 237.33,38; IG V,1 29.3-4; IG IX,1² 2:208.5,34; 2:209.2; 2:583.3,18.

⁶¹ *Ibid.* IG IX,1² 2:582.26-27.

⁶² Ливий Тит. История Рима от основания города / пер. под ред. В.М. Смирнина и др. Т. 3. М., 1989–1994. С. 86.

⁶³ Там же. С. 85.

и отправлением посольств⁶⁴. На празднества в честь Артемиды Ликофрины в Магнесию на Меандре акарнанцы отправляли союзных теоров, а от каждого полиса выставлял теородоков для принятия теоров от магнетов⁶⁵. Кроме этого, союзное собрание занималось вопросами войны и мира, дарования почестей, созыва союзного ополчения, избранием должностных лиц, изданием федеральных законов, регулированием союзных финансов, налогов и сборов [2, с. 108–112]. Финансами и установкой союзных стелл, в частности, руководил казначей (*ταμίης*)⁶⁶.

С конца II в. до н.э. святилище Аполлона Актийского становится общесоюзным. Согласно договору с Анакторием, акарнанцы брали на себя восстановление и содержание храма, траты на ежегодные соревнования и жертвоприношения, содержание флейтистов. Взамен этого акарнанцы стали совместно с анакторийцами распоряжаться сокровищами храма, вместе взимать «двухпроцентный налог и все остальные платежи, возникшие на празднестве, и другие, не имеющие отношения к работоторговле»⁶⁷. Хозяевами гаваней полиса оставались анакторийцы. Все союзные постановления акарнанцев устанавливались в храме Аполлона Актийского⁶⁸. Храм находился под защитой как полисов, так и этносов Акарнании, причем с давних времен: «оставить боевой лагерь полисов и этносов, оставить так, как было сначала» (*τὰς παρεμβολὰς τῶν τε πολίων καὶ τῶν ἐθνέων μένειν καθότι καὶ ἐξ ἀρχῆς*)⁶⁹. Общесоюзная роль святилища закрепились в федеральной чеканке золотых и серебряных монет с изображением головы Ахелоя и Аполлона Актийского [5, р. 85]. Кроме этого, федеральные проксенические декреты середины II в. до н.э. начинались так: «При жреце, находящимся при храме Аполлона Актийского» (*ἐπ' ἱεραπόλου τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Ἀκτίῳ*)⁷⁰. Наличие общесоюзного законодательства подтверждается в проксенических декретах койнона выражением «согласно закону» (*κατὰ τὸν νόμον*)⁷¹. В союзе существовал федеральный суд. В завершение договора с Анакторием говорилось: «Если кто-либо внесет какое-либо постановление или закон или как-то по-иному попытается разорвать совместное

⁶⁴ Ливий Тит. История Рима от основания города / пер. под ред. В.М. Смирини и др. Т. 3. М., 1989–1994. С. 445; Полибий. Всеобщая история / пер. с др.-греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1. М., 2004. С. 567–568.

⁶⁵ Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acarnaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897. IG IX,1² 2:582.30-35.

⁶⁶ Ibid. 34.

⁶⁷ Ibid. IG IX,1² 2:583.30-35.

⁶⁸ Ibid. IG IX, 1² 2:209, 1² 2:582, IG V,1 29.

⁶⁹ Ibid. IG IX,1² 2:583.40-41.

⁷⁰ Ibid. IG IX,1² 2:208.1, 31; 2:209.1,17; IG V,1 29.1.

⁷¹ Ibid. IG IX,1² 2:582.43; IG V,1 29.15.

установление, если полис, пусть заплатит пятьсот мин, если частное лицо, пусть оно будет казнено, будучи осужденным в суде (*ἐν τῷ δικάστηρίῳ*), в то же время внесенный им закон или постановление пусть будут признаны не имеющими силы»⁷². Очевидно, только на общем собрании можно было внести закон или постановление, которое могло бы отменить общесоюзное решение.

Ряд проксенических декретов как союзного, так и местного происхождения вызывает особый интерес. В числе проксенических привилегий упоминается *ἐντέλεια*⁷³. Генри Лидделл и Роберт Скотт переводят *ἐντέλεια* как полноправие. Так как гражданство предполагало наличие сугубо политических прав, то под энтелией, вероятно, следует понимать некий набор социально-экономических прав, свойственных гражданам полиса или объединения. Любопытно, что право энтелии в Балканской Греции в большинстве случаев встречается только в Акарнании и Эпире.

После поражения Филиппа V при Киноскефалах акарнанцы стали союзниками Рима. При помощи римлян в 196 г. до н.э. Эниады, будучи отторгнутыми от этолийцев, вновь вошли в состав союза⁷⁴. Но, несмотря на приобретение новых союзников, в Акарнании сохранялось множество сторонников македонцев. Именно это дало повод римлянам в конце Третьей Македонской войны в 168 г. до н.э. отторгнуть от акарнанцев Левкады, фактически обезглавив койнон⁷⁵. Койнон не был распущен, но утратил какую-либо политическую роль.

Сформировавшись в V в. до н.э., Акарнанский союз находился в постоянной борьбе за свое существование. И только в соединении с сильными государствами, такими как Афины, Македония и Рим, он был в состоянии дать отпор своим соседям в лице коринфян, этолийцев, ахейцев и эпиротов. Акарнанцам удалось создать устойчивое федеративное государство, которое на протяжении столетий трансформировалось и развивалось, выработав выраженные черты к III – началу II вв. до н.э. При этом для акарнанцев характерно, что только в конце II в. до н.э. в союзе официально назначается федеральное святилище Аполлона Ктийского. Но, несмотря на это, Акарнанский союз можно с уверенностью поставить в один ряд с другими не менее развитыми федеративными образованиями эллинских общин и этносов.

⁷² Inscriptiones Graecae IX, 1. Inscriptiones Phocidis, Locridis, Aetoliae, Acarnaniae, insularum maris Ionii / Ed. W. Dittenberger. Berlin, 1897. IG IX,1²:583.72-76.

⁷³ Ibid. IG IX,1²:391.6, 1²:392.9, 1²:393.6, 1²:209.14, 22.

⁷⁴ Полибий. Всеобщая история / пер. с др.-греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 2. М., 2004. С. 228.

⁷⁵ Ливий Тит. История Рима от основания города / пер. под ред. В.М. Смирини и др. Т. 3. М., 1989–1994. С. 544.

Библиографический список / References

1. Кареев Н.И. Государство-город античного мира: Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. Изд. 4-е. М., 2015. [Kareev N.I. Gosudarstvo-gorod antichnogo mira: Opyt istoricheskogo postroeniya politicheskoi i sotsialnoj evolyutsii antishnyh grazhdanskih obshin [The State-city of the Ancient world: The experience of the historical construction of the political and social evolution of ancient civil communities]. Moscow, 2015.]
2. Сизов С.К. Федеральное собрание в союзе акарнатов (III–II вв. до н.э.) // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2010. Вып. 13. С. 106–124. [Sizov S.K. Federal Assembly in the Akarnan league (III–II centuries BC). *Iz istorii antichnogo obshestva*. Nizhny Novgorod, 2010. Vol. 13. Pp. 106–124. (In Rus.)]
3. Caspari M.O.B. A Survey of Greek Federal Coinage. *The Journal of Hellenic Studies*. 1917. Vol. 37. Pp. 168–183.
4. Chaniotis A., Pleket H.W., Stroud R.S., Strubbe J.H.M. SEG 49-590. Akarnania. Akarnanian Koinon. *Supplementum Epigraphicum Graecum*. A. Chaniotis, T. Corsten, N. Papazarkadas, R.A. Tybout (current eds.). Consulted online on 1 August 2020. DOI: 10.1163/1874-6772_seg_a49_590.
5. Freitag K. Akarnania and the Akarnanian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge University Press, 2015. Pp. 66–85.
6. Gehrke H.-J., Wirbelauer E. Akarnania and adjacent areas. *An Investigation conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.). Oxford University Press, 2004. Pp. 351–378.
7. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon is a standard lexicographical work of the Ancient Greek language. Oxford, 1996.
8. Nielsen T.H. The Arkadian Confederacy. *Federalism in Greek Antiquity*. H. Beck, P. Funke (eds.). Cambridge University Press, 2015. Pp. 250–268.
9. O’Neil J.L. The political elites of the Achaian and Aitolian leagues. *Ancient Society*. 1986. Vol. 17. Pp. 33–61.
10. Strauch D. Acarnanians, Acarnania. *Brill’s New Pauly*. Antiquity volumes ed. by: H. Cancik, H. Schneider, English edition by: C.F. Salazar. Classical tradition volumes ed. by: M. Landfester, English ed. by: F.G. Gentry. Consulted online on 1 August 2020. DOI: 10.1163/1574-9347_bnp_e111630.
11. Strauch D. Aetolians, Aetolia. *Brill’s New Pauly*. Antiquity volumes ed. by: H. Cancik, H. Schneider, English edition by: C.F. Salazar. Classical tradition volumes ed. by: M. Landfester, English ed. by: F.G. Gentry. Consulted online on 1 August 2020. DOI: 10.1163/1574-9347_bnp_e111230.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023, принята к публикации 14.01.2024
The article was received on 09.11.2023, accepted for publication 14.01.2024

Сведения об авторе / About the author

Васин Иван Вячеславович – учитель истории, среднее общеобразовательное учреждение «Школа № 1359 имени авиаконструктора М.Л. Миля», г. Москва

Ivan V. Vasin – History Teacher, State Budgetary Educational Institution «School № 1359 named after the aircraft designer M.L. Mil», Moscow

E-mail: rome2009@list.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-102-114

УДК 297+94

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Хиджаб в истории и ритуале ислама

В статье автор задается вопросом о том, как в исламе возник обычай укрывания лица и фигуры женщины, в каких исторических обстоятельствах появился хиджаб. Действительно ли он является глубоко продуманной религиозной регламентацией либо его появление – это цепь случайностей, превратившихся в традицию? Эти неясности определяют актуальность исследования, поскольку в современном мусульманском мире резко возросли противоречия между «модернизаторами» и «фундаменталистами» по многим вопросам мусульманского ритуала. Хиджаб является одним из таких (и очень показательных) камней преткновения. Материал статьи опирается на ранние и, в то же время, основополагающие мусульманские источники. Прежде всего, это те аяты (стихи) Корана, где вообще упоминается хиджаб в любом его качестве, будь то часть одежды или занавес в шатре, отделяющий женщин. В таком же аспекте анализируются так называемые хадисы, т.е. те рассказы Сунны (сборник изречений пророка), где часто по-разному и весьма противоречиво трактуется роль хиджаба в мусульманской атрибутике. В конце статьи предлагаются обоснования определенной сакрализации хиджаба как результата, во-первых, ряда случайных совпадений на ранней истории мусульманского мира и, во-вторых, как результат сознательного воздействия в процессе общественного регламентирования на более поздних этапах формирования типичной восточной деспотии.

Ключевые слова: хиджаб как покрывало, чадра и паранджа как элементы хиджаба, мусульманская этика, исламские религиозные предписания, суфизм

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Хиджаб в истории и ритуале ислама // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 102–114. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-102-114

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-102-114

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Hijab in the history and rituals of Islam

In the article, the author asks the question of how this custom arose in general, in what historical circumstances the hijab arose. Is it really a deeply thought-out religious regulation, or is its appearance just an accident, or a chain of accidents that gradually turned into a tradition? These ambiguities generally determine the relevance of the study, because in the modern Muslim world, contradictions between “modernizers” and “fundamentalists” on many issues of Muslim ritual have sharply increased. The hijab is one of these (and very revealing) stumbling blocks, as it will be discussed below. The material of the article is based on early and at the same time fundamental Muslim sources. First of all, these are those verses The Qur’an, which generally mention the hijab in any of its qualities, whether it is a piece of clothing or a curtain in a tent separating women. The so-called hadiths are analyzed in the same aspect, i.e. those stories of the Sunnah (a collection of sayings of the prophet), where the role of the hijab in Muslim attributes is often interpreted in different and very contradictory ways. The article sums up some justifications that are offered for a certain sacralization of the hijab, as a result, firstly, of a number of rather random coincidences in the early history of the Muslim world and as a result of conscious influence in the process of social regulation at later stages of the formation of a fairly typical Eastern despotism, secondly.

Key words: hijab as a veil, veil and burqa as elements of hijab, Muslim ethics, Muslim religious precept, Sufism

FOR CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. Hijab in the history and rituals of Islam. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 102–114. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-102-114

Хиджаб переводится как ‘завеса’ (‘преграда’) и представляет собой покрывало, надеваемое женщиной-мусульманкой при выходе на улицу и скрывающее ее лицо и фигуру. В качестве хиджаба используют также чадру, паранджу, накидку (т.е. облегченные и упрощенные его варианты). Первоначально было предписано носить хиджаб женам Мухаммеда, а затем всем свободным мусульманкам. Существуют различные виды хиджаба: черные и иногда других цветов накидки для всей фигуры или только для глаз, черные полупрозрачные покрывала для головы и т.д. Консервативные течения в исламе объявляют хиджаб необходимым элементом мусульманской этики. В одних мусульманских обществах ношение хиджаба строго обязательно, в других наибольшее распространение получил его упрощенный вариант – головной платок и одежда, закрывающая лицо.

Еще с конца XIX в. в некоторых наиболее светских мусульманских обществах (например, в Египте) отказ от ношения хиджаба стал одним из лозунгов за демократизацию жизни и «раскрепощение» женщин. Однако слишком часто женщины-активистки осуждались и даже карались. Для современного мира этот элемент религиозной культуры носит крайне противоречивый характер. С одной стороны, часть женщин в таких странах, как Саудовская Аравия, Иран (после 1979 г.), Афганистан и ряд других пытаются обойти законодательные предписания по обязательному ношению хиджаба.

С другой стороны, во всем мусульманском мире значительная часть женщин искренне считают хиджаб частью своей религиозной принадлежности и символом добродетели. Среди огромной по численности мусульманской диаспоры в странах Запада хиджаб стал символом культурной самоидентификации и политическим символом в том числе. Целый ряд европейских стран, особенно Франция и Англия, пережили, начиная с 1980-х гг., острые потрясения, сопровождавшиеся бунтами и погромами, вызванными т.н. «делом о платке». Это было связано с тем, что в учебных заведениях, начиная с младшей школы, правила запрещали закрывать лица или носить платки. В то же время резко радикализирующиеся мусульманские диаспоры объявили это своим неотъемлемым правом, обязательным условием своей жизни, своего быта. Проблема остается и время от времени выливается в массовые протесты и стычки. Вновь в немусульманских обществах реанимировалось

мнение (с 1990-х гг.), что ислам является противником прав женщин, а предписанный им хиджаб есть неременный компонент такого положения вещей.

Естественно, возникает вопрос, а так ли было на заре ислама, в каких исторических обстоятельствах возник хиджаб? Действительно ли это является глубоко продуманной религиозной регламентацией, одной из фундаментальных основ ислама, либо это случайность, или цепь нечаянных случайностей, почему-то превратившихся в традицию¹?

Очевидно, что во всех монотеистических религиях красной нитью пролегает конфликт между божественным и женственным. Но ни в одной из них он не показан так наглядно, как в исламе. В исламе все, что относится так или иначе к женщинам, окутано какой-то тайной, по крайней мере символически; его стараются спрятать, замаскировать, закрыть покрывалом. Это боязливое отношение к женщинам вызывает удивление, поскольку общеизвестно, что пророк Мухаммед побуждал своих приверженцев отказаться от такого отношения как от наследия «джахилийи» (доисламского периода) и присущих этому периоду суеверий. В таком случае можно предположить, что послание ислама оказало только поверхностное воздействие на глубоко суеверных арабов VII в., что они не сумели воспользоваться новыми подходами, предложенными ранним исламом по отношению к устройству семьи и быта. Возможно ли, чтобы хиджаб, этот своеобразный способ спрятать женщин, который сегодня преподносится как основная принадлежность мусульманки, оказался ничем иным, как только выражением функционирования доисламского мышления, доисламского менталитета, присущего периоду «джахилийи», пережитки и наследие которой по-прежнему очевидны в культуре и сознании мусульманских обществ?

А что представляет собой хиджаб в раннем мусульманском контексте? Что, вообще, обозначает это слово? Каковы его логический смысл и обоснование? Когда его ввели в обиход? Для кого и почему?

Хиджаб (буквальное значение которого, как упоминалось выше, «занавес») «опустился» для того, чтобы поставить барьер не между мужчиной и женщиной, а между новобрачными и засидевшимися гостями. Первое упоминание о хиджабе восходит к 53-му стиху 33-й суры Корана, провозглашенной на 5-м году от хиджры (627 г. н.э.): «О те, которые уверовали! Не входите в дома пророка, если только не будет разрешена вам еда, не дожидаясь ее времени. Но когда вас позовут, то входите, а когда покушаете, то расходитесь, не вступая в дружескую беседу. Это

¹ Примерно такие формулировки изобилуют в СМИ мусульманских стран (даже Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии) при фиксации споров по многим вопросам мусульманского ритуала.

с вашей стороны удручает пророка, он стыдится вас, а Аллах не стыдится истины. А когда просите их о какой-нибудь утвари, то просите их через завесу. Это вам чище для ваших сердец и их сердец...»² (сура 33, аят 53). Под теми, с кем не надо вступать в дружескую беседу и просить их об утвари, подразумеваются жены пророка.

Впоследствии факихи (мусульманские законодатели) пришли к заключению, что происхождение и «опускание» хиджаба охватывают два события, происходивших одновременно, но в разных областях: с одной стороны, это откровение «Бога Пророку», которое принадлежит к духовной области, с другой – опускание материального объекта, своеобразного занавеса, который «Пророк протянул между собой и человеком, стоявшим у входа в его брачную комнату»³.

В данном случае таким человеком (видимо, по случайному стечению обстоятельств) оказался сподвижник (асхаб) Мухаммеда и будущий автор предания, включенного в Сунну, по имени ибн Анас. В хадисе приводится такая версия: «Пророк женился на Зейнаб Бинт Джахн. Мне было поручено зазывать гостей на свадебный ужин. Я справился с этим поручением. Пришло много людей. Они приходили группами поочередно. Закончив трапезу, они уходили. Я сказал Пророку: “Посланник Бога, я приглашал столько много людей, что я даже не знаю, кого еще можно было бы пригласить”. Но вот настал момент, когда Пророк сказал: “Заканчивай с ужином!”. Зайнаб сидела в углу комнаты. Она была очень красивой женщиной. Все гости уже разошлись, за исключением троих, которые, казалось, забыли, где находятся. Они продолжали сидеть в комнате и болтали. Пророку это не понравилось, и он ушел из комнаты. Он пошел в покои Айши. Увидев ее, он приветствовал ее словами “Мир, да пребудет с тобой, член семьи!” “И тебе мир, Пророк Аллаха! – ответила ему Айша. Нравятся ли тебе твои новые асхабы?” Он обошел покои всех своих жен, которые приветствовали его так, как и Айша. Потом он снова отправился в комнату Зайнаб и увидел там все тех же троих гостей, которые так и не ушли. Они все еще находились в комнате и болтали. Пророк был чрезвычайно вежливым и сдержанным человеком. Он быстро вышел из комнаты опять и снова направился в покои Айши. Я не помню, я или кто-то другой пошел к нему и сказал, что трое задержавшихся мужчин решили уже уйти. Как бы там ни было, но он направился назад в брачную комнату. Ступив одной ногой в комнату, он вторую ногу оставил снаружи. И оставаясь в таком положении,

² Здесь и далее Коран цитируется по изданию: Коран / пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

³ Al-Bakhari, al-Sahih. Collection of Authentic Hadith, with commentary by al-Sindi. Beyrut, 1978. P. 24.

он опустил *sitr* (занавес) между собой и мной»⁴. В этот же момент появился и стих о хиджабе.

В этой версии сам ибн Анас (и последующие комментаторы) пользуется двумя терминами, которые имеют склонность выражать одно и то же понятие, – хиджаб и ситр, причем последний в буквальном смысле означает ‘занавес’. Наиболее важным в этом сообщении представляется следующее.

1. Опуская занавес, говорит нам ибн Анас, пророк изрек то, что должно было стать в Коране 53-м стихом 33-й суры, который специалисты называют «стихом о хиджабе». Стих включает в себя слова, которые, по свидетельству ибн Анаса, пробормотал пророк, опуская ситр (занавес) между ними. Слова эти были посланием «Бога своему пророку» как ответ на ситуацию, в которой Мухаммед, вероятно, не знал, ни что ему делать, ни как себя вести.

2. Второй момент, который следует иметь в виду, это то, что пророк праздновал свою женитьбу на Зайнаб Бинт Джахн.

3. Он пригласил на свадебный ужин почти все мусульманское население Медины.

4. Все приняли участие в свадебном ужине, а потом ушли, за исключением троих невежливых гостей, которые продолжали болтать, не обращая внимания на нетерпение пророка и его желание остаться наедине со своей новой женой.

5. Пророк в раздражении вышел во двор, ходил туда и обратно, потом вернулся в свадебную комнату и сразу же ушел опять в надежде, что гости все же вскоре разойдутся.

6. Как только гости ушли, Аллах открыл пророку стих о хиджабе.

7. Пророк, цитируя 53-й стих 33-й суры, опустил занавес между собой и ибн Анасом, который оказался рядом. Описывая историю с «опусканием хиджаба», ибн Анас не стремится показать причины раздражения пророка, славившегося своей выдержкой и долготерпением. А раздражение имело целью ускорить принятие такого рокового решения, как введение хиджаба. В обстоятельствах, следствием которых явилось «опускание хиджаба», можно заметить, с какой исключительной быстротой менялись события: раздражение пророка и «божественная» реакция откровения наступили одновременно. Тафсиры (биографии Мухаммеда) по-разному трактуют обстоятельства и причины появления откровений. Часто бывало так, что между моментом, когда данная проблема попадала в поле зрения пророка, и моментом, когда было

⁴ Al-Bakhari, al-Sahih. Collection of Authentic Hadith, with commentary by al-Sindi. Beirut, 1978. Vol. 22. P. 26.

«открыто» решение этой проблемы, мог пролегать период созревания или время ожидания⁵. Однако в случае с хиджабом довольно необычна быстрота, с которой пришло откровение о хиджабе. Оно не соответствует нормальному физиологическому циклу прихода откровения и особенно не соответствует тому, что мы знаем о характере пророка.

Мухаммед славился своей невероятной способностью контролировать себя. Привычка фиксировать проблему и долго и напряженно думать над ее решением, прежде чем принимать его, даже тогда, когда нельзя было рассчитывать на «ответ от Бога» в виде откровения, была характерной чертой пророка, которая давала ему возможность выживать в трудных ситуациях и нормально общаться с обществом, отличавшимся очень свирепыми нравами. Господствующее впечатление, которое возникает от чтения его «официального портрета» (в том виде, в котором он изображен в исторических книгах и прежде всего в «сирах» – ранних жизнеописаниях основателя ислама), указывает нам на то, что мы имеем дело с человеком мягкого и застенчивого характера: «[Пророк] был среднего роста, не очень высокого и не очень низкого. У него была светлая кожа с румянцем на лице; глаза у него черные, а волосы густые, блестящие, красивые. Очень густая борода обрамляла все лицо. Длинные и черные волосы ниспадали ему на плечи. Шея у него была светлой... На лице у него было такое приятное выражение, что никому не хотелось уходить от него. Кто бы его не встречал, тот вынужден был признать, что никогда раньше, ни до Пророка, ни после него, он не видел никого, кто бы мог так убедительно говорить»⁶.

Парадоксально, но факт, в обществе, в котором люди при решении спорных проблем очень быстро хватались за мечи, Мухаммед прославляется способностью поглощать возникающее напряжение, оставаясь при этом спокойным. Пророк был настоящим общественным деятелем: обладал опытом общения с людьми, умел нравиться им и переубеждать их, причем не только отдельных людей, но целые группы, придерживавшиеся иных точек зрения. Он привык спокойно переносить поведение грубых и невоспитанных людей. И если бы не его исключительное умение контролировать себя, то он не смог бы добиться власти в арабском обществе того периода. Именно это его умение контролировать себя с раннего возраста принесло ему репутацию «хакама», т.е. судьи, арбитра в конфликтных ситуациях. Как же тогда объяснить, что столь незначительное раздражение мгновенно породило такое жесткое

⁵ Ibn Hallaj. Alwahy [Revelation]. Baghdad. 1953. (In Arabic). P. 102.

⁶ At-Tabari. Kitab dzhami al-bayan fi-tafsir [The Book of True Interpretations of the Holy Quran]. Cairo, 1905–1911. (In Arabic). P. 337.

решение, как «опускание» хиджаба, пусть даже пророк и не предполагал, что оно расколет мусульманский мир на две части.

Может быть потому, что пятый год от хиджры, год «опускания хиджаба», оказался самым несчастным годом для мусульман. После поражения под Ухудом Мухаммед непрерывно организовывал военные походы, чтобы поддерживать в людях память о победе в битве у Бадра и возбудить желание новых побед. Но он не смог пока реализовать свою мечту – захватить Мекку, чтобы в глазах своих асхабов, мединцев и, в конечном счете, всех арабов выглядеть удачливым полководцем. Хуже того, прочие арабы под предводительством мекканцев выступили против него и осадили Медину. Стих о хиджабе является частью 33-й суры, названной «Аль-Ахзаб» ('Кланы', 'Партии', в переводе И.Ю. Крачковского – «Сонмы», Г.С. Саблукова – «Соумышленники»). В этой суре, помимо прочего, описывается и осада Медины, известная под названием «Битва хандаг» (Битва у Рва). Такое название она получила потому, что пророк для усиления защиты города приказал своим воинам вырыть вокруг города рвы и окопы.

Ислам переживал время тяжелых военных неудач, которые протянулись до весны 8 года хиджры (630 г. н.э.), когда Мухаммед одержал над мекканцами решающую победу, после которой он захватил Мекку, а потом и всю Аравию [3; 5]. Случай, имевший место в свадебную ночь Пророка и Зайнаб, вполне возможно рассматривать в контексте периода сомнений и военных поражений, подрывавших моральный дух жителей Медины.

53-й стих 33-й суры рассматривается основоположниками мусульманской теологии в качестве основы учреждения хиджаба. В книгах «фикх» (мусульманское право) всегда отводится глава «опусканию занавеса». Приведенный выше стих не единственный из посвященных этому событию. Но он является первым в серии тех, которые, в сущности, привели к разделу мусульманского пространства. Внимательное перечитывание этого стиха подводило верующих к мысли, что сам Аллах отметил отсутствие такта у гостей своего избранника. Что сам господь пожелал намекнуть асхабам на необходимость соблюдения определенных правил приличия, о которых они не знали или забыли.

В дополнение к правилам этикета последняя часть этого стиха затрагивает другой вопрос: запрет аллаха жениться на женах пророка после его смерти. Стих о хиджабе заканчивается такими словами: «Не следует вам удручать посланника Аллаха и никогда не жениться на его женах после него» (сура 33, аят 53).

Знаменитый комментатор Корана Ат-Табари (839–923), рассматривая эту часть стиха отдельно, утверждал, что «над пророком нависла

угроза, поскольку несколько мужчин на протяжении его жизни заявляли о своем желании жениться на его женах после его смерти»⁷. Как могло возникнуть подобное желание? Должно быть, кризис в обществе и на самом деле оказался очень глубоким, если ему приходилось выдерживать такие атаки, хоть и словесные, но достаточно опасные. Кроме случая, возникшего из-за «недостатка воспитания» у некоторых гостей на свадьбе у пророка, приход хиджаба очень вероятно объясняется еще и необходимостью навести порядок в сложной и запутанной ситуации. Хиджаб должен был служить средством для развязывания целого клубка конфликтов и напряженностей в обществе.

Смысловое значение слова «хиджаб» включает в себя три измерения и все они часто переплетаются друг с другом. Первое измерение, визуальное, означает ‘спрятать что-нибудь от глаз, убрать из поля видимости’. Корень глагола «хаджаба» означает ‘прятать’, ‘скрывать’. Второе измерение, пространственное, означает ‘отделять, обозначать границу, устанавливать порог’, наконец, последнее измерение носит этический характер и обозначает все то, что принадлежит к области запрещенного. Таким образом, мы имеем не только реальные категории, существующие в мире чувственного восприятия (зрительном и пространственном), но и абстрактную реальность, существующую в мире идей. Пространство, закрываемое хиджабом, – это запрещенное пространство («харам»). Словарь «Лисан аль-араб» («Язык арабов») может оказать лишь незначительную помощь. В нем сказано, что «хаджаба» означает ‘скрывать’ (прятать) с помощью ситра’ [2, р. 263]. А «ситр» в арабском языке также означает буквально ‘занавес’. Мы, таким образом, имеем дело с действием, которое разделяет пространство на две части и закрывает одну из этих частей от посторонних глаз. Кроме того, некоторые синонимы глагола «прятать» образуются от двух слов: «ситр» и «хиджаб». И вот здесь особенно интересны становятся примеры, которые подобрали авторы словаря для раскрытия этого многоликого понятия.

По сути, схожие определения можно найти в авторитетной «Британской энциклопедии ислама». Там указывается также на то, что хранителю ключа от Каабы даровано право «хиджаба». «Бану Кусай (т.е. потомки Кусайи, родоначальника родного племени Мухаммеда курейшитов. – А.Р.-Ф.) утверждали, что они владеют “хиджабом” Каабы. Это означало, что они несли ответственность за охрану Каабы и у них находились ключи от нее» [4, р. 109]. В энциклопедии также приводится цитата из коранического сказания «Хиджаб аль-Амир» («Хиджаб

⁷ At-Tabari. Kitab dzhami al-bayan fi-tafsir [The Book of True Interpretations of the Holy Quran]. Cairo, 1905–1911. (In Arabic). Vol. 22. P. 86.

князя»): «Самый могущественный человек в мусульманском обществе прибегает к помощи “занавеса”, чтобы спрятаться от своего окружения, – традиция которая бы вызвала гомерический хохот, если ее применить к нынешним главам арабских государств. Хиджаб, помимо всего прочего, является занавесом, за которым могли прятаться халифы и короли от членов своего двора» [4, р. 117–118].

В свою очередь, эта часть перекликается с мнением упоминавшегося выше ат-Табари, который сообщал: «Предполагается, что этот обычай, по всей видимости, не знакомый древним обитателям Хиджаза, был привнесен в ислам Омейядами под влиянием сасанидской культуры. Эту перегородку называют еще “ситара” или “ситр”, но назначение ее то же и постепенно она стала нормой жизни. Этот обычай впервые был введен во время правления Муавии (пятого халифа, основателя династии Омейядов (605–680). – А.Р.-Ф.). Потом он распространился на Андалузию, Северную Африку и Египет, а при правлении династии Фатимидов (909–1171 г. – А.Р.-Ф.) на этих территориях он уже стал настоящим обрядом. При Фатимидах священная власть халифа приобрела особое значение. Халиф, который считался “ипостасью Живого Разума” мира, превратился фактически в объект божественного поклонения. По этой причине от него ждали, что он будет прятаться как можно дальше от глаз своих верных последователей, которые только в этом случае могли защитить себя “...от сильного сияния, излучаемого его челом”»⁸.

Нельзя составить полное представление о понятии «хиджаб», не ознакомившись, по крайней мере, с отдельными случаями употребления его суфиями (мусульманскими мистиками). По идеологии суфиев, человек имеет доступ к безграничным духовным горизонтам, к которым должен стремиться каждый мусульманин. В таком контексте хиджаб, в сущности, является отрицательным явлением, помехой в «слиянии с Аллахом». В суфизме словом «махджуб» (‘покрытый вуалью или покрывалом’) называют человека, «чье сознание подвержено чувственной или умственной страсти, в результате чего он не способен ощущать божественный свет в своей душе»⁹. В этом применении покрытым занавесом или покрывалом является не Бог, а человек. В терминологии суфиев «махджуб» – это тот, кто придавлен земной реальностью и по этой причине не способен экспериментировать с возвышенными состояниями сознания. Человек, не посвященный в учение суфиев, не знает, как

⁸ At-Tabari. Kitab dzhami al-bayan fi-tafsir [The Book of True Interpretations of the Holy Quran]. Cairo, 1905–1911. (In Arabic). P. 196.

⁹ Al-Halladje. Dewan. Transl. by Massington. L., 1981. P. 52.

познать свои экстраординарные способности для комплексного восприятия, которые посредством тренировок и самодисциплины можно извлекать из мира физических явлений и направлять в мир возвышенного, в Небеса, к божественному.

Для суфийского авторитета аль-Халладжа (858–922) только постоянные поиски Бога позволяют человеку зайти за хиджаб, содержащий наше сознание в темнице: «В поисках Тебя мужчины сбиваются с дороги в темноте ночи и постигают только краткие советы»¹⁰. Для мистиков противоположным хиджабу является «кашф», открытие¹¹.

Таким образом, мы видим, что идея «хиджаба» является ключевым понятием в мусульманской культуре, как «грех» в христианской религии или «доверие» в американском капиталистическом обществе. Уменьшение или уподобление этого понятия куску материи, которым мужчины покрыли женщин, чтобы спрятать их от людского глаза, когда они выходят на улицу, означало бы обеднение этого термина, не говоря уже о том, что при таком усечении он теряет свое первоначальное значение, особенно когда знаешь, что, в соответствии с кораническим стихом и разъяснением ат-Табари, хиджаб «опустился» с небес, чтобы разделить пространство между двумя мужчинами.

Понятно также, что хиджаб может выражать пространственное измерение, обозначая порог между двумя различными областями, и он не может прятать что-то от человеческих глаз, как в случае с «хиджаб аль-амир» («хиджабом князя»). Но он также может выражать и противоположное понятие, как в случае с хиджабом суфиев, который пересекает путь к знанию божественного. В последнем случае покрывается хиджабом только ограниченное число людей. Из этого следует, что если тот хиджаб, который отделяет тебя от князя, надо уважать, то другой хиджаб, который отделяет тебя от Аллаха, правоверному надо уничтожить.

Значение хиджаба как завесы, скрывающей Бога от людей, приобретает явно отрицательный смысл и в Коране, хотя и не в той плоскости, что у суфиев. Это понятие используют также для того, чтобы описать неспособность некоторых людей познать Бога. Именно так обстоит дело в 5-м стихе 41-й суры, в котором, по мнению ат-Табари, занавес символизирует те трудности, с которыми племя курейш, традиционно исповедовавшее политеизм, столкнулось при попытке понять монотеистическое послание Мухаммеда. «И говорят они (политеисты. – А.Р.-Ф.): Сердца наши в покровках от того, к чему ты призываешь, и в ушах

¹⁰ Ibn Hallaj. *Alwahy [Revelation]*. Baghdad. 1953. (In Arabic). P. 81.

¹¹ Al-Halladje. *Dewan*. Transl. by Massington. L., 1981. P. 80.

наших глухота, и между мной и тобой (Мухаммедом. – А.Р.-Ф.) завеса» (сура 41, аят 4/5). В этом стихе хиджаб – это нечто такое, что уменьшает интеллект человека. Более того, название этой суры «Фусилат» переводится дословно как ‘Они (эти стихи. – А.Р.-Ф.) истолковываются’ (в переводе Корана И.Я. Крачковского – «разъяснены»). Ат-Табари говорит, что хиджаб в этом стихе означает «различие религий, которое порождает конфликт, ибо люди из племени курейш, конфликтовавшие с пророком, были идолопоклонниками, а пророк призывал их поклоняться одному единственному Богу. Хиджаб, который по их заявлению, существовал между ними и пророком Аллаха, явился фактически их выбором в религиозных делах»¹². Именно политеист оказался наиболее зашоренным посредством хиджаба. Для некоторых теологов хиджаб является мерой наказания. Так считает, например, известный современный богослов ан-Нисабури, приводя такую мольбу правоверных: «Господи, если тебе так уж нужно мучить меня чем-нибудь, мучь, но только не хиджабом, ибо это унижает меня!» [1, р. 163].

Понятие, умаляющее привилегии и духовность человека, к которым имеет доступ каждый мусульманин, вдруг подается в наши дни как символ ислама, его отношения к женщине. Таким образом, мы еще раз отмечаем огромное количество исторических наслоений, обусловивших противоречивость понятий, терминологий, столкновение взглядов, взаимное непонимание, а отсюда явный психологический дискомфорт. Видимо, сугубо критическое отношение необходимо, когда кто-либо, взяв священное за аргумент, обрушивает на окружающих в качестве основополагающей истины политическую аксиому, чреватую печальными историческими последствиями.

Этот ретроспективный взгляд, эта потребность изучить определенные хадисы и не только предмет, но и понятие «хиджаб» имеют остро актуальное значение. Во многих частях мусульманского мира при попытках преодоления той или иной кризисной ситуации усиливается тенденция ограничения прав женщин, возрождается практика обязательного ношения покрывала. Конечно, это можно также объяснить попытками защитить мусульманских женщин занавесом от возможных изменений и оградить от внешнего мира. Эти попытки перекликаются, кстати, с основной идеей о необходимости закрыть общество в целом от влияния Запада. Подобная концепция опирается на якобы канонические положения ислама, на духовное наследие самого Мухаммеда. Но так ли это? Не был ли изначально (как это часто бывало в других случаях)

¹² At-Tabari. Kitab dzhami al-bayan fi-tafsir [The Book of True Interpretations of the Holy Quran]. Cairo, 1905–1911. (In Arabic). P. 192–193.

искажен и неправильно воспринят исторический контекст, а также смысл действий Мухаммеда? Однозначных ответов нет. Данная статья представляется автору лишь одной из интерпретаций в нынешних ярых и часто взрывоопасных спорах по этим насущным проблемам.

Библиографический список / References

1. Al-Nisaburi A.A. Tafsir garaib al-Kuran va raib al-furkan [The tradition of Quranic aphorisms]. Beirut, undated. (In Arabic).
2. Allughat al-arabia [The language of the Arabs]. Encyclopedia. Cairo, 1967. (In Arabic).
3. Ansari N.H. The Islamic Militants in Egiption polities. *International Journal of Middle East Studies*. 16.01.1984. P. 23–24.
4. Encyclopedia of Islam. Vol. 2. L., 1986.
5. Ibn Saad. Biographien Muhammeds, seiner gefährten und der späteren träger des Islams bis zum jahre 230 der Flucht. Unter allgemeiner Herausgeberschaft E. Sachau. Leiden, 1921.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023, принята к публикации 06.10.2023
The article was received on 28.07.2023, accepted for publication 06.10.2023

Сведения об авторе / About the author

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

Ю.С. Русова

Независимый исследователь,
111677 г. Москва, Российская Федерация

Текстильные изделия из погребальных комплексов знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв.: сравнительный анализ

Статья посвящена женской одежде, головным уборам и погребальным облачениям из усыпальниц XVI–XVII вв. на территории России и Речи Посполитой. Целью данной работы является объединение изысканий отечественных и польских историков. В центре внимания автора находятся следующие проблемы: сохранность, качество и происхождение материала, покроя одежды. Дана сравнительная характеристика гардероба знатных женщин из погребальных комплексов России и Речи Посполитой. Выявлены три категории археологического текстиля: одежда, которую носили при жизни, облачения, специально пошитые к погребению, и комбинированный вариант. Сделан вывод о схожем составе погребальных комплексов двух стран, отмечено влияние западной моды на покроя польской женской одежды, при сохранении самобытных черт костюма русских цариц в этот период. Подчеркнуто важное значение женского головного убора для средневекового человека, что подтверждается присутствием в некрополях знатных людей волосников на Руси и кружевных шапочек в Речи Посполитой. Трудоемкий процесс их изготовления позволяет сделать вывод о том, что они не были подготовлены специально для погребения, а составляли часть женского гардероба при жизни и являются высокими произведениями декоративно-прикладного искусства своего времени.

© Русова Ю.С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: погребальные облачения, польский женский костюм XVI–XVII вв., одежда русских княгинь и цариц, головные уборы русских княгинь и цариц, Речь Посполита в XVII в.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Русова Ю.С. Текстильные изделия из погребальных комплексов знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв.: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 115–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

Yu.S. Rusova

Independent researcher,
Moscow, 111677, Russian Federation

The textiles from the burial complexes of the noble women of Russia and Poland in the XVI–XVII centuries: A comparative analysis

This article reviews the women's clothing, headdresses and funeral vestments from the tombs of the XVI–XVII centuries on the territory of Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth. The purpose of this article is an attempt to combine the research of Russian and Polish historians. The author is interested in the preservation, quality and origin of the material, the cut of clothing. A comparative characteristic of the wardrobe of noble women of Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth is given. Three categories of archaeological textiles have been identified: clothing worn during life; vestments specially sewn for burial, and combined complexes. The author made the conclusion about the similar constituent of the burial complexes of the two countries, the influence of Western fashion on the cut of Polish women's clothing is noted, while preserving the distinctive features of the costume of Russian tsarinas during this period. The importance of a female headdress for a medieval world is noted, which is confirmed by the presence of volosnik in Russia and lace caps in Polish-Lithuanian

Commonwealth in the necropolises of noble people. The laborious process of their manufacture allows us to conclude that they were not made specifically for burial, but were part of a woman's wardrobe during her lifetime and are high works of decorative and applied art of their time.

Key words: funeral vestments, Polish women's costume of XVI–XVII centuries, clothing of Russian of noble women and tsarinas, headdresses of Russian of noble women and tsarinas, Polish-Lithuanian Commonwealth in XVII century

FOR CITATION: Rusova Yu.S. The textiles from the burial complexes of the noble women of Russia and Poland in the XVI–XVII centuries: A comparative analysis. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 115–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

С конца XVI в. в покрое костюма высших сословий в России и Речи Посполитой наблюдаются схожие особенности. Для пошива используются привозные, восточные и европейские ткани. Круг материальных источников по данной теме невелик, т.к. элементы одежды русских княгинь и цариц XVI–XVII вв. в российских музеях представлены также немногочисленно, как и женский костюм знатных сословий этого периода в музеях Польши. В этой связи наиболее ценным источником становится погребальная одежда XVI–XVII вв., исследования которой стали возможны относительно недавно и, как правило, были связаны с необходимостью реставрации архитектурных памятников. Облачения, извлеченные из захоронений, содержат много информации, отражают социальное положение человека и могут быть изображением ментальности общества. Археологические источники дают возможность узнать, каково было отношение человека Средневековья к смерти, а также значительно расширяют сведения о тканях, покрое и фасоне одежды в XVI–XVII вв.

Целью данной работы является попытка объединить изыскания отечественных и польских историков, дать сравнительный анализ, выявить схожие и отличительные черты костюмов обозначенного периода на основе археологического текстиля, дополнить имеющиеся сведения фактами о покрое одежды, разнообразии материалов и работе мастеров из архивных документов. Рассмотрение исследований женских одеяний в разных странах в комплексе позволит обогатить имеющийся материал.

Обширные сведения по царскому костюму XVII в. собраны И.Е. Забелиным [3]. С 1980-х гг. появились специальные исследования, посвященные одеждем знатных родов из царских и боярских усыпальниц. Погребальный текстильный комплекс из усыпальницы Годуновых

в Троице-Сергиевой лавре был изучен Л.М. Спириной [7]. Погребальные облачения, одежду и головные уборы из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре опубликовала И.И. Елкина [2]. Результаты комплексных исследований погребений XVI–XVII вв. содержатся в третьем томе труда «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля» [5]. Для написания данной статьи были привлечены труды польских историков [9–12] и дана попытка сопоставить имеющиеся сведения о русских и польских текстильных комплексах женских погребальных облачений. В 1569 г. Великое княжество Литовское и Королевство Польское были объединены в новое государство – Речь Посполитую, в которое входили территории современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также частично России, Латвии, Молдавии, Эстонии и Словакии. Поэтому термин «польский костюм» в данном случае будет использован в широком понимании этого слова. А информация из трудов историков современной Польши будет дополнена исследованиями, касающимися костюма знатных сословий на территории бывшего Великого княжества Литовского, в частности Белоруссии [8, с. 133–145].

Текстильные изделия, найденные в ходе археологических исследований, как в России, так и в Речи Посполитой, можно разделить на три категории. К первой группе относится одежда, которую носили при жизни. Вторую категорию составляют облачения, специально пошитые к погребению. Чаще всего это полотняные саваны, которые могли плотно закрывать все тело, иногда и вместе с лицом. Третья группа – комбинированная. В этом случае повседневная одежда дополнялась специальными погребальными облачениями. Под саваном могли быть надеты рубашка, платье либо другая повседневная одежда.

Русский женский костюм XVI–XVII в. отличался многослойностью. Женщины и девушки знатных сословий под основной верхней одеждой носили две рубахи. Нижнюю, нательную рубаху шили из льняной ткани и украшали скромно. Поверх нее представители царской семьи носили сорочку «красную», т.е. красивую, праздничную, шитую из шелковой ткани. Рукава верхних рубашек украшались жемчужной поднизью и делались длиной в несколько аршин. Их собирали во множество складок и закрепляли у запястья узким манжетом – опястьем. Ворот украшался вышивкой шелковыми цветными нитями и обычно оставался открытым. Рубашки обязательно подпоясывались. Появиться без пояса дома, а тем более при посторонних людях было неприличным поступком. В документах зафиксированы случаи покупки дорогих материалов, предназначенных для пошива именно верхних, красных рубах. Например, 14 сентября 1613 г. было куплено «полтора аршина

два вершка тафты кармазину червчатой» за 2 рубля 9 алтын, а «куплена в верх на Государевы сорочки»¹. Тафтой называлась однотонная шелковая ткань полотняного переплетения, а указание «кармазину червчатой» означало указание на ее цвет – насыщенно-красного оттенка.

Распространенным видом средней женской одежды знатных сословий на Руси была телогрея – длинное распашное платье с пуговицами или завязками спереди, с рукавами, свисавшими сзади, и проймами под мышками для рук. Для выходного платья использовались атласы (шелковая ткань), золотные и простые камки (шелковая однотонная узорная ткань), объяри (плотная шелковая ткань с волнообразными переливами разных цветовых оттенков), тафта, зуф, шерстяная ткань. К числу вторых или средних одежд принадлежала также шубка накладная, которая не имела застежки и надевалась через голову. Она шилась из плотных, тяжелых тканей: золотных бархатов, атласов, алтабасов (тяжелая ткань из шелка с узором, выполненным металлическими нитями с золотом, серебром), зарбафов (золотая или серебряная ткань с узорами шелковыми, серебряными и золотыми), объярей, камки. Через голову также надевался летник – вид накладного платья. Летник, разрезанный на полы, распашной, назывался распашницею или опашницею. Ее кроили из легких шелковых и золотных тканей, из камки, тафты, атласа. Верхнее летнее распашное платье из шелковой золотной ткани называлось опашень или охабень. Этот же вид одежды на меху (соболем, лисьем, горностаевом и др.) назвался шубой. Шуба, а иногда и другие виды одежды, например, шубка накладная, в холодное время года дополнялась накладным меховым воротником (ожерельем) [3, с. 632–647].

В погребении Елены Глинской 1538 г. находились фрагменты изделия из репсовой ткани, предположительно, туникообразного платья [5, с. 126]. Платье из погребения Марии Темрюковны 1569 г., имеющее снизу складки, было сшито из растительных лубяных волокон, вероятно, льна. Возможно, на платье была вышивка шелковыми нитями, т.к. было найдено большое их скопление на отдельных участках. Динные рукава, предположительно, были стянуты шнуром [Там же, с. 370–377]. Фрагменты репсовой ткани, обработка краев и наличие подобных образцов в других захоронениях могут свидетельствовать о том, что княгиня Евфросиния Андреевна Старицкая была одета в платье [Там же, с. 63–65]. Из саркофага Евдокии Владимировны Старицкой (1570) были извлечены разрозненные фрагменты туникообразного платья

¹ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725: в 2 т. / сост. А.Е. Викторов. М., 1877–1883. С. 66.

из шелковой ткани с центральным неглубоким разрезом, богато декорированные золотным шитьем, обведенной по контуру шелковой нитью красного цвета. Очень длинные рукава имели ластовицы, а также манжеты, расшитые золотными нитями. Судя по расположению фрагментов рукавов в захоронении, а также по многочисленным заломам на золотном шитье, они были собраны в складки. Отдельно от платья были обнаружены крестики, сформированные из шнура и нашитые на ткань [5, с. 122, 126–127].

Иностранец И.Г. Корб в конце XVII в. так описывал одежду русских женщин: «Они носят рубахи, со всех сторон затканые золотом, рукава их, сложенные в складки с удивительным искусством, часто превышают длиной 8 или 10 локтей; сборки рукавов, продолжающиеся сцепленными складками до конца руки, украшаются изящными и дорогими запястьями»². Длина рукавов подчеркивала статус владелицы, которая могла себе позволить использование большого количества ткани. Кроме того, рукава, собранные в складки, позволяли сохранять тепло и служили дополнительным украшением костюма, особенно когда они были дополнительно украшены жемчужной поднизью.

Фрагменты ткани золотисто-коричневого цвета со стилизованным растительным узором из круглых цветов и гирлянд листьев из усыпальницы Марии Григорьевны Годуновой в Троице-Сергиевой лавре, очевидно, были частью платья царицы [6, с. 461]. Там же в гробнице инокини Ольги (в миру – царевны Ксении, дочери Бориса Годунова) были обнаружены фрагменты коричневой и черной гладкой шерстяной ткани (мухояра) – от схимы. Большой редкостью является сохранившаяся кожаная, на невысоком каблучке туфелька [Там же, с. 462].

В XVI–XVII вв. в России к погребению для княгинь, цариц и знатных женщин шились саваны, которые одевались поверх платьев, погребальные повязки-венчики и наволочки на погребальные подушки. Это подтверждается археологическими находками. В безымянном захоронении начала XVI в. из некрополя Вознесенского монастыря в Московском Кремле были найдены небольшие фрагменты савана из шелковой итальянской ткани XV в. Рисунок ткани представляет сложную форму медальонов и букеты цветов в медальонах между ними [5, с. 37–38]. Итальянские ткани в то время были наиболее дорогими и отличались разнообразием цветов и орнаментов. Ширина ткани составляет приблизительно 60 см. Фрагменты ткани с похожим узором были обнаружены в погребении царицы Софьи Палеолог. Однако восстановить рисунок

² Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1906. С. 243.

ткани в данном случае исследователям не удалось, т.к. кусочки археологического текстиля были слишком малы [5, с. 39–40].

Для погребения супруги великого князя Василия III княгини Елены Глинской в 1538 г. саван общей длиной примерно 2,5 м также был сшит из двух отрезков итальянской камки, шириной 58–60 см и имел шов по центру [Там же, с. 121]. Самым распространенным рисунком на итальянских тканях XVI–XVII вв. был крупный орнаментальный мотив (первоначально цветок или плод граната), окруженный клеймовидным обрамлением из листовых побегов. Это построение, восходящее к восточному прототипу, имело в итальянских тканях XV–XVII вв. многовариантные примеры. Наиболее излюбленными были изображения стилизованных цветов и плодов граната, артишока, шишки пинии, дополненные изображениями вазонов и корон.

В середине XVII в. появляются образцы с более свободным расположением узора, без выделения центрирующей доминанты, что придавало таким тканям определенную легкость и изящество. Постепенно на тканях появляются узнаваемые цветы ириса, лилии, гвоздики, колосья злаков, гроздь винограда, изображения «рогов изобилия». Колористическое решение итальянских тканей отличалось достаточной сдержанностью, что было обусловлено в значительной степени ограниченным выбором местных красителей и высокой стоимостью привозных. Как правило, использовался один цвет, иногда дополненный незначительными включениями другого цвета либо золота и серебра. Ткани могли иметь красный, желтый, темно-синий, зеленый, фиолетовый цвета [1, с. 96]. Рисунок на ткани савана Елены Глинской представляет собой два медальона, в одном из которых плод граната, обрамленный листьями, а во втором – гвоздики в вазоне. Между медальонами расположена корона, плод и ветви с сердцевидными листьями. Ткань имеет светло-коричневый («археологический цвет»), однако спектрофотометрическим методом был обнаружен краситель индиготин, т.е. первоначальный цвет был синий [5, с. 121]. Это был один из самых сложных для окрашивания цвет, поэтому ткани синих оттенков, в основном, были привозными. Остальные цвета в XVII в. уже умели получать в России.

Для окрашивания использовали натуральные красители, что придавало изделиям особый колорит и привлекательность. Такие изделия были приятны для глаз и хорошо сочетались между собой. Необходимые цвета мастера получали из коры деревьев, листьев, корней и плодов различных растений. Для получения желтого могли использовать ромашку, зверобой, душицу, клевер седоватый, вереск, опавшие листья липы, яблоневую кору. Различные оттенки коричневого давали шелуха лука, клевер, кора дуба, листья, кора и корни ореха, красный – почки ольхи,

зеленый – листья крапивы, кора граната. Листьями малины и ландыша окрашивали ткань в черный цвет.

Занимались покраской ткани особые мастера-красильщики. За работу они получали жалованье. 5 августа 1613 г. красильному мастеру за чернение 13 аршин сукна было выдано 26 алтын, а он «чернил сукна в верх к мастерицам»³. Для получения нужного цвета необходимо было знать время отмачивания нитей или тканей, температуру воды, иногда и амплитуду движений, которую производили красильщики. Также для приобретения красивых оттенков некоторых цветов учитывались календарные сроки сбора растений и способы их сушки. Часть этих секретов, вероятно, были приобретены от иностранных специалистов. В архиве сохранился документ, зафиксировавший приезд красильных мастеров в Москву. В 1651 г. по челобитной Александра Краферта было рассмотрено дело о пропуске в Москву выписанных им из иностранных государств мастеров, была составлена и отправлена в Архангельск грамота с разрешением «о пропусчении их»⁴. В челобитной шелкового мастера «кизылбашенника Мамаделечки Анитова» 1661 г. сообщается, что ему были даны трое учеников из русских людей, и он их учил «шелковому делу» и «красить»⁵. Постепенно методы окрашивания тканей совершенствовались, а количество мастеров, обладающих этим навыком, увеличивалось.

В захоронении первой супруги царя Ивана Грозного царицы Анастасии Романовны 1560 г. находился саван, сшитый из одного куска ткани, сложенный пополам и прошитый по одной из длинных сторон в форме капюшона. Также сохранился фрагмент ткани с вышивкой тамбурным швом шелковыми нитями красного цвета. Возможно, вышивка находилась на саване, либо в погребении находилось еще одно, не идентифицированное изделие [5, с. 226].

Также зафиксированы примеры целого комплекса текстильных изделий, сопровождавшего женщину после смерти. В погребении 1569 г. царицы Марии Темрюковны, второй жены царя Ивана IV, были обнаружены фрагменты следующих текстильных изделий: савана, обмоток на ноги, погребальной повязки, платья, чулок, шнурок и двух наволочек. Саван был сшит из одного куска шелковой камки коричневого (горчичного) цвета, согнутого пополам и прошитого в форме «капюшона».

³ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреей, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 64.

⁴ Дело по челобитью полковника Александра Краферта: о пропуске в Москву выписанных им иностранных государств селитренных и красильных мастеров // Там же. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), 1651 г. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁵ Челобитная о даче хозового и шелкового дела // Там же. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 7327. Л. 3.

Чулки и погребальная повязка были сшиты из той же шелковой камчатой ткани. Она имела рисунок – плод граната, окруженный листьями [5, с. 370–377]. Мелкие фрагменты шелковой камки коричневого цвета были найдены в захоронении княгини Евфросинии Андреевны Старицкой 1569 г. и царицы Марфы Васильевны Собакиной [Там же, с. 63–65].

Для присутствующих на погребальных церемониях шились специальные панихидные платья. Данные об их изготовлении в документах встречаются крайне редко. Обычно это сведения, связанные не с изготовлением этих одежд, а с продажей излишков материалов из царской казны. Так, в «Книге расходной и приходной государевым и великого князя Алексея Михайловича всея России деньгам» за 1646 г. среди отставного платья, фerezей, шапочных вершков, остатков суконных, бархатных, атласных, камчатных и тафтяных тканей, меховых обрезков, которые были проданы из царской казны, т.к. «ни к какому делу не годились», упоминается и «понахидное холодное платье»⁶.

Многослойность являлась также отличительной особенностью женского костюма в Речи Посполитой, что выражается в ношении рубах и нижних юбок. Для пошива рубашек использовалась льняная ткань, иногда привозное немецкое полотно. Сорочки были длинными, рукава имели манжеты («манкеты»), часто из более тонкого материала, свободно падающие на кисть. Подмышечная ромбовидная часть была из другого материала. С 90-х гг. XVI в. в польских описях имущества помимо повседневных нижних рубах, редко, но встречаются упоминания ночных рубашек, предназначенных именно для сна. В реестрах имущества Радзивиллов есть упоминание «полотна голендерского на 12 кошуль и на ночные кошули» [4, с. 66]. В большинстве же случаев спали в тех рубашках, которые носили в течение дня [9, с. 130]. Следует отметить, что на территории Речи Посполитой термин «сорочка», в основном, использовался крестьянами, духовенством и дворянством православного вероисповедания. Для обозначения рубах, которые носили представители высшего сословия, использовалось наименование «кошуля». Рубахи входили в состав приданого девушек, причем их число всегда превышало количество других предметов одежды. Выходя замуж, крестьянка Аннуша Оношковская принесла в дом мужа 5 женских сорочек⁷. На территории Речи Посполитой только мужские рубашки украшались вышивкой, что позволяло носить этот вид одежды не только

⁶ Книга расходная и приходная государевым и великого князя Алексея Михайловича всея России деньгам 1646 года // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Ч. 1. Д. 637. Л. 90.

⁷ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XVII. Вильна, 1890. С. 681.

дома. Со временем рубахи для похорон стали дополнительно украшать лентами и кружевами [9, с. 213–214]. Отсутствие указанного украшения на женских сорочках, возможно, объясняется тем, что поверх них всегда надевали верхнюю одежду, из-под которой сорочка не была видна [4, с. 66].

В ансамбле польской одежды, изготовленной специально для погребения, были выделены фрагменты тринадцати сохранившихся рубашек. Они были сшиты из гладкого шелка. Покрой рубашек отличается простотой. В двух случаях они скроены без задней части, прикрывающей спину [9, с. 149], т.е., скорее всего, они создавались специально для погребения после смерти человека и в сжатые сроки. В ходе археологических исследований было найдено несколько одежд, которые были переделаны для нужд погребальной церемонии из повседневной одежды, сшитой по национальной моде [Там же, с. 155].

Верхней комнатной одеждой женщин в Речи Посполитой была плахта (поясная одежда, полотно шерстяной ткани, который оборачивали вокруг стана, близкая к поневе) и полосатая шерстяная юбка – андарак [8, с. 136]. Верхние юбки польского женского костюма знати шились из шелковых тканей: атласа, дамаска, бархата, парчи. Также очень популярна была одежда из сукна, китайки, мухояра (пестрой льняной ткани с примесью шерсти или хлопка, окрашенных в пряже). Нижние юбки поддерживали и равномерно распределяли складки верхней одежды, а также были дополнительной защитой в холодную погоду [9, с. 113]. Верхняя женская одежда для выхода была довольно разнообразной: сукман (распашная одежда до колен и ниже из простого сукна), сукня (вид платья из сукна, шерсти, шелка или бархата, часто – праздничный наряд), обончик (платье из черного бархата), левитка (платье с разрезом спереди), баския (широкое платье), серпанок (легкая летняя одежда), кабат (вид кафтана) или гарсэт (безрукавка), китлик (короткий кафтан из холста), плахта, саян (распашной женский сарафан с проймами, по другим версиям – плечевая одежда, плащ), чехлик (рубаха, а также юбка), адриан (кофта), амазонка, летник, полчамарок [8, с. 137–139].

В описи женских одежд конца XVI в. из имения Гатово и Нового Двора (территория Великого княжества Литовского, ныне Белоруссия) упоминаются «смуковица мухояровая, лисами подшита, кожушок старый сибирковый один, мятлик мухояровый..., газука фурстатова старая..., однорядка черная, шубка кроликами подшита, шапки две мухояровых..., кошуль долгих 15, рантушков 13...» [4, с. 77–78] и другое. Такие виды одежды, как охабень и однорядка, находят себе аналогии только в одежде русских, у поляков такой вид одежды был не распространен. Помимо шубки, еще одним видом меховой женской одежды

был торлоп, для пошива которого, как правило, использовался мех куниц, гоностаев, соболей [4, с. 83].

В Речи Посполитой, как и в России XVI–XVII вв., для пошива верхней одежды высших сословий использовались привозные ткани – сукна немецкие, чешские, итальянские, голландские, английские, шелк, бархат, которые ввозили через морские порты Гданьск, Крулевец, Ригу. На подкладку при пошиве верхней одежды шло полотно местного производства невысокого качества. Мех соболя привозили из России. Для отделки также использовались изделия московских мастеров, например пуговицы (гузики) [Там же, с. 61].

Разнообразие фасонов и материалов характерно для одежды знатных женщин. У крестьян разновидностей одежды было гораздо меньше, хотя и существовали виды костюма на каждый сезон. Данных об одежде крестьян в источниках содержится не так много, т.к. они не оставляли письменных завещаний и жалоб на воровство было меньше. Использовались более простые, дешевые ткани, в основном, местного производства: холст, грубое домотканное сукно, овчина, шкурки зайца, лисицы, возможно, хорька [8, с. 137–138]. Интересно, что сейм Речи Посполитой вынес ряд постановлений («конституций»), согласно которым мещанам запрещалось шить верхнюю одежду из шелка и дорогих мехов (разрешалось использовать только мех лисиц и «прочих низших сортов»). Постановление 1665 г. установило штраф за ношение мещанами одежды из дорогих мехов и материй. Шелковую ткань они могли использовать только для украшения праздничной одежды. Крестьяне в этих конституциях не упоминаются, очевидно, по причине того, что использовать дорогие материалы у них и так не было возможности [Там же, с. 145].

Женская одежда, найденная в погребениях в Речи Посполитой, представляет платье конической формы, нижней частью которого была гладкая юбка, а верхней – жесткий лиф с воротником, сложенным из нескольких плотных складок холста [10, с. 533]. В XVI и XVII вв. в Речи Посполитой был распространен летник – вид повседневной женской одежды, известный еще со второй половины XV в. Его покрой был достаточно вариативен. Летник мог иметь облегающую форму или быть платьем свободного покроя. Он мог иметь рукава как короткие, так и длинные, либо был скроен без них. Вероятно, летник не имел застежки и надевался через голову [11, с. 24]. В России летник имел более устоявшийся покрой и напоминал византийские одежды. Это была накладная одежда, одеваемая через голову, которая кроилась сорочкой без разреза на полы. От других женских одежд летник отличался очень длинными и широкими рукавами, которые сшивались только до половины их длины, нижняя их часть оставалась несшитой и украшалась вошвами

(кусками ткани, вшитыми как отделка), так что на руке они висели, как перекинутое полотнище [3, с. 581, 637]. Так как это был один из самых распространенных видов женской одежды знатных сословий, указания о пошиве или переделке летников в архивных документах XVII в. содержатся в достаточном количестве. «Строить» означало шить платье. При «построении» костюма портные нередко сочетали гладкую шелковую ткань, тафту с объемным бархатом. Например, в 1660 г. летник «в тафте двоеличной шолк червчат да жолт» было велено подложить киндяком и нашить вошвы из венецианского бархата «по серебряной земле»⁸. В этом же году было сшито еще несколько одеяний такого же покроя. Все отличаются богатым сочетанием тканей, украшений и даже меха. Среди них «летник в отласе цветной по белой земле травы»⁹. «Червчатый» шелк было велено подложить однотонным киндяком зеленого цвета, пришить «подольник» из желтой тафты, «опушить пухом бобровым», нашить вошвы «по бархату червчатому, шиты золотом в травах, оксамиченные серебром»¹⁰. Это был один из самых нарядных и любимых типов одежды цариц и царевен, носимых в летнее время.

В ходе работ, проводимых в skleпах собора в г. Люблине, был найден свободный длинный летник из узорочного шелкового атласа. Ткань украшена растительным орнаментом: на длинном, извивающемся стебле находится стилизованный цветок граната с плодом и зернами в центре. В настоящее время шелк имеет светло-коричневый цвет, первоначально, вероятно, был желтым. Основная конструкция состоит из четырех сильно расширяющихся книзу кусков ткани. По бокам у нижнего края вшиты два разного размера клина. Наряду с национальными элементами женского костюма, с середины XVII в. в его покрое прослеживается влияние западной моды: появляются глубокие овальные вырезы, открывавшие грудь и лопатки. Летник был застегнут только на одну пуговицу, благодаря чему его нижние края расходились в стороны, открывая одежду, которая была внизу. Ширина передней части платья по нижнему краю составляет 166 см, а задней – 124 см. То есть нижняя часть облачения была очень широкой, окружность достигала 290 см, и, вероятно, надевалась на платье или юбку с расширенным силуэтом [9, с. 119]. На территории бывшего Великого княжества Литовского было ощутимо

⁸ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреи, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреи, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 33.

влияние на фасон одежды славянских земель и стран Востока. В описи имущества виленского купца Афанасия Ивановича от 1673 г. среди прочего упоминается платье турецкое вишневого цвета [8, с. 141].

Из склепа часовни замка в г. Щецине было извлечено платье свободного кроя, спереди по всей длине рассечено, рукава очень длинные и от локтей также рассечены. Вдоль застежки, на рукавах по швам и по разрезанным краям пришиты кружева и пуговицы [9, с. 122]. Кружево было одним из самых распространенных украшений одежды, как в Речи Посполитой, так и в России. Один мастер кружевного дела мог делать кружева нескольких типов и из разных материалов, серебряных и золотных нитей. В архивных документах встречаются имена отдельных мастеров. Например, по росписи дел кружевного мастера Федора Корнильева от 1660 г. можно зафиксировать десять видов кружев, которые он умел выполнять: «цепковое золотное», «кованое серебряное», «кованое колесчатое золото с серебром», «кованое серебряное уское», «кованое золотное широкое», «кованое золотное уже того», «кованое золотное уское», «кованое серебряное широкое», «кованое серебряное уже того», «кованое серебряное уское»¹¹. При том, что выше всего ценились привозные широкие немецкие кружева, русские мастера в XVII в. уже обладали технологиями плетения большого количества видов кружевного полотна, которое использовалось для украшения царской одежды.

Кружевные мастера участвовали в изготовлении частей головного убора, который являлся важным элементом женского костюма. На Руси по традиции женщине после замужества не позволялось показывать свои волосы никому, кроме мужа. Отсюда появление довольно сложного комплекса головного убора замужней женщины, первый элемент которого был волосник – шапочка, состоящая из очелья и плетеного сетчатого верха. Поверх волосника одевался убрус – платок, тонкое полотняное или шелковое полотнище, а сверху кика – брачный венец. Все известные средневековые волосники были в различное время извлечены из погребений. Семь волосников были обнаружены в саркофагах Вознесенского монастыря на территории Московского Кремля. Они принадлежали жене Ивана III Софье Палеолог, жене Василия III Елене Глинской, второй и третьей женам Ивана Грозного – Марии Темрюковне и Марфе Собакиной, второй жене Михаила Федоровича Романова Марии Долгорукой и двум неизвестным женщинам. Фрагменты двух волосников были найдены в некрополе Чудова монастыря Московского

¹¹ Роспись кружевам кружевного мастера Федора Корнильева // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 7084. Л. 1–4.

Кремля [6, с. 426]. Два волосника было обнаружено при исследовании некрополя Покровского монастыря в Суздале. Один из них принадлежал жене Ивана IV Анне Васильчиковой. В Сергиево-Посадском музее хранится волосник, найденный при вскрытии гробницы царицы Марии Григорьевны Годуновой. Несколько волосников были обнаружены в усыпальнице Новоспасского монастыря [2, с. 100–102].

Очелье волосника выполнялось из шелковой ткани, обычно красного цвета, часто расшитой золотными нитями. По технологии изготовления кружевного верха волосники делятся на два основных типа: выполненные в технике безузловой сети на деревянной рамке и филейные. Принцип плетения первого кружева заключался в следующем: на деревянную рамку натягивались вертикальные параллельные нити, образуя в двух плоскостях четные и нечетные ряды. Затем смежные нити пальцами последовательно перевивались между собой в одну сторону и фиксировались парой палочек. Изделие плелось от концов к середине. Затем сетка стягивалась на макушке, а бока сшивались. Второй вариант – сетка-филе, которая плелась с помощью челнока и спицы. Полученная сетка-квадрат не имела отверстия на темени. Ее натягивали на специальную рамку и различными шелками и пряченым золотом вышивали геометрический орнамент. Затем сетка стягивалась по сторонам на висках [Там же, с. 105–106]. Качественные дорогие материалы и тщательная техника изготовления волосников позволяет говорить о том, что их носили при жизни. В архивных документах удалось найти размер жалованья кружевных мастеров. В 1660 г. кружевнику мастерской палаты было выдано кормовых денег по 10 денег на день, а «завязочникам» и «кружевных дел ученикам» – по 6 денег на день¹².

В гардеробе знатных полек также были шапочки из кружева, которые изготавливались на деревянных дощечках из золотных нитей. На кружеве встречается мотив звезд, цветов и треугольников, складывающихся в квадраты. По краю кружева был протянут узкий скрученный шнур, задача которого была укрепить край и поддерживать форму шапочки. Не было обнаружено никаких элементов, тесемок или лент, служащих для закрепления шапочки на голове. Вероятно, она прикреплялась шпильками [9, с. 186]. Кружевные шапочки по своему назначению аналогичны волосникам русских княгинь и цариц: их использовали в качестве домашнего головного убора либо как внутреннюю часть основного выходного убора. Распространенным головным убором, встречающимся

¹² О выдаче мастерской палаты мастерам людям, кроме портных мастеров, кормовых денег // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 6714. Л. 15.

в польских погребениях, является колпак. Его форма происходит с Ближнего Востока, из Персии. Шили колпаки из войлока, меха, сукна или шелка, украшали шелковыми, серебряными или золотными нитями и кружевами. Носили такой головной убор как мужчины, так и женщины [9, с. 174]. Мнения исследователей о форме этого головного убора разнятся. Польские ученые, как правило, называют колпаком низкие меховые шапки либо головные уборы цилиндрической формы, иногда немного расширяющиеся кверху. Его надевали поверх платка (рантуха), закрывающего уши и шею, или чепца, поля которого были накрахмалены и, выступая из-под колпака, прикрывали лоб и уши. У русских же колпак имел остроконечную форму [4, с. 92–93]. В холодное время года женщины носили меховые шапки. В описи имущества виленского купца Афанасия Ивановича упоминается женская шапочка, украшенная беличьими хвостами [8, с. 141].

Подводя итоги, следует отметить, что в статье дана характеристика костюма знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв. и сравнительный анализ текстильных изделий из погребальных комплексов этого времени. Термин «польский костюм» применен в данном случае в широком понимании этого слова и подразумевает костюм бывших территорий Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Среди текстильных изделий, найденных в ходе археологических исследований, как в России, так и в Речи Посполитой, можно выделить три категории: одежда, которую носили при жизни; облачения, специально пошитые к погребению; комбинированный комплекс.

В XVI–XVII вв. распространенным видом погребальной одежды как в России, так и в Речи Посполитой был саван. Спешность его изготовления оставляла отпечатки небрежности при пошиве. Под него одевалась повседневная одежда – платье туникообразного покроя у русских княгинь и цариц и летник у представителей польской знати, как правило, носимые при жизни их владелицами. Фасон летника в Речи Посполитой и России XVI–XVII вв. имел схожий крой и общее происхождение – от византийских одеяний, однако в Речи Посполитой этот вид одежды был более вариативен. Покрой верхних одежд, носимых при жизни женщинами знатных сословий, был различным в двух странах. У русских цариц одеяния были свободного покроя длиной до пола, слитные, не разделенные на верхние и нижние части, таким образом, не выделявшие талию. Подпоясывались только нижние рубахи, которые не были видны. Польки в рассматриваемый период, помимо свободных платьев, могли носить костюм, состоявший из верхних и нижних одежд, таким образом, подчеркивая талию. Кроме того, часть их одеяний была короче, чем у русских женщин, и не обязательно доходила до пола.

С середины XVII в. прослеживаются заимствования западной моды в покрое польской женской одежды знати, однако на территории бывшего Великого княжества Литовского костюм в этот период оставался самобытным так же, как и облачения царик в России, и имел черты костюма славянских земель либо испытывал восточное влияние. В рассматриваемый период ткани в двух странах имели аналогичный орнамент, например, в виде плодов граната, что было обусловлено поступлением шелковых тканей из Италии и с Востока. На одежду крестьян эти заимствования не распространялись. Она шилась из тканей местного производства и имела простой покроей.

Под саваном, помимо повседневной одежды, могла быть также нательная одежда – рубашка, выбранная из гардероба владелицы либо специально изготовленная к похоронной церемонии. Покроей рубашек был максимально прост, декоративное оформление отличалось высоким вкусом и чувством меры. В Речи Посполитой зафиксированы случаи изготовления рубашек специально для погребения, т.к. у них отсутствует задняя часть. Простая одежда, выбранная для погребения, была выражением смирения перед смертью, а также демонстрацией бережного отношения к дорогим материалам, из которых могли впоследствии сшить новое облачение для другой владелицы либо использовать их для церковных нужд. В России примеры изготовления специальных рубах для погребения не зафиксированы, использовалась повседневная нижняя одежда владелиц, а сверху – парадное платье. Дополнительно шились саваны, повязки-венчики и наволочки.

Трудоемкий процесс изготовления головных уборов – волосников на Руси и кружевных шапочек в Речи Посполитой – позволяет сделать вывод о том, что и те, и другие части головного убора не были изготовлены специально для погребения, а были частью женского гардероба при жизни. Все средневековые волосники, известные на сегодняшний день, принадлежали женщинам царского рода или знатных боярских и княжеских родов. Используемые для их изготовления материалы достаточно дороги. Технология исполнения отличается высоким качеством, все они являются высокими произведениями декоративно-прикладного искусства своего времени. Присутствие этих элементов одежды в княжеских и царских некрополях подчеркивает отношение к женским волосам и важность значения женского головного убора для средневекового человека.

Комплексный анализ текстильных изделий России и Речи Посполитой позволил выявить некоторые особенности отношения к одежде в двух странах, определить различные черты в покрое, зафиксировать общие тенденции и взаимовлияния двух стран в XVI–XVII вв.

Существование различных погребальных практик говорит об отсутствии общих правил и алгоритмов при подготовке данных обрядов даже в пределах одной страны.

Библиографический список / References

1. Вишневецкая И.И. Драгоценные ткани. М., 2007. [Vishnevskaya I.I. Dragocennye tkani [Precious fabrics]. M., 2007.]
2. Елкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в московском Новоспасском монастыре // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 85–114. [Elkina I.I. Headdresses and funeral vestments from the tomb of the Romanov family in the Moscow Novospassky Monastery. *Usypalnica doma Romanovyh v Moskovskom Novospasskom monastyre*. Kostroma, 2005. Pp. 85–114. (In Rus.)]
3. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2014. [Zabelin I.E. Domashnij byt russkikh carej i caric v XVI i XVII stoletiyah [The home life of Russian tsars and queens in the XVI and XVII centuries]. M., 2014.]
4. Молчанова Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. М., 1981. [Molchanova L.A. Oчерki materialnoj kultury belorusov XVI–XVIII vv. [Essays on the material culture of Belarusians of the XVI–XVIII centuries]. M., 1981.]
5. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 томах. Т. 3. Ч. 1. М., 2018. [Nekropol russkikh velikih knyagin i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]. Vol. 3. Part 1. M., 2018.]
6. Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1981. С. 455–464. [Spirina L.M. Unknown works of art and historical documents related to the Godunov burial complex. *Pamyatniki kultury. Novye otkrytiya*. Leningrad, 1981. Pp. 455–464. (In Rus.)]
7. Текстильные изделия из раскопок некрополя Чудова монастыря / Синицына Н.П., Яковчик М.С., Энговатова А.В. и др. // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М., 2022. С. 426–438. [Sinicyna N.P., Yakovchik M.S., Engovatova A.V. et al. Textiles from the excavations of the necropolis of the Chudov Monastery. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya*. Vol. I. Archaeological research at the site of the Chudov Monastery. M., 2022. (In Russ.)]
8. Улащик Н.Н. Одежда белорусов XVI–XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. [Ulashchik N.N. Clothes of Belarusians of the XVI–XVIII centuries. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoj Evropy*. M., 1986. (In Rus.)]
9. Drażkowska A. Dziecięca odzież grobowa z XVII i XVIII wieku. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 2006. R. 54. Nr. 2.

10. Drążkowska A. *Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku*. Toruń, 2008.
11. Gutkowska-Rychlewska M. *Historia ubiorów*. Wrocław, 1968.
12. Turnau I. *Ubiór narodowy w dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1991.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023, принята к публикации 01.07.2023

The article was received on 11.04.2023, accepted for publication 01.07.2023

Сведения об авторе / About the author

Русова Юлия Сергеевна – независимый исследователь, г. Москва

Yulia S. Rusova – independent researcher, Moscow

E-mail: Julia.rusova@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-133-145

УДК 32.019.51+304.444/.5+94

В.В. Бруз, С.Ф. Вититнев, А.В. Шмелёва

Государственный университет просвещения,
141014 Московская обл., г. Мытищи, Российская Федерация

Феномен фашизма в трактовках современных зарубежных авторов

Понятие «фашизм» получило широкое распространение в середине – второй половине XX в. Это нашло отражение в научных трудах по общественным наукам, многочисленных публикациях в периодической печати, справочных, энциклопедических изданиях. Подход к изучению фашизма, сложившийся на Западе, имеет принципиальные отличия от отечественного. Это касается как взглядов на определение фашизма, его генезис, так и в оценочных суждениях, касающихся практической стороны этого вопроса. В статье рассматриваются взгляды западных авторов на понятие фашизма, его исторические корни и природу, место и роль в европейской мысли, отношение к практике его проявления. Сделан вывод о том, что при определении фашизма западные исследователи подменяют научную методологию псевдонаучной политехнологией, позволяющей трактовать фашизм, исходя из поставленной цели и политических интересов. По их мнению, фашизм является частью европейской идеологии и политики, а его идеи имеют многовековую историю: их можно увидеть даже во взглядах античных философов. Современные оценочные суждения, касающиеся практических проявлений фашизма в современном мире, носят ярко выраженный политически мотивированный, конъюнктурный характер.

© Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелёва А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: фашизм, научная методология, политтехнология, генезис фашизма, декаданс, либеральные ценности, демонизация противника

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмельёва А.В. Феномен фашизма в трактовках современных зарубежных авторов // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 133–145. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-133-145

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-133-145

V.V. Bruz, S.F. Vititnev, A.V. Shmeleva

Federal State University of Education,
Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

The phenomenon of fascism in the interpretations of modern foreign authors

The concept of fascism became widespread in the mid-second half of the twentieth century. This was reflected in scientific works on social sciences, numerous publications in periodicals, reference books, and encyclopedias. However, upon closer examination, it turned out that the approach to the study of fascism that has developed in the West has fundamental differences and features. This applies both to views on the definition of fascism, its genesis, and in value judgments regarding the practical side of this issue. The article discusses the views of Western authors on the concept of fascism, its historical roots and nature, its place and role in European thought, attitude to its manifestation. It is concluded that when defining fascism, Western researchers replace scientific methodology with pseudo-scientific political technology, which allows interpreting fascism based on the goal and political interests. According to them, fascism is part of European ideology and politics, and its ideas have a long history. Western authors see the genesis of fascism in the views of ancient philosophers. Modern value judgments concerning the practical manifestations of fascism in the modern world are clearly politically motivated, opportunistic in nature.

Key words: fascism, scientific methodology, political technology, genesis of fascism, decadence, liberal values, demonization of the enemy

FOR CITATION: Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The phenomenon of fascism in the interpretations of modern foreign authors. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 133–145. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-133-145

Весной 1945 г. Знамя Победы в Берлине над фашистским рейхстагом стало для миллионов людей символом окончания Великой Отечественной войны. Советская армия внесла решающий вклад в разгром вооруженных сил фашистской Германии и освобождение народов Европы. Для судебного разбирательства и наказания главных военных преступников был учрежден Международный военный Трибунал¹. К преступлениям, подпадающим под его юрисдикцию, были отнесены преступления против мира; военные преступления; преступления против человечества².

В случаях, когда Трибунал объявляет группу или организацию преступной, компетентный национальный орган любой подписавшей стороны имеет право привлекать лиц к суду за принадлежность к ним в национальных, военных или оккупационных структурах. В любом таком случае преступный характер группы или организации считается доказанным и не подлежит сомнению³.

Трибуналом были объявлены преступными в связи с целями и средствами, использованными для их достижения, а также в связи с осуждением тех из подсудимых, которые были их членами: правительство рейха; политические руководители Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП); состав охранных отрядов НСДАП «СС», служба безопасности «СД»; тайная государственная полиция («гестапо»);

¹ В соответствии со ст. 6 Устава Международного военного Трибунала, к преступлениям, подпадающим под его юрисдикцию, были отнесены: «(а) преступления против мира, а именно, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны...; (b) военные преступления, а именно, нарушения законов или обычаев войны...; (с) преступления против человечества, а именно, убийства, истребление, порабощение, депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам при исполнении или в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала, независимо от того, нарушает ли оно внутреннее законодательство страны, где оно было совершено».

² Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal Nuremberg 14 November 1945 – 1 October 1946. Published at Nuremberg, Germany, 1947. Vol. 1. P. 11.

³ Ibid. P. 12.

штурмовые отряды НСДАП «СА»; Генеральный штаб и высшее командование немецких вооруженных сил (вермахта)⁴.

Таким образом, как отмечают многие исследователи (см., например [3, с. 89]), Нюрнбергский процесс стал важным событием в истории человечества. Военное поражение вермахта на фронтах Второй мировой войны завершил его морально-политическим разгромом Суд народов. Нюрнбергские морально-правовые принципы прочно вошли в общественное сознание. Приговор нюрнбергского Трибунала стал закономерным справедливым наказанием за беспрецедентные в истории преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Была проведена денацификация Германии, и казалось, что с фашизмом покончено навсегда. Однако все оказалось не так просто. Одна из проблем, касающихся фашизма, возникла в связи с неоднозначностью подходов к его определению.

В общественном сознании, памяти народов, прежде всего, нашей страны и, отчасти, народов Европы и мира, нюрнбергский Трибунал воспринимается как международный суд над фашизмом. Однако с формально-юридической точки зрения Трибунал признал преступными определенные деяния, группы и организации, а также их руководителей. Обвинений против фашизма как идеологии Трибунал не выносил. Следует отметить, что и отечественная правовая система не содержит определения понятия фашизм. Это создает определенные трудности при рассмотрении данного явления.

В советской историографии основой для определения понятия «фашизм» стало положение, зафиксированное в докладе генерального секретаря Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (Коминтерна) Г.М. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» на VII Всемирном конгрессе Коминтерна летом 1935 г. Фашизм определялся в нем как открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала⁵.

Это определение легло в основу общепринятого в советской исторической науке. Так, в «Советской исторической энциклопедии» фашизм

⁴ Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal Nuremberg 14 November 1945 – 1 October 1946. Published at Nuremberg, Germany, 1947. Vol. 1. P. 28.

⁵ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово. М., 1935. С. 11.

рассматривается как политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии⁶. По сути, данное определение нашло отражение в «Большой советской энциклопедии» и другой справочно-энциклопедической литературе⁷. В фундаментальном научном труде «История фашизма в Западной Европе», подготовленном учеными Института всеобщей истории Академии наук СССР, фашизм рассматривается как многогранный политический, экономический, социально-психологический феномен, возникший в результате общего кризиса капитализма, выражающий интересы наиболее реакционных сил монополистического капитала, имеющий общие характерные черты и специфические особенности, обусловленный конкретно-историческим положением в отдельных странах и в мире [2, с. 5].

Таким образом, в советской историографии существовало общепринятое определение понятия «фашизм», который рассматривался с классовых позиций, с учетом конкретно-исторической обстановки. Применение научных методов анализа и синтеза позволяло выделить и изучить главные, сущностные признаки рассматриваемого явления, которые в единстве и представляют собой целостность. То есть в основе изучения понятия лежала научная методология.

В западной историографии сложился иной подход к понятию «фашизм». Он рассматривается как идеология и массовое политическое движение, оформившееся в первой половине XX в. и, как подчеркивает редактор «Британской энциклопедии» Роберт Суси, получившее распространение в ряде регионов Центральной, Южной и Восточной Европы, а также имевшее сторонников в Западной Европе, США, Южной Африке, Японии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке⁸.

По сути, смысл данного кажущегося объективным подхода направлен на оправдание правящих кругов западных стран и монополистического капитала, способствовавших приходу фашистов к власти. Во-первых, утверждение о том, что в 1920–1930-х гг. фашизм был широко распространен во многих странах мира, позволяет сделать вывод о том, что, по мнению западных авторов, речь шла об объективно обусловленном процессе и фашисты могли прийти к власти в любой стране мира, и это никак не было связано с капитализмом и уровнем его развития. Во-вторых, исходя из того, что по мнению Р. Суси, позиции фашизма

⁶ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 971.

⁷ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М., 1977. С. 222.

⁸ Soucy R. Fascism. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/search?query=fascism> (access date: 03.10.2023).

в то время были более сильными в Восточной Европе, то приход его к власти в странах этого региона был наиболее вероятен, в отличие от Западной Европы, где, по мнению западных исследователей, как и в США, Японии или Южной Африке, фашизм имел лишь отдельных сторонников. В действительности же, как справедливо утверждает советский историк Г.С. Филатов, наиболее опасные очаги фашизма находились именно в западноевропейском регионе [2, с. 5]. Эту точку зрения разделяют и современные российские историки⁹. Однако, как следует из логики западных авторов, приход к власти фашистов в Германии был случайностью. А это значит, что ни монополистический капитал, ни руководители западных стран не имели никакого отношения к приходу к власти А. Гитлера в Германии.

Поскольку фашизм в разных странах имел свои особенности и отличия, то по этим и другим причинам, по мнению западных авторов, не существует общепринятого определения фашизма. Так, историк Джон Лукач утверждает, что общего фашизма не существует и обращает внимание на различия между Муссолини и Гитлером или между итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом [8, р. 118]. На эти отличия обращают внимание и некоторые современные российские исследователи. Так, например, по мнению Д.Д. Сушкова, на формирование фашизма в Италии существенное влияние оказали культурно-исторические условия, что обусловило его «большую мягкость» в отличие от других тоталитарных режимов [4, с. 121]. Здесь следует отметить, что в принципе абсолютно одинаковых политических систем, политических режимов не существует. На их формирование и развитие оказывает влияние целый ряд объективных и субъективных факторов: культура, обычаи, традиции, складывающаяся социально-экономическая и политическая обстановка и т.д. Однако сущность политического режима, его природа от этого принципиально не меняется.

Что касается взглядов западных историков и политологов на природу фашизма, то они имеют существенные отличия. Ряд исследователей видит в нем близость к радикальному крылу деятелей Великой Французской революции, другие считают его, наоборот, крайне консервативным течением. Некоторые авторы пытаются объяснить фашистскую демонологию как выражение иррационально направленного гнева и разочарования, в то время как другие подчеркивают рациональные способы использования этой демонологии для сохранения профессиональных или классовых преимуществ. Одни считают, что фашизм движим,

⁹ См., например: Виндзорское досье. Документальный фильм. 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IvhupK-J58E> (дата обращения: 04.08.2023).

прежде всего, своими устремлениями к возрождению традиционализма, как ответ на упадничество декаданса, другие акцентируют внимание на его антикоммунизме, активной борьбе с левыми партиями и движениями.

Кроме того, существенную роль в исследовании фашизма играет субъективный фактор. На результатах проводимого анализа сказываются взгляды, которых придерживаются авторы, их мировоззрение, а также то значение, которое придается ими тому или иному аспекту изучаемой теории или практики фашизма. Так, представители атеистического, либерального направления акцентируют внимание на религиозных аспектах фашизма. Странники католицизма и протестантизма придерживаются противоположной точки зрения и рассматривают проблему, делая упор на его светских истоках. Консерваторы, придерживающиеся политически правой идеологии, сосредотачивают внимание на социалистическом аспекте фашизма, в то время как сторонники левых взглядов говорят о защите им капитализма.

Таким образом, можно говорить об эклектизме, существующем в западной историографии по данному вопросу.

Историк Стэнли Г. Пейн в книге «Фашизм: сравнение и определение» предложил длинный подробный список характеристик для идентификации фашизма, на который часто ссылаются исследователи. Эти характеристики включают: «фашистские отрицания» – антилиберализм, антикоммунизм и антиконсерватизм; «фашистские цели» – создание националистической диктатуры для регулирования экономической структуры и преобразования социальных отношений в рамках современной самоопределяющейся культуры, а также расширение нации в империю; «фашистский стиль» – политическая эстетика романтического символизма, массовой мобилизации, позитивного отношения к насилию и продвижения мужественности, молодости и харизматичного авторитарного лидерства [9, р. 7].

Роджер Гриффин определяет фашизм как род политической идеологии, чье мифическое ядро в его различных вариантах представляет собой форму популистского ультра национализма, включающую миф о возрождении, популистский ультра национализм и миф о декадансе [7, р. 201].

Умберто Эко в эссе «Вечный фашизм: четырнадцать способов взглянуть на чернорубашечника» выделил такие характеристики протофашизма, как «культ традиции», отказ от модернизма, культ действия ради действия, жизнь для борьбы, постоянная война, «страх перед отличием», проявляющийся в форме расизма, антисемитизма, ксенофобии, презрение к слабым, культ мужественности, нетерпимость и осуждение

нестандартных сексуальных привычек, популизм, обращение к разочарованному большинству, поиск внутренних и внешних врагов, «ново-яз» – использование и продвижение скудного словарного запаса, чтобы ограничить критическое мышление, и др.¹⁰ При этом Умберто Эко утверждает, что невозможно организовать эти характеристики в стройную систему, но что «достаточно присутствия одного из них, чтобы фашизм сгустился вокруг него»¹¹.

Таким образом, используя, казалось бы, научный метод анализа фашизма, западные авторы выхолащивают его, выделяя наиболее существенные признаки, характеристики, его составляющие, приходят к выводу, что перечень признаков можно расширять или сокращать, в зависимости от целей исследования, субъективно определяемых автором. Более того, из всего многообразия различных признаков и характеристик может быть достаточно наличия всего лишь одного!

Исходя из этого, можно утверждать, что западные исследователи подменяют научную методологию политтехнологией, когда заранее заданный результат обосновывается подбором соответствующих ему признаков.

Применение данной политтехнологии, предполагающей на основании какого-либо одного или нескольких, произвольно выбранных признаков, говорить о фашизме без учета конкретно-исторической обстановки, объективных и субъективных факторов, позволяет западным авторам рассуждать о «фашистских» взглядах древнегреческого философа Платона, на основании того, что он считал идеальным государство, которым будет управлять элитный класс правителей, отвергал идею социального равенства, верил в авторитарное государство и презирал афинскую демократию [10, р. 131–132].

Западные авторы усматривают «фашистские» взгляды в трудах многих ученых, философов. Среди них Иоганн Готфрид Гердер, который ввел термин Nationalismus («национализм») и разработал теорию, в соответствии с которой европейцы являются потомками индоарийцев¹²; Иоганн Готлиб Фихте, один из основоположников немецкого национализма [6]; Жорж Сорель, автор теории о позитивной и созидательной роли мифа и насилия в историческом процессе [11, р. 338]; Чарлз Дарвин, автор теории эволюции. Фашистские взгляды они видят в эстетике Рихарда Вагнера, расизме Артура де Гобино, психологии Гюстава Лебона, философии Фридриха Ницше с его концепцией

¹⁰ Umberto E. *Eternal Fascism: Fourteen ways of looking at a Blackshirt*. *New York Review of Books*. 22 June 1995. Pp. 12–15.

¹¹ *Ibid.* Pp. 12.

¹² Blamires C., Jackson P. *World Fascism. A Historical Encyclopedia*. 2006. Vol. 1. P. 62.

сверхчеловека (*Übermensch*) [12, р. 2–11] и защитой «воли к власти» (*der Wille zur Macht*) как изначального инстинкта¹³ и т.д. Однако, как утверждает историк-германист А.С. Бланк, взгляды этих ученых, философов, как правило, не могли быть автоматически перенесены в систему фашистского мировоззрения, их предварительно адаптировали, приводили в соответствие с нацистской идеологией [1, с. 117].

Идеологические корни фашизма западные исследователи видят и в теориях упадка конца XIX в. (*fin de siècle*). Популярная в свое время в Европе работа Макса Нордау «Вырождение»¹⁴ стала основой теории декаданса. Идеи декаданса, по сути, способствовали популярности национал-социалистов, которые представляли национализм как лекарство от декаданса. Как известно, декадентство Веймарской республики с его постмодернистской философией трансгрессии завершилось приходом к власти Гитлера. Об этом напоминает Род Дреер, колумнист *American Conservative*, усматривая в поощряемой властями США ЛГБТ-«культуре» и обстановке вокруг нее декадентскую атмосферу, похожую на царившую в Веймарской республике перед приходом Гитлера к власти¹⁵.

Таким образом, западная историография, рассматривая существование фашистских идей в европейской мысли на протяжении многовековой истории¹⁶, не видит в ней ничего нового. Это мнение не вызывает принципиальных возражений.

Как утверждает Джозефина Армистед, фашизм – это одна из двух форм буржуазного правления, другой является буржуазная демократия и между ними принципиальных отличий нет. И буржуазная демократия, и фашизм опираются на терроризм, но фашизм более террористичен, чем буржуазная демократия. Буржуазная демократия нестабильна, и когда буржуазный режим столкнется с кризисом или его свержением, буржуазия обращается к фашизму, чтобы заблокировать возникновение успешного революционного движения [5, р. 6].

Это находит подтверждение в европейской истории. Политические силы, поддерживаемые монополистическим капиталом, способствовали приходу к власти в Италии и Германии фашистов, объявивших своей

¹³ Nietzsche F. *Beyond Good and Evil*. 1886. P. 13. URL: https://archive.org/details/friedrich-nietzsche_beyond-good-and-evil_helen-zimmern/page/n1/mode/2up (access date: 03.10.2023).

¹⁴ Nordau M. *Degeneration*. Transl. from second edition of the German work. N.-Y., 1895.

¹⁵ Dreher R. *The West is going through a period of decadence – like under the Weimar Republic. The American Conservative*. 25 June 2022. URL: <https://www.theamericanconservative.com/pride-weimar-west/> (access date: 10.07.2022).

¹⁶ *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/search?query=fascism> (access date: 10.03.2023).

главной целью борьбу с коммунизмом. Эта цель отвечала интересам монополистического капитала и политического руководства ведущих стран Запада. Об осуждении фашизма, пришедшего к власти в Италии и Германии, ни со стороны Лиги Наций, ни со стороны руководства западных стран, речи не было. Более того, Германии оказывалась экономическая, политическая и дипломатическая поддержка¹⁷.

В отдельных случаях лидеры западных стран высказывали некоторую озабоченность, в частности, в связи с присоединением к Германии Австрии (аншлюс) в 1938 г. и занятием Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г. Однако, по сути, политическое руководство ведущих стран Запада способствовало приходу фашистов к власти и готовило их в качестве ударной силы против Советского Союза. Гитлер заключил антикоминтерновский пакт с Японией, к которому присоединилась Италия, и не скрывал своих целей по уничтожению СССР.

Позицию руководителей западных государств цинично и откровенно выразил сенатор Гарри Трумэн, будущий президент США. 24 июня 1941 г., в момент нападения Германии на Советский Союз, он заявил, что США не следует торопиться с решением, на чьей стороне вступать в войну. «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...»¹⁸.

Этим во многом объясняется подход западного истеблишмента к фашизму. Так, если в годы Второй мировой войны Советский Союз боролся против фашистской Германии, западные лидеры вступили в борьбу не против фашизма, а против Гитлера. Этим, по-видимому, объясняется создание антигитлеровской, а не антифашистской коалиции.

Фашизм рассматривается в западной историографии как распространённое явление, которое существует со времен Античной Греции и Древнего Рима, и является частью европейской идеологии и политики. Просматривается стремление реабилитировать правящие круги западных стран, способствовавших приходу к власти Гитлера. Этим объясняется тот факт, что фашизм официально никогда не осуждался западными руководителями.

Подтверждением этому служит, в частности, голосование на Генеральной ассамблее ООН по Резолюции «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, способствующими разжиганию

¹⁷ Так, например, осенью 1938 г. было заключено т.н. Мюнхенское соглашение, в соответствии с которым главы правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё) и Италии (Б. Муссолини) удовлетворили требования Гитлера и передали Германии часть территории Чехословакии – Судетскую область.

¹⁸ Our policy stated. *The New York Times*. 1941. June 24.

современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», с 2005 г. регулярно предлагаемой Россией. В декабре 2023 г. за Резолюцию проголосовало 118 стран, против – 49. Среди противников, как и в предыдущие годы, США, Канада, страны ЕС, включая Германию, Украина, Япония, Австралия и некоторые другие.

Можно вспомнить и о том, как в сентябре 2023 г. премьер-министр Канады Дж. Трюдо принимал в своем кабинете ветерана дивизии СС «Галичина» Я. Гунько. А затем канадский парламент во главе со спикером Э. Рота и украинской делегацией во главе с президентом В. Зеленским стоя приветствовали и устроили овацию ээсовцу как «герою», воевавшему в годы Второй мировой войны против русских. Скандал произошел из-за прессы, когда журналисты выяснили прошлое этого нацистского преступника. Спикер парламента подал в отставку. Однако трудно представить, что ни премьер-министр, ни спикер парламента, ни представители соответствующих служб не знали, кто воевал против Советского Союза, учитывая, что Канада входила в антигитлеровскую коалицию. Сегодня для этих политиков ненависть к России оказывается важнее памяти 45 тысяч канадских солдат, павших в боях против войск гитлеровского блока, где в дивизии СС воевал Я. Гунько. Эти факты свидетельствуют о том, как конъюнктурно относятся некоторые западные политики к фашизму.

Для определения фашизма западные исследователи применяют псевдонаучную политтехнологию, которая позволяет трактовать фашизм, исходя из поставленной цели и политических интересов, и применяется в качестве средства пропаганды и инструмента в политической борьбе и информационной войне. Они пытаются неисторически подходить к этому явлению что, по сути, ведет к апологетике или субъективной критике фашизма.

В пропагандистских целях обвинение в фашизме используется для демонизации противника. Союзников, наоборот, оберегают от подобных обвинений, даже если речь идет о фашистских государствах.

Библиографический список / References

1. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма. Организация. Идеология. Методы. М., 1978. [Blank A.S. Is istorii rannego fashizma. Organisatsiy. Ideologiy. Metody [From the history of early fascism. Organization. Ideology. Methods]. Moscow, 1978.]
2. История фашизма в Западной Европе / Филатов Г.С. и др. М., 1978. [Filatov G.S. et al. Istoriya fashizma v Zapadnoy Evrope [History of fascism in Western Europe]. Moscow, 1978.]
3. Лебедева Н.С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 75–92. [Lebedeva N.S. The Nuremberg Trials

- and its verdict. *MGIMO Review of International Relations*. 2010. No. 6. Pp. 75–92. (In Rus.)]
4. Сушков Д.Д. Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 117–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132 [Sushkov D.D. Fascism and Resistance in Italy in the interpretation of the Communist Party and the Cristian Democratic Party (1943–1948). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 117–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132]
  5. Armistead J. The Silicon Ideology. May 18, 2016. URL: <https://archive.org/details/the-silicon-ideology/page/n19/mode/2up> (access date: 12.07.2023).
  6. Butler R. The roots of National Socialism 1783–1933. L., 1941.
  7. Griffin R. The nature of Fascism. L.; N.-Y., 1993.
  8. Lukacs J. The Hitler of History. N.-Y., 1998.
  9. Payne S.G. Fascism: Comparison and definition. Madison, WI, 1980.
  10. Sharma R.N. Plato: An interdisciplinary perspective. New Delhi, 1991.
  11. Sternhell Z., Sznajder M., Ashéri M. Georges Sorel and the Antimaterialist Revision of Marxism. The birth of Fascist ideology: From cultural rebellion to political revolution. Princeton, 1994.
  12. Van der Braak A. Zen and Zarathustra: Self-overcoming without a self. *Journal of Nietzsche Studies*. 2015. Vol. 46. No. 1. Pp. 2–11.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023, принята к публикации 10.01.2024
The article was received on 06.12.2023, accepted for publication 10.01.2024

Сведения об авторах / About the authors

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская обл.

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, Federal State University of Education, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation
E-mail: vvb54@yandex.ru

Вититнев Сергей Фёдорович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская обл.

Sergey F. Vititnev – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of General History of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелёва Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент; заведующая кафедрой инновационных технологий филологического образования филологического факультета, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская обл.

Anna V. Shmeleva – PhD in Philology; Head at the Department of Innovative Technologies of Philological Education of the Philological Faculty, Federal State University of Education, Mytishchi, Moscow region

E-mail: lug-anna@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-146-149

УДК 329.11+94

Д.Л. Фролов

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Ковалев М.А.

У истоков консерватизма в Англии.

Общественно-политические взгляды
ранних тори. 1714–1760 гг.

СПб., 2024

Монография М.А. Ковалева¹ посвящена исследованию причин появления, этапов трансформации и ключевых идеологических установок торизма в 1714–1760 гг. Фактически автором ставится весьма актуальная с научной точки зрения задача изучения «эмбрионального» периода в развитии классического консерватизма, основные постулаты которого были сформулированы Э. Берком в «Размышлениях о революции во Франции» 1790 г.²

¹ Ковалев М.А. У истоков консерватизма в Англии. Общественно-политические взгляды ранних тори. 1714–1760 гг. СПб., 2024.

² Burke E. Revolutionary writings. Reflections on the Revolution in France and the First letter on a Regicide Peace. I. Hampsher-Monk (ed.). Cambridge, 2014.

© Фролов Д.Л., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

На основании анализа широкого круга исторических источников и литературы в четырех главах представленного труда М.А. Ковалев последовательно рассматривает развитие партии тори в течение столетия с 1660 по 1760 гг. Наиболее пристальному изучению со стороны исследователя подвергаются этические и эстетические принципы, политические концепции, представления о социуме и историческом процессе тори периода оппозиции (с 1714 г.). Автор не обходит стороной и вопрос социальной критики в произведениях ранних консерваторов.

М.А. Ковалев на страницах своей монографии излагает целостную и проработанную концепцию развития торизма до 1760 г. Способ изложения материала внутри глав не вызывает вопросов, равно как и выбор источников и специализированной литературы. Выводы по большей части представляются нам обоснованными. Автор весьма удачно производит разделение между двумя поколениями тори, смена которых произошла в 1742 г. после выхода в отставку одиозного премьер-министра Р. Уолпола (с. 314). Исследователем подчеркиваются различия в социальном происхождении представителей двух поколений ранних консерваторов, существенные отличия в основах их идеологии, взглядах на этико-эстетические проблемы, идеальное государственное устройство (с. 315–316). Следует согласиться и с высокой оценкой специалистом вклада шотландских философов в развитие различных концепций торизма, а также влияния вигских идей на переосмысление торийского мировоззрения в романах Г. Филдинга и Т. Смоллетта (с. 315–316, 318). Наконец, по нашему мнению, историк весьма целесообразно отмечает наличие у Э. Берка «подготовленной почвы» для ответа на Французскую революцию (с. 319).

Однако работа не лишена и некоторых недостатков. Определенное сомнение вызывает вывод М.А. Ковалева о том, что «исторические построения оппозиционеров 20–40-х гг. XVIII в. заслуживают более высокой оценки, чем их политические» (с. 317–318). При этом автор не дает нам информации о критериях, по которым он выставлял оценку рассматриваемым «построениям» (если такие критерии вообще можно выделить), а также не производит качественного сравнения консервативных историописания и политических концепций в соответствующих главах (с. 114–161, 195–212). Дополнительную неоднозначность позиции специалиста придает фраза об изящном решении «политических вопросов» торийскими мыслителями, расположенная в предшествующем (!) процитированному умозаключению абзаце (с. 317)

Недостаточно проработанными представляются и некоторые разделы «Введения». Крайне поверхностно репрезентирован методологический

аппарат. Достаточно подробно изложена лишь сущность феноменологического подхода; методы контент-анализа и художественного анализа упоминаются вскользь. Из содержания текста не совсем ясно, качественным или количественным контент-анализом собирается пользоваться автор (с. 7). Тем не менее отметим, что М.А. Ковалев действительно применяет данный прием для выяснения позиций торийских авторов по вопросу о положительных/отрицательных характеристиках личности. С помощью указанного метода анализируются фрагменты «Заметок» Дж. Свифта и «Характеров» Честерфилда (с. 93–95).

Не совсем понятна и причина отказа автора от традиционной для отечественного источниковедения типо-видовой классификации источников, разрабатывавшейся несколькими поколениями советских и российских специалистов³. Исторические свидетельства письменного типа разбираются М.А. Ковалевым на некие «группы» (с. 10–29), при этом исследователь ничем не обосновывает необходимость такого нестандартного деления.

В обзоре исследовательской литературы автор рассматривает работы предшественников, придерживаясь проблемно-хронологического подхода, что является вполне целесообразным решением. Вместе с тем, М.А. Ковалев производит спорное «географическое» размежевание историографии на «отечественную» и «зарубежную» (с. 29–56). Такое членение на современном этапе развития исторической науки вряд ли состоятельно, ведь «отечественное» историописание с 1990-х гг. не отделено от «зарубежного» в идеологическом, методологическом или ином аспекте и все более интегрируется в мировое историографическое пространство⁴.

Имеются претензии и к качеству издания. Например, первая сноска на с. 79 начинается со слов «там же», на с. 85 ситуация повторяется, на с. 94 «там же» меняется на «Ibid.» и т.д. на с. 102, 138, 180... Данное обстоятельство создает известные неудобства для читателя. Отметим и неоднообразное оформление списка литературы, в различных позициях которого то появляется, то исчезает тире перед указанием места публикации. Только на с. 345 мы наблюдаем соседство «143... – М., 1997», и «144... М., 1978». То же происходит и на с. 348.

Тем не менее, указанные недостатки ни в коем случае не умаляют достоинств монографии М.А. Ковалева. Автор провел оригинальное

³ Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 1. С. 7–19.

⁴ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. Вып. 2. С. 108.

исследование развития раннего торизма, детально проанализировав ключевые аспекты данной идеологии и сделав ряд новаторских выводов. В связи с этим целесообразно констатировать, что книга «У истоков консерватизма в Англии. Общественно-политические взгляды ранних тори. 1714–1760 гг.» является комплексным трудом, обладающим несомненной научной ценностью и не имеющим аналогов в современной историографии.

Сведения об авторе / About the author

Фролов Денис Леонидович – старший преподаватель кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Denis L. Frolov – Senior Lecturer at the Department of History of the Archeology and Local History of the Humanitarian Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024.1

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.03.2024 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 9,38 п. л. Тираж 1000 экз.